

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА

Сборник студенческих научных работ

Выпуск 9

Часть 2

Тверь 2026

УДК 34.02(0.034)

ББК Х022.155я04

П78

Ответственный за сборник:

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
конституционного, административного и таможенного права
Тверского государственного университета Н.А. Антонова

П78 Проблемы публичного и частного права: сборник студенческих научных работ. Выпуск 9. Часть 2. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2026. – 136 с.

Настоящий сборник содержит научные статьи участников V Международного научного студенческого форума 2026, проводимого на юридическом факультете.

Научные работы обучающихся посвящены актуальным проблемам публичного и частного права.

Статьи представлены в авторской редакции.

Сборник рекомендован к опубликованию решением ученого совета юридического факультета (протокол № 10 от 19 мая 2026 г.).

УДК

34.02(0.034)

ББК

Х022.155я04

© Авторы статей, 2026

©Тверской государственной
университет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовное право и процесс

Апсова А.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы правоприменения и неопределенность критериев заглаживания вреда	4
Драгунова В.А., Жулев Е.Е. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства как преступление экстремистской направленности	10
Козлова В. А., Коршунова А. Э. Институт отсрочки отбывания наказания по статьям 82 и 82.1 Уголовного кодекса Российской Федерации	15
Колосов Я.Л. Уголовная ответственность за создание дипфейков: пробелы в законодательстве Российской Федерации	25
Ломакова В. М. Уголовно-правовые меры противодействия диверсионной деятельности: современные вызовы	28
Краснова В.Н. Кулькова К.С. Конфискация имущества в уголовном праве Российской Федерации: проблемные аспекты в теории и практике	34
Мисингевич В.Д., Наумова К.Ю. Противодействие экстремистской идеологии в СМИ и в сетях связи общего пользования	43
Олейник О.А. Условное осуждение в уголовном праве	47
Царькова Л.С. Правовые механизмы освобождения от уголовной ответственности и наказания для участников Специальной военной операции	51

Семейное право

Галькевич Я.А. К вопросу о соотношении репродуктивных прав матери и интересов ребенка	59
Карасева П.М. Правовой статус семьи военнослужащего в годы Великой Отечественной войны и сегодня: льготы, пособия и социальная защита	63
Огаркова Е.В. Обеспечение частной жизни членов семьи в условиях цифровизации: проблемы и перспективы правового регулирования	73

Земельное и экологическое право

Алексеева Д.В. Бондарева Е.С., Условия признания права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности в судебном порядке и проблемы доказывания добросовестного владения	80
Замяткина В.Е. Лизунов В.В., Разрешение судебных споров об установлении границ на земельные участки.....	88
Шведко М.А. Щитов Г.О., Особенности рассмотрения судебных дел о принудительном прекращении права собственности на земельные участки из состава земель сельскохозяйственного назначения вследствие использования их не по целевому назначению.....	94

Экономико-правовые проблемы обеспечения кибербезопасности страны

Белова А. Е., Василенко А. К. Кибертерроризм как долгосрочная угроза устойчивости государства.....	101
Горленышев И.Н., Дубровский И.А., Земляков А.Д. Здоровый образ жизни как национальная стратегия обеспечения кибербезопасности.....	105
Тарвердиева Г.Ф., Царькова Л.С. Киберстрахование: щит и компас в океане цифровых угроз.....	112
Федоров М.А. Киберпреступность как угроза финансовой устойчивости государства.....	122

История правовых и политических учений

Помозова Э.Е. Общество – свод камней, который обрушился бы, если бы один не поддерживал другого.....	128
--	-----

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С
НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА: ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КРИТЕРИЕВ
ЗАГЛАЖИВАНИЯ ВРЕДА**

А.А. Апсова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.А. Дронова

В статье анализируются нормы действующего законодательства, посвящённые освобождению от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Рассматриваются проблемы правоприменения данной меры, неопределённость критериев заглаживания вреда, отсутствие единообразия в судебной практике, а также условия, при которых судебный штраф применяется либо не применяется. *Ключевые слова:* судебный штраф; освобождение от уголовной ответственности; статья 76.2 УК РФ; заглаживание вреда; судимость; правоприменительная практика.

Вопросы применения освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в современный период развития России имеют большое значение. Суть данного основания освобождения от уголовной ответственности заключается в том, чтобы дать шанс человеку, впервые совершившему небольшой или средней тяжести преступление, избежать судимости и уголовного наказания, если будет заглажен вред. В таком случае назначается судебный штраф. Судебный штраф (ст. 104.4 УК РФ) и штраф (ст. 46 УК РФ) [1] – это совершенно различные правовые понятия. Судебный штраф согласно статье 104.4 ч. 1 — это есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ. Если он уплачивается - человек остается несудимым. Если нет - штраф отменяется и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ. Вместе с тем, немаловажным фактом является привлечение в государственный бюджет дополнительных денежных средств [4]. Статья 104.5 регламентирует необходимость выяснения имущественного (материального) положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, при определении размера судебного штрафа.

Штраф применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления приговором суда, как мера наказания и влечет за собой правовые последствия в виде судимости. При назначении судебного штрафа - лицо считается несудимым, при этом размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного статьей уголовного закона по которой привлекается обвиняемый. Если в применяемой

статье нет штрафа как меры наказания - то размер судебного штрафа не может превышать 250 000 рублей.

Введение в Уголовный кодекс РФ данной нормы в 2016 году предоставило суду право освободить лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, от уголовной ответственности при условии возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного вреда, назначив при этом судебный штраф - денежное взыскание в доход государства. Данная тематика не раз становилась предметом научных дискуссий, однако несмотря - на появившуюся после его введения судебную практику всё ещё остаются вопросы, которые нуждаются в отдельном внимании.

Основной проблемой при применении данной статьи является неопределенность оснований и способов заглаживания вреда. Нет точно закреплённых критериев того, какие именно действия могут считаться достаточными для заглаживания причиненного преступлением вреда. Как справедливо отмечает в своем исследовании Д.А. Сычев, отсутствие легального толкования «заглаживания вреда» порождает субъективизм в правоприменении, особенно по делам с формальным составом, где отсутствует материальный ущерб [5]. На проблему отсутствия единых критериев заглаживания вреда и риск формирования избирательной судебной практики при применении ст. 76.2 УК РФ обращала внимание еще на этапе становления данного института Н.Е. Крылова. [3] Суды по-разному оценивают, например, денежную компенсацию, извинения или благотворительность. Это приводит к неоднородности судебной практики и усложняет работу правоприменителей. Классический пример — это дело №1-7/2025 УИД73MS0060-01-2025-001283-96. [10] Мировой судья прекратил уголовное дело в отношении гражданина по ч. 3 ст. 187 УК РФ (передача электронных средств платежа третьим лицам) и назначил ему судебный штраф в размере 20 000 рублей. Мужчина ранее за 3 000 рублей передал свою банковскую карту, ПИН-код и сим-карту неизвестному лицу для совершения неправомерных операций. Он совершил преступление небольшой тяжести, совершил его впервые, активно помогал следствию, а также загладил вред перед государством. 10 000 рублей перечислил в детский дом (поскольку потерпевшего нет) и принес извинения в суде. И даже несмотря на то, что позиция прокурора была против, суд признал подобную меру достаточной для искупления вины.

В подтверждение того, что суды действительно признают благотворительность надлежащим способом заглаживания вреда, можно привести дело, рассмотренное Орджоникидзевским районным судом г. Екатеринбурга [9]. Гражданка обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ (приобретение и использование заведомо поддельного водительского удостоверения). Преступление небольшой тяжести не повлекло прямого имущественного ущерба, однако сама противоправная деятельность нанесла вред общественным отношениям в сфере порядка управления. Женщина признала вину, дала подробные показания, раскаялась. В качестве заглаживания вреда она оказала добровольное пожертвование в

благотворительный фонд «Подари жизнь» в размере 3 000 рублей, а также принесла извинения в судебном заседании. Суд, оценив эти действия, пришел к выводу, что подобное поведение свидетельствует о снижении степени общественной опасности личности и позволяет говорить о заглаживании вреда публичным интересам. Суд прекратил уголовное дело и назначил меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 7 000 рублей.

Данный пример особенно показателен, поскольку иллюстрирует позицию суда: при совершении формальных составов преступлений, где отсутствует прямой ущерб конкретному потерпевшему, заглаживание вреда возможно путем благотворительной деятельности, направленной на поддержку социально значимых сфер (помощь детям, животным).

Правоприменительная практика знает примеры, когда формальное отсутствие критерия «впервые совершившее преступление» делает невозможным применение ст. 76.2 УК РФ, даже если вред заглажен.

Показателен в этом плане Приговор Ленинск-Кузнецкого городского суда от 30 октября 2025 года по делу № 1-334/2025 [8]. Подсудимый обвинялся в совершении преступлений небольшой тяжести (ч. 1 ст. 119 и ч. 2 ст. 116.1 УК РФ), признал вину, загладил вред перед потерпевшей (принес извинения). Однако суд даже не рассматривал вопрос о применении ст. 76.2 УК РФ. Причина — наличие неснятой и непогашенной судимости за особо тяжкое преступление (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Несмотря на то, что новое деяние было небольшой тяжести, формальное требование закона о том, что освобождаемый должен быть «впервые совершившим» любое преступление, сделало невозможным применение института судебного штрафа. Гражданин был осужден к условному лишению свободы. Этот пример наглядно иллюстрирует, что ст. 76.2 УК РФ — это привилегия для лиц, чья преступная «биография» не отягощена предыдущими судимостями, вне зависимости от характера нового деяния.

По делу, рассмотренному Верховным Судом РФ (№ 18-УД25-33-К4) [7], было учтено, что житель Краснодара был обвинен в незаконном сбыте GPS-трекера (ст. 138.1 УК РФ). Суд первой инстанции прекратил дело с назначением судебного штрафа в размере 50 000 рублей и учел, что мужчина перевел 205 000 рублей в благотворительный фонд помощи детям, впервые совершил преступление, имеет троих детей, признал вину и ходатайствовал о рассмотрении дела в особом порядке. Однако кассация отменила это решение, сочтя, что пожертвование было сделано по инициативе суда, а не самого обвиняемого. Верховный Суд РФ не согласился с кассацией. Он указал, что способы заглаживания вреда не ограничены, а закон не требует, чтобы они были совершены именно по инициативе обвиняемого. Пожертвование в благотворительный фонд — это действие, направленное на восстановление нарушенных интересов общества. Поэтому инициатива обвиняемого не является обязательным условием, а помощь обществу в целом (например, благотворительность) может быть признана надлежащим способом заглаживания вреда.

Различные уголовно наказуемые деяния влекут за собой наступление разного по своему характеру вреда, поэтому предусмотренные ст 76.2 УК РФ действия, направленные на заглаживание такого вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковы во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния. С учетом этого суд вправе в каждом конкретном деле решить, достаточны ли предпринятые лицом, совершившим преступления, действия для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить лицо от уголовной ответственности.

В делах о преступлениях, посягающих на публичные интересы (например, неуважение к суду), суды часто требуют восстановления нарушенных интересов общества. Извинений или возврата денег недостаточно — необходимы дополнительные меры, определяемые объектом посягательства. Так, Постановлением Тахтамукайского районного суда Республики Адыгея от 19 мая 2017 г. [6] гражданин, обвиняемый в совершении преступления по ч. 1 ст. 297 УК РФ (оскорбление участника судебного разбирательства), был освобождён от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в размере 40 000 рублей. Суд указал, что он впервые совершил преступление небольшой тяжести, признал вину и заградил причинённый потерпевшей моральный вред принесёнными извинениями. Приведенный пример наглядно иллюстрирует проблему неопределенности критериев заглаживания вреда по двухобъектным преступлениям, где основным объектом является авторитет судебной власти и порядок отправления правосудия, т. е. публичный интерес, а дополнительным объектом является честь и достоинство конкретного лица - участника судебного разбирательства. Однако, в данном конкретном случае суд занял либеральную позицию, которая может не совпадать с более строгими подходами, которые могут применяться на практике.

Кроме того, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, когда в результате совершения им преступлений материальный ущерб фактически не был причинен ввиду того, что преступление было не доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам. Например, гражданин в Постановлении Новгородского районного суда Новгородской области от 25 октября 2017 г. [См. 6] обвинялся в совершении кражи реверс-редуктора и дизельного топлива, но кража не была доведена до конца, поскольку данные действия были обнаружены и пресечены сотрудниками организации. Принимая решение о прекращении дела в силу статьи 76.2, суд отметил, что имущество было возвращено организации, кроме того, гражданин сам отремонтировал неисправный реверс-редуктор, тем самым заградил причиненный им вред общественным отношениям. Этот пример наглядно показывает, что суд занимает гибкую позицию, признавая достаточными для заглаживания вреда даже такие действия, которые напрямую не компенсируют ущерб от конкретного преступного посягательства (починка реверс-редуктора). Таким образом, наряду с денежной компенсацией, которая

отсутствовала в силу возвращения имущества, признаются иные формы заглаживания вреда (ремонтные работы), которые также зависят от конкретного случая и размера причиненного ущерба, включая во внимание момент обнаружения подобного посягательства.

Как отмечает Р.С. Кашаргин, вопрос о применении судебного штрафа при неоконченных преступлениях решается не единообразно [2]. Отказ в его назначении, когда лицо не получило предмет посягательства по независящим причинам, не отвечает целям законодателя.

Таким образом, институт судебного штрафа важен для гуманизации уголовного законодательства, но его применение затруднено из-за отсутствия чётких критериев заглаживания вреда, что ведёт к неоднородности судебной практики, особенно по формальным и двухобъектным составам.

Список литературы

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Ст. 46; 76.2; 104.4; 104.5.

2. Кашаргин Р.С. О практике освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы правоприменения // Правоведение. 2018. №2. С. 254-266 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-praktike-osvobozhdeniya-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-s-naznacheniem-sudebnogo-shtrafa-problemy-pravoprimereniya> (дата обращения: 04.05.2026).

3. Крылова Н.Е. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы законодательной регламентации и правоприменения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-s-naznacheniem-sudebnogo-shtrafa-problemy-zakonodatel-noy-reglamentatsii-i> (дата обращения: 09.05.2026).

4. Соколова Т.С. Проблемы правоприменительной практики прекращения уголовных дел в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Государственная служба и кадры. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravoprimeritelnoy-praktiki-prekrascheniya-ugolovnyh-del-v-svyazi-s-naznacheniem-mery-ugolovno-pravovogo-haraktera-v-vide> (дата обращения: 11.05.2026).

5. Сычев Д.А. Некоторые вопросы применения норм о судебном штрафе // Юридические исследования. 2022. №2. С. 43-49 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-primeneniya-norm-o-sudebnom-shtrafe> (дата обращения: 01.05.2026).

6. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) [Электронный ресурс] : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329089/ (дата обращения: 08.05.2026).

7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 18-УД25-33-К4 от 6 ноября 2025 г. [Электронный ресурс] : [об отмене постановления кассационного суда и оставлении без изменения судебных актов нижестоящих инстанций о прекращении уголовного дела и назначении судебного штрафа] // ГАРАНТ. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412913207/> (дата обращения: 07.05.2026).

8. Приговор по делу № 1-334/2025 [Электронный ресурс] : [вынесен судьей Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области Миролобовой Е.В., 30 октября 2025 г.] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dMRvRA5TZyYd/> (дата обращения: 05.05.2026).

9. Постановление по делу № 1-208/2021 [Электронный ресурс] : [вынесено судьей Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга Ивановой А.П., 12 марта 2021 г.] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bngjfwioDRgV/> (дата обращения: 02.05.2026).

10. Постановление по делу № 1-7/2025 [Электронный ресурс] : [вынесено мировым судьей судебного участка № 1 Сенгилеевского района Сенгилеевского судебного района Ульяновской области Зиминим А.Н., 31 октября 2025 г.] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/Z7hQtsCwD5HH/> (дата обращения: 01.05.2026).

Об авторе:

АПСОВА Амина Амировна – студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В.А. Драгунова, Е.Е. Жулев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель А. В. Гайдашов

В настоящей статье анализируются нормы действующего уголовного законодательства, посвященные возбуждению ненависти либо вражды, а равно унижению человеческого достоинства. Рассматриваются проблемы толкования элементов состава преступления, предусмотренного статьей 282 Уголовного Кодекса РФ (далее – УК РФ), трудности, возникающие при правоприменении, а также квалификации смежных составов. Цель настоящего исследования состоит в теоретико-правовом и сущностном изучении возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижению человеческого достоинства как преступления экстремистской направленности и выявления проблем толкования и применения статьи 282 УК РФ.

***Ключевые слова:** возбуждение ненависти либо вражды; экстремизм; 282 УК РФ; проблемы теории и практики; смежные составы*

Статья 282 УК РФ занимает центральное место в системе уголовного антиэкстремистского законодательства, предусматривая ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, а также сети «Интернет». Привлечение лица к уголовной ответственности за данное деяние, образующие основной состав данного преступления, возможно в случаях, если данное лицо было привлечено к административной ответственности за аналогичное правонарушение или данные действия сопряжены с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения. Непосредственным объектом преступления является конституционный принцип недопущения пропаганды или агитации, возбуждающих национальную, расовую, религиозную или социальную ненависть и вражду, а также дискриминации и унижения людей по политическим, этническим, социальным и иным признакам, закрепленный ч. 2 ст. 29 Конституции РФ.

Современное законодательство не содержит легального определения экстремизма. Лишь в ст. 1 ФЗ от 25.07.2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» содержится ряд действий, которые принято называть экстремизмом. Среди них, в частности, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, нарушение прав, свобод и законных интересов человека в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. При изучении данного перечня можно провести аналогию с рассматриваемой статьей УК и

сделать вывод о схожести деяний. Ввиду этого, можно рассматривать деяния, предусмотренные ст. 282 УК РФ как экстремистскую деятельность.

Проблемы квалификации со смежными составами остаются широко обсуждаемыми темами среди ученых. Существуют некоторые статьи, содержащие в себе экстремистские квалифицирующие признаки, например, п. «б» ч.1 ст. 213 УК РФ. В этом случае, ст. 282 УК РФ может быть применена лишь в совокупности с иным составом преступления, и следует вывод об утрате самостоятельного уголовно-правового значения [4, с. 68]. Рассматриваемое преступление стоит ограничивать от иного, более сложного в вопросах квалификации состава, содержащего публичные призывы к экстремистской деятельности, предусмотренного ст. 280 УК РФ.

Диспозиция рассматриваемой статьи содержит в себе список признаков, по которым возбуждать ненависть, вражду или унижать человеческое достоинство запрещено. Один из них – принадлежность к социальной группе, вызывающий некоторые трудности, ведь понятия «социальная группа» в нормативных актах нет. Возникают вопросы неопределенности социальной группы, поскольку многие научные деятели по-разному дают определение этому термину. Например, советский и российский социолог С. С. Фролов представляет социальную группу как общность людей, взаимодействующих друг с другом, существующих на принципе разделения ожиданий от каждого члена группы в отношении других [6, с. 163]. Однако при данном рассмотрении социальной группы возникает вопрос – можно ли отнести к данному понятию семью? Фактически, под все признаки, перечисленные Фроловым, обычная семья, в состав которой входит два или даже больше человек, подходит. Неужели, возбуждение ненависти к двум людям следует квалифицировать как деяние, предусмотренное рассматриваемой статьей и называть это экстремизмом?

А. И. Донцов под социальной группой понимает относительно устойчивую совокупность людей, исторически связанных общностью ценностей, целей, средств либо условий социальной жизнедеятельности [2, с. 30]. Это определение отличается от первого исторической связанностью и наличием целей и идей. Однако, семья, что следует из данного определения, до сих пор может выступать в качестве социальной группы.

Существует еще множество определений и классификаций социальной группы, но можно выделить основные, наиболее часто встречающиеся критерии. Она должна объединять не менее двух людей по какому-либо признаку или общей цели, ее участники должны взаимодействовать между собой или иметь общий быт.

Определение семьи, группы друзей или работников одного коллектива как социальной группы и рассмотрения как признака, предусмотренного ст. 282 УК РФ не представляется возможным. Видовым объектом преступления являются основы конституционного строя и безопасность государства. Следовательно, незначительные социальные группы, в отношении которых возбуждается ненависть или вражда, унижается человеческое достоинство участников этих групп, данной статьей не охраняются. В таких случаях, вероятнее, объектом

будет выступать личность человека, которая не имеет отношения к рассматриваемому составу.

Анализируя судебную практику по ст. 282 УК РФ нельзя сделать конкретного вывода о том, что же представляет собой социальная группа, поскольку каждый суд по-своему определяет данных лиц. Это выливается в проблему, при которой лицо, считая, что его высказывания не относятся к социальной группе, совершает данные действия и, фактически, совершает преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ.

Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, образуют состав преступления, предусмотренный ст. 148 УК РФ. Некоторые авторы утверждают, что это «статья-клон» рассматриваемой нами статьи [3, с. 140]. Сходство в диспозициях вызывает трудности в квалификации действий виновного лица. Так, «возбуждением ненависти либо вражды», а также «унижением достоинства» вполне можно счесть негативные высказывания в адрес лиц, исповедующих какую-либо религию; их критику; употребление обценной лексики [5, с. 105]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» определяет, что под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды. Однако не существует ни Постановления Пленума, ни иных разъяснений, которые могли бы определить какие действия принято считать оскорбляющими религиозные чувства верующих. Тяжело представить, что высказывания, определенные в указанном Постановлении Пленума, не будут использоваться без обоснования данных действий, что само по себе и может выступать в качестве оскорбляющего факта.

При соотношении данных составов следует обратить внимание на объект преступления. Раздел, содержащий в себе ст. 148 УК РФ, именуется как «преступления против личности». Законодатель, вводя ответственность за «оскорбление религиозных чувств верующих», стремился обеспечить уголовно-правовую охрану права на свободу совести и вероисповедания. Объектом ст. 282 УК РФ, как указывалось ранее, является конституционный принцип недопущения пропаганды или агитации, возбуждающих национальную, расовую, религиозную или социальную ненависть и вражду, а также дискриминации и унижения людей по политическим, этническим, социальным и иным признакам. Или же, если определять по названию главы – основы

конституционного строя и безопасности государства. Помимо этого, действия, составляющие данные составы преследуют разную цель, в ст. 148 УК РФ – оскорбить чувства верующих, а в ст. 282 УК РФ – возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц [1, с. 598].

Ст. 282 УК РФ была и остается предметом множества споров, в частности, относительно необходимости ее существования. Как указывалось ранее, некоторые ученые делают вывод об утрате самостоятельного уголовно-правового значения, обусловленного наличием смежных составов, которые выступают в качестве копий рассматриваемой статьи. Помимо этого, объективной критике поддаются некоторые элементы состава преступления, сущность которых поддается двойственному толкованию, вызванному неопределенностью законодательства. Хотя Постановление Пленума и пытается восстановить правоприменительную позицию 282 статьи, ее положение все также остается тяжело изменимым. В настоящее время вопрос необходимости изменения диспозиции или положений Постановления Пленума, разъясняющего порядок применения, остается спорным. Некоторые ученые и политические деятели вовсе утверждают о необходимости отмены рассматриваемой статьи.

Подводя итоги, предоставляется возможность прийти к выводам о необходимости законодательного вмешательства в ст. 282 УК РФ, разрешающего рассмотренные ранее проблемы. Узкая направленность и наличие смежных составов сковывает правоприменителя, не предоставляя в полной мере раскрыть ту идею, которой придерживался законодатель при введении данной статьи.

Список литературы

1. Дикусар Я. С., Смирнов С. А. Спорные вопросы квалификации ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации //ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА – 2022. – Т. 12. – №. 10-1. – С. 594-605.
2. Донцов А. И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. N 2. С. 29-46.
3. Дудченко А. А., Каменский С. Н. ПРОБЛЕМЫ СТАТЬИ 282 УК РФ И ИХ РЕШЕНИЯ //Устойчивое развитие науки и образования. – 2018. – №. 11. – С. 135-143.
4. Потапов Д. П. Некоторые вопросы квалификации ст. 282 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2013. – N. 13-2. – С. 66-68.
5. Федотова Ю. Е. К вопросу о соотношении ч. 1 ст. 148 и ч. 1 ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // PROBLEMY PRAVA. – 2003. С. 104-106.
6. Фролов С.С. Социология. Учебник. Для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994 - 256 с.

Об авторах:

ДРАГУНОВА Валерия Алексеевна – студентка 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

ЖУЛЕВ Егор Евгеньевич – студентка 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Принято в редакцию 11.06.2026.
Подписано в печать 17.06.2026.

ИНСТИТУТ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО СТАТЬЯМ 82 И 82.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. А. Козлова, А. Э. Коршунова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к. ю. н., доцент Ю. А. Дронова

В статье рассматриваются институты отсрочки отбывания наказания, предусмотренные ст. 82 и 82.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. На материале действующего законодательства, Постановления Пленума Верховного Суда РФ и судебной практики анализируются условия предоставления отсрочки, основания её отмены. Сопоставление двух норм позволяет выявить различия в их практической эффективности и обозначить системные пробелы нормативного регулирования.

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания; статья 82 УК РФ; интересы несовершеннолетних; воспитание детей; статья 82.1 УК РФ; лечение наркомании; правоприменение; реабилитация осуждённых.

Уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает два самостоятельных института отсрочки отбывания наказания: статью 82 УК РФ (отсрочка для беременных женщин и лиц с детьми) и статью 82.1 УК РФ (отсрочка для больных наркоманией). Их объединяет единая цель – дать осуждённому шанс на исправление без реальной изоляции от общества, но каждый решает задачу по-своему. В одном случае приоритет отдаётся интересам ребёнка, в другом – лечению зависимости. Рассмотрим первый из этих институтов – отсрочку, предусмотренную ст. 82 УК РФ.

Несмотря на ясность закона, в науке уголовного права сохраняются спорные вопросы относительно применения данной нормы. Круг субъектов, имеющих право на отсрочку, установлен ч. 1 ст. 82 УК РФ. Как отмечают Копылова и Медведева, остаётся нерешённым вопрос о возможности предоставления отсрочки женщине, фактически воспитывающей ребёнка без формального родства (например, племянника или внука). Нормативное регулирование данных ситуаций в законе и актах Пленума не предусмотрено [9, с. 52].

В развитие данной проблематики Пленум Верховного Суда РФ в п.3 Постановления № 47 от 19.12.2023 разъяснил, что по смыслу ч. 1 ст. 82 УК РФ к лицам, которым может быть отсрочено отбывание наказания, относятся также усыновители (удочерители) ребёнка в возрасте до четырнадцати лет, тем самым восполнив законодательный пробел в отношении данной категории лиц. При этом отсрочка не предоставляется лицам, ограниченным или лишённым родительских прав, иным близким родственникам ребёнка, опекунам [3].

Анализируя пробелы законодательного регулирования, Л.В. Григорьева справедливо обращает внимание на отсутствие в перечне исключений составов преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность или жестоким обращением с ними (например, ст. 150, 151, 156 УК РФ). Представляется, что императивное ограничение применения ст. 82 УК РФ к лицам, совершившим насильственные преступления в отношении

несовершеннолетних, а также иные посягательства на их интересы, является логичным продолжением государственной политики в сфере охраны детства [8, с. 237].

Важным ориентиром для правоприменительной практики выступает позиция Кассационного определения Верховного Суда РФ от 24.10.2023 № 44-УД23-17-К7 [19]. В нём подчёркнуто, что конституционная ценность института семьи предопределяет необходимость уважения и защиты семейных отношений со стороны государства. Условия предоставления отсрочки, установленные в ч. 1 ст. 82 УК РФ, направлены в первую очередь на обеспечение интересов семьи и несовершеннолетних, а не на достижение целей наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Кроме того, суд отметил, что принятие решения об отсрочке является не правом, а обязанностью суда с учётом принципов гуманизма и приоритета семейного воспитания.

Аналогичная позиция изложена в Определении Верховного Суда РФ от 19 августа 2021 г. № 7-УД21-8-К2, согласно которой основанием предоставления отсрочки отбывания наказания до достижения ребёнком четырнадцатилетнего возраста является убеждение суда в правомерном поведении осуждённого в период отсрочки и в возможности исправиться без изоляции от общества в условиях занятости воспитанием своего ребёнка. В этом деле суд кассационной инстанции самостоятельно применил отсрочку к осуждённой, имеющей малолетнего ребёнка, поскольку суды нижестоящих инстанций необоснованно проигнорировали положения ч.1 ст. 82 УК РФ [14].

Современная судебная практика идёт по пути приоритета интересов ребёнка, а в п.3 ПП ВС РФ № 47 от 19.12.2023 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» устранил некоторые пробелы, распространив отсрочку на усыновителей, но оставив открытым вопрос об опекунах [3].

Переходя к анализу оснований отмены отсрочки, необходимо обратиться к части второй статьи 82 УК РФ. Она позволяет суду отменить отсрочку и направить осуждённого в колонию при отказе от ребёнка или продолжении уклонения от воспитания после предупреждения. Конкретизируя содержание критерия уклонения в п.11 ПП ВС РФ № 47 от 19.12.2023 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» разъяснено, что уклоняющимся от воспитания считается осуждённый, который, официально не отказавшись от ребёнка, оставил его в родильном доме или передал в детский дом, ведёт антиобщественный образ жизни и не занимается воспитанием и уходом, оставил ребёнка родственникам или иным лицам, либо скрылся [3].

В качестве примера рассмотрим определение Ульяновского областного суда от 13.04.2011. Васильевой была предоставлена отсрочка до достижения детьми 14 лет. Впоследствии она была лишена родительских прав, дети помещены в реабилитационный центр, затем переданы под опеку бабушки. После предупреждения инспекции суд отменил отсрочку. Доводы защиты о том, что Васильева детей не бросала, навещала их и трудоустроилась, не были признаны

основанием для отмены судебного решения. Факт лишения родительских прав и длительного нахождения детей не с матерью расценён как достаточное основание для отмены отсрочки [13].

Далее, что касается правовых последствий достижения ребёнком возраста четырнадцати лет, то часть третья статьи 82 УК РФ устанавливает, что по достижении ребёнком указанного возраста суд освобождает осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо заменяет оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания. Конкретизируя данный порядок в п.9 ПП ВС РФ № 47 от 19.12.2023 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» разъяснено, что по достижении ребёнком четырнадцатилетнего возраста, в случае смерти ребенка, прерывания беременности по медицинским показаниям вопрос об освобождении от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо о замене оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания разрешается судом с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, поведения осужденного, его отношения к воспитанию ребенка, фактически отбытого срока наказания [3].

Важность положительного поведения и участия в воспитании ребёнка подтверждается также определением Верховного Суда от 19.08.2021 № 7-УД21-8-К2 [14]. Представляется, что эта логика распространяется и на освобождение по ч. 3 ст. 82 УК РФ. Дополнительным подтверждением служит апелляционное постановление Ярославского областного суда от 15.08.2023 № 22-1710/2023 по делу ФИОЗ. Значение этого дела для настоящего исследования заключается в том, что суд, отменяя отсрочку из-за совершения нового преступления, констатировал, что на момент принятия решения о совершении нового преступления вопрос о досрочном освобождении осуждённой (по ч. 4 ст. 82 УК РФ) не рассматривался, поскольку не истёк необходимый срок. Тем самым суд подтвердил, что досрочное освобождение не возникает автоматически по истечении любого периода времени, а требует истечения срока, равного назначенному наказанию, и наличия положительной характеристики от контролирующего органа. Иными словами, в данном деле суд лишь констатировал отсутствие оснований для применения ч. 4 ст. 82 УК РФ, не рассматривая этот вопрос по существу из-за формального неистечения срока [18].

Обратимся теперь к институту досрочного освобождения в рамках отсрочки. Часть четвёртая статьи 82 УК РФ позволяет суду сократить срок отсрочки и освободить досрочно, если истёк срок, равный назначенному наказанию, и контролирующий орган подтвердил исправление. В развитие данной нормы в п.10 ПП ВС РФ № 47 от 19.12.2023 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» разъяснено, что при решении вопроса о сокращении срока отсрочки отбывания наказания суд проверяет, истек ли срок, равный сроку наказания, отбывание которого

отсрочено, соблюдал ли осужденный условия отсрочки отбывания наказания и доказал ли исправление своим поведением в период такой отсрочки [3].

Как показывает судебная практика, в апелляционном постановлении Ярославского областного суда от 15.08.2023 № 22-1710/2023 по делу ФИОЗ суд отметил, что на момент совершения нового преступления решения о сокращении срока отсрочки ч.4 ст. 82 УК РФ не принимались. Это подтверждает, что досрочное освобождение не происходит автоматически, требуется представление контролирующего органа [18].

Что касается регламентации последствий совершения нового преступления в период отсрочки, то здесь законодатель предусматривает два различных правовых режима в зависимости от тяжести вновь совершённого деяния.

Часть пятая статьи 82 УК РФ устанавливает, что, если в период отсрочки отбывания наказания осужденный совершает преступление по неосторожности либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, вопрос об отмене либо о сохранении отсрочки отбывания наказания решается судом. При сохранении отсрочки отбывания наказания по первому приговору суд вправе применить отсрочку отбывания наказания и по второму приговору Пленум Верховного Суда РФ в постановлении №47 от 19 декабря 2023 года ранее разъяснял, что если в период отсрочки отбывания наказания осужденный совершает новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам статьи 70 УК РФ. До 19 декабря 2023 года это часто приводило к отмене отсрочки и невозможности её повторного применения (как в деле ФИОЗ, Ярославский областной суд, апелляционное постановление от 15 августа 2023 года №22-1710/2023). Однако в действующей редакции Постановления в п.20 подход смягчён, при назначении наказания по статье 70 УК РФ неотбытым считается весь период отсроченного наказания, но это не исключает возможности сохранения или повторного применения отсрочки в зависимости от обстоятельств дела.

В определении Верховного Суда РФ от 1 марта 2022 года №44-УД22-1-К7 по делу Лысиченковой действительно указывалось, что цель нормы статьи 82 УК РФ — обеспечение баланса между публичным интересом в наказании и интересами ребёнка, причём последним придаётся первостепенное значение [15]. Вместе с тем данная позиция не нашла своего нормативного закрепления ни в новой редакции части 5 статьи 82 УК РФ, ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2023 года № 47. Принцип баланса интересов по-прежнему сохраняет своё значение, однако не выделен в качестве самостоятельного положения в структуре названных документов.

Наиболее строгие последствия предусмотрены частью шестой статьи 82 УК РФ. Она устанавливает, что, если в период отсрочки отбывания наказания осужденный совершает умышленное тяжкое или особо тяжкое преступление, суд отменяет отсрочку отбывания наказания и назначает осужденному наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса. По этим же правилам назначается наказание в случаях отмены отсрочки отбывания наказания, предусмотренных частью пятой настоящей статьи. В развитие

данного положения в п.20 ПП ВС РФ № 47 от 19.12.2023 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» разъяснено, что при назначении окончательного наказания по правилам статьи 70 УК РФ в связи с совершением осужденным в период отсрочки отбывания наказания нового преступления неотбытым наказанием следует считать весь период назначенного наказания, отбывание которого было отсрочено [3].

Примером может служить определение Верховного Суда РФ от 01.03.2022 № 44-УД22-1-К7 по делу Лысиченковой, где осуждённая была признана виновной по ч. 3 ст. 306 УК РФ – заведомо ложный донос о совершении особо тяжкого преступления, что относится к умышленным тяжким преступлениям. По новой редакции ч. 6 ст. 82 УК РФ отсрочка подлежит безусловной отмене. При этом Верховный Суд в этом определении отменил решения нижестоящих судов из-за процессуальных нарушений, но подтвердил, что интересам ребенка придается первостепенное значение. Однако при тяжком или особо тяжком умышленном преступлении интересы ребёнка не могут перевесить – отмена отсрочки обязательна [15].

Рассмотренные положения и практика по ст. 82 УК РФ выявляют внутреннее противоречие, так закон ориентирован на защиту ребёнка, но оценочные категории (добросовестное воспитание, уклонение) оставляют суду широкое усмотрение, что порождает не единообразие решений. Отсутствие прямого запрета для лиц, осуждённых по ст. 150, 151, 156 УК РФ является внутренним противоречием: трудно говорить о благе ребёнка, если родитель вовлёл его в преступление или жестоко обращался. Суды, как правило, отказывают в отсрочке таким осуждённым, но это решение – следствие правоприменительной практики, а не прямого указания закона.

Если отсрочка по ст. 82 УК РФ ставит во главу интересы семьи, то отсрочка по ст. 82.1 УК РФ ориентирована на совершенно иной социальный механизм – излечение наркозависимости как условие освобождения от наказания. Данная норма, как указано в п. 1 ПП ВС РФ от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания», призвана обеспечить лицам, признанным больным наркоманией, возможность прохождения лечения и реабилитации в условиях, не связанных с лишением свободы [3]. Её суть заключается во временном освобождении осуждённого от реального лишения свободы при условии его добровольного согласия пройти курс лечения и последующей реабилитации.

Закон устанавливает исчерпывающий перечень условий, при которых возможно применение данной меры.

Первое условие касается круга преступлений: ч. 1 ст. 228 (незаконное приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта), ч. 1 ст. 231 (незаконное культивирование наркотических растений) или ст. 233 (незаконная выдача рецепта). Два первых деяния относятся к небольшой тяжести и совершаются наркозависимым для того, чтобы получить доступ к наркотическим средствам, преследуя цель личного потребления [5, с. 26]. Однако в перечень включена ст. 233 УК РФ, которая в подавляющем числе случаев совершается лицами, не

страдающими наркоманией [4, с. 32]. Узкий перечень также представляет определённую проблему. За его пределами остаются лица, осуждённые по ч. 2 ст. 228 УК РФ. Степень зависимости у них может быть не ниже, чем у осуждённых по ч. 1 ст. 228 УК РФ, при этом общественная опасность деяния выше. Однако действующая редакция ст. 82.1 УК РФ исключает для них возможность отсрочки для прохождения лечения. В связи с этим В.Н. Винокуров и А.Д. Невирко предлагают расширить перечень, включив в него ч. 2 ст. 228, а также ст. 229 и ст. 232 УК РФ [4, с. 33].

Вторым условием является назначение наказания именно в виде реального лишения свободы. Как указывает М.Ю. Стригин, отсрочка не распространяется на осуждённых, которым назначено условное наказание [12, с. 387]. Законодатель исходит из того, что именно реальная угроза изоляции от общества призвана мотивировать наркозависимого осуждённого к добровольному лечению. Вместе с тем стимулов для добровольного лечения у лица, совершившего преступление, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, зачастую недостаточно, поскольку санкции данных статей содержат альтернативные наказания, не связанные с лишением свободы. Однако для получения права на отсрочку суд должен приговорить лицо именно к реальному лишению свободы, тогда как при назначении штрафа или обязательных работ такая возможность отсутствует. А.Р. Лаврик и А.В. Лыскова обращают внимание на то, что действующая конструкция ст. 82.1 УК РФ необоснованно сужает сферу применения отсрочки, лишая права на отсрочку тех, кому назначены альтернативные наказания, и кто мог бы лечиться без изоляции от общества [10, с. 386].

Также третьим условием является признание лица больным наркоманией. Диагноз должен быть подтверждён заключением судебно-психиатрической экспертизы, проведённой в соответствии с п. 3.2 ст. 196 УПК РФ [2,3]. Без данного документа применение отсрочки невозможно. Как отмечают В.Н. Винокуров и А.Д. Невирко, вопрос о признании лица больным наркоманией должен решаться ещё в период предварительного расследования [4, с. 35]. Однако это происходит далеко не всегда, что создаёт дополнительные препятствия для применения ст. 82.1 УК РФ.

Четвёртым условием является добровольное согласие осуждённого на лечение, медицинскую и социальную реабилитацию. Судья обязан разъяснить подсудимому это право [2,3]. Нарушение данной обязанности влечёт отмену приговора, что подтверждается делом Шумилова [20]. Он впервые был осуждён за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ. Также заключением экспертизы было установлено, что он страдает наркотической зависимостью и нуждается в лечении. Тем самым он подпадал под все условия для предоставления отсрочки. Однако суд первой инстанции не разъяснил ему право на отсрочку, предусмотренное ст. 82.1 УК РФ. Апелляционная инстанция прямо указала, что право Шумилова М.Ю. фактом не разъяснения ему положений ст. 82.1 УК РФ были нарушены, поскольку изъявить такое желание он был лишён возможности. Данный пример демонстрирует, что разъяснение права на

отсрочку является необходимым условием её применения, а также оно показывает более глубокую проблему. Как отмечает Л.В. Готчина, добровольное лечение при отсрочке наказания показывает очень низкую профилактическую эффективность [7, с. 143]. Поскольку согласие, данное под угрозой реального лишения свободы, сложно назвать полностью добровольным.

Пятым условием является назначение наказания в виде лишения свободы за преступления впервые, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ. Согласно п. 14 ПП ВС РФ № 47, лицо считается впервые осуждённым к лишению свободы за указанные деяния, даже если ранее оно осуждалось за них к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Также отсрочка может быть предоставлена лицам, имеющим непогашенные судимости за иные преступления. Данный подход на практике исключает отсрочку даже для тех, кто страдает тяжёлой наркозависимостью и желает лечиться. Так, Костромский областной суд, проверяя приговор в отношении Одноколкина П.А., осуждённого по ч. 1 ст. 228 УК РФ, прямо указал, что отсрочка предоставляется только при первом осуждении к лишению свободы, тогда как Одноколкин ранее отбывал лишение свободы за преступление в сфере незаконного оборота наркотиков по ч. 2 ст. 228 УК РФ [17]. Как отмечает В.С. Лысенко, данный подход вступает в противоречие с принципом равенства, так болезнь даёт привилегию при первом осуждении, но исключает второй шанс, хотя наркомания – хроническое заболевание с высокой вероятностью рецидива [11, с. 84].

Вместе с тем при правильном толковании закона отсрочка может быть предоставлена даже при наличии отягчающих обстоятельств. Так, Ленинский районный суд г. Красноярска рассмотрел дело в отношении ФИО2, осуждённого по ч. 1 ст. 228 УК РФ [21]. Несмотря на простой рецидив преступлений и многочисленные предыдущие судимости (в том числе за незаконный сбыт наркотиков по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ), суд применил ст. 82.1 УК РФ. Ключевым в данном деле стало правильное применение ПП ВС РФ № 47, где указано, что положения отсрочки распространяются на лиц, имеющих непогашенные судимости за иные преступления, не входящие в перечень ч. 1 ст. 82.1 УК РФ. Также заключение экспертизы подтвердило синдром зависимости от опиоидов, а сам осуждённый добровольно согласился на лечение. Суд назначил 1 год лишения свободы, но отсрочил отбывание на 3 года – до окончания лечения и медицинской реабилитации. Данный пример показывает, что наличие рецидива не является непреодолимым препятствием, если суд верно оценивает волю осуждённого к излечению.

Однако проблемы могут возникнуть не только на этапе предоставления отсрочки, но и в процессе её реализации. Достаточно обратиться к делу ФИО2, который 18 октября 2021 года был осуждён Калининским районным судом Санкт-Петербурга по ч. 1 ст. 228 УК РФ к 1 году лишения свободы [16]. Суд, признав его больным наркоманией и установив добровольное желание пройти лечение, принял решение о предоставлении отсрочки отбывания наказания на основании ст. 82.1 УК РФ сроком на 4 года. Так, все условия, предусмотренные законом, были соблюдены. Однако 22 марта 2022 года, в период действия

отсрочки, ФИО2 совершил кражу (ч. 1 ст. 158 УК РФ). При этом как констатирует суд апелляционной инстанции, лечение он не прошёл. В итоге отсрочка была отменена на основании ч. 5 ст. 82.1 УК РФ, и по правилам ст. 70 УК РФ ФИО2 назначено лишение свободы сроком 1 год 6 месяцев в колонии строгого режима.

Как отмечают А.Д. Невирко и В.Н. Винокуров, стимулы у лица, совершившего указанные в ст. 82.1 УК РФ преступления и страдающего наркоманией пройти курс лечения и реабилитации отсутствуют [4, с. 35]. ФИО2 не только не приступил к лечению, но и в кратчайший срок совершил новое умышленное преступление. Таким образом, дело ФИО2 демонстрирует, что предоставление отсрочки не создаёт у осуждённого реальной мотивации к лечению, а отсутствие действенных механизмов контроля и принуждения обрекает институт ст. 82.1 УК РФ на фактическую неэффективность.

Статистика применения ст. 82.1 УК РФ свидетельствует о том же. Согласно данным судебного департамента при Верховном Суде РФ, из всех осуждённых к лишению свободы за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, лишь очень немногие получают отсрочку. Так, в 2017 году она была предоставлена 61 осуждённому, в 2018 – 40, в 2019 – 32, в 2020 – 26, в 2021 – 16, а в 2022 всего лишь четверым осуждённым. При этом общее число осуждённых к лишению свободы за указанные преступления составляло в 2022 году более 4 200 человек [6, с. 177-178]. Как справедливо отмечают авторы, ст. 82.1 УК РФ практически умирает, тем самым не позволяя реализовать концепцию излечения от наркозависимости.

Сопоставление двух форм отсрочки отбывания наказания позволяет выделить главное различие: ст. 82 УК РФ исходит из презумпции добросовестности родителя, а ст. 82.1 УК РФ – из сомнения в добросовестности лечения. Именно поэтому первая применяется относительно широко, а вторая крайне редко. Проблемы ст. 82 носят в основном терминологический и процедурный характер, требуя уточнить перечень субъектов и дать более чёткие ориентиры для оценки поведения осуждённого. Эти недостатки устранимы без кардинального изменения института. Ст. 82.1, напротив, содержит системные дефекты: узкий перечень преступлений, привязка к реальному лишению свободы, формальное требование добровольности под угрозой тюрьмы, отсутствие реального контроля за лечением. Статистика прямо говорит, что норма не работает. При этом разная степень эффективности двух отсрочек не отменяет их общей гуманистической направленности.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс»
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» // СПС «Консультант Плюс»

4. Винокуров В.Н., Невирко А.Д. Проблемы применения статьи 82.1 УК РФ и способы их устранения (решения) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2014. №1 (14). С. 31-37.

5. Габеев С.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: новая редакция и старые проблемы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. №1 (80). С. 24-36.

6. Гамидов Д.В., Пантелеев В.А. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ) (современное состояние) // Аграрное и земельное право. 2023. №10 (226). С. 175-178.

7. Готчина Л. В. Дискуссионные аспекты назначения наказания больным наркоманией и применения к ним отсрочки отбывания наказания // Вестник Московского университета МВД России. 2017. №1. С. 142-144.

8. Григорьева Л.В. Проблемные вопросы института отсрочки отбывания уголовного наказания, предусмотренного статьей 82 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. №4 (153). С. 235-242.

9. Копылова О.П., Медведева С.В. Отсрочка отбывания наказания (статья 82 УК РФ): особенности правоприменения // Право: история и современность. 2019. №4 (9). С. 50-57.

10. Лаврик А.Р., Лыскова А.В. О проблемах применения отсрочки наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ) // Вестник науки. 2024. №6 (75). С. 384-390.

11. Лысенко В.С. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: современное состояние и перспективы развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №10. С. 83-88.

12. Стригин М.Ю. Особенности применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // БГЖ. 2018. №1 (22). С. 386-389.

13. Кассационное определение Ульяновского областного суда от 13.04.2011 г. По делу № 22-736/2011 // URL: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=24466>

14. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2021 По делу № 7-УД21-8-К2 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19082021-n-7-ud21-8-k2/?ysclid=mo75h26auo972092997>

15. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 1.03.2022 г. По делу № 44-УД22-1-К7 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01032022-n-44-ud22-1-k7/?ysclid=mo767wunmo940906415>

16. Апелляционное постановление Всеволожского городского суда Ленинградской области от 15 сентября 2022 г. по делу № 10-6/2022 // СПС «ГАРАНТ»

17. Апелляционное постановление Костромского областного суда от 31.01.2023 по делу № 22-80/2023 // СПС «ГАРАНТ»

18. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 15.08.2023 По делу № 22-1710/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1W2X9gKfTiWx/?ysclid=mo761ngazi326035154>

19. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2023 По делу № 44-УД23-17-К7 // URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-24102023-n-44-ud23-17-k7/?ysclid=mo75719pcv97013511>

20. Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 21 декабря 2023 г. по делу № 22-6888/2023 // СПС «ГАРАНТ»

21. Приговор Ленинского районного суда г. Красноярск Красноярского края от 18 сентября 2025 г. по делу № 1-491/2025 // СПС «ГАРАНТ»

Об авторах:

КОЗЛОВА Вероника Алексеевна – студентка 2 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»
КОРШУНОВА Анастасия Эдуардовна – студентка 2 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОЗДАНИЕ ДИПФЕЙКОВ: ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Я.Л. Колосов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к. ю. н., доцент А.В. Гайдашов

В статье исследуются актуальные вопросы уголовной ответственности за создание и распространение вредоносного контента, созданного с помощью технологий дипфейк. Анализируются пробелы в действующем УК РФ и предлагает пути их устранения. Исследование направлено на совершенствование правовых механизмов защиты цифровой идентичности личности.

Ключевые слова: дипфейк, искусственный интеллект, уголовная ответственность, информационная безопасность, синтетический контент.

Стремительное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта породило феномен «дипфейков», способных с высокой степенью достоверности имитировать внешность и голос человека. Согласно актуальным исследованиям в области кибербезопасности, количество подобных материалов в глобальной сети увеличивается в геометрической прогрессии. По данным компании Deeptrace, объем синтетического контента удваивается каждые шесть месяцев, что создает беспрецедентные вызовы для существующей системы уголовно-правовой охраны общественных отношений [1]. Однако отечественная правовая доктрина и законодательство не всегда успевают за темпами технологического прогресса, что создает правовой вакуум.

Прежде всего необходимо определить предмет исследования. Дипфейк (от англ. deep learning + fake) представляет собой синтетический медиаконтент, созданный с использованием технологий глубокого обучения, в котором изображение, голос или видео реального человека подменяются или генерируются искусственно. С юридической точки зрения, это результат работы генеративно-состязательных сетей, характеризующийся высокой степенью латентности. [8] Криминогенный потенциал данной технологии реализуется в нескольких направлениях, каждое из которых требует отдельного правового анализа и оценки степени общественной опасности.

Наиболее распространенным вектором является совершение мошеннических действий. Использование «голосовых дипфейков» позволяет преступникам имитировать распоряжения руководителей компаний или близких родственников потерпевших. Практике известен случай 2019 года, когда с помощью голосовой подделки было похищено 243 тысячи долларов у британской энергетической компании. Использование технологий синтеза звука позволяет эффективно обходить системы многофакторной биометрической аутентификации. В связи с этим представляется необходимым пересмотр диспозиции ст. 159 УК РФ с целью учета специфики высокотехнологичных способов обмана [2].

Другим критически важным аспектом является посягательство на честь, достоинство и неприкосновенность частной жизни. Создание недобровольного синтетического контента интимного характера (так называемый «порно-дипфейк») составляет до 96% всего неправомерного трафика в данном сегменте. Такие действия наносят непоправимый вред репутации и психическому здоровью граждан. [10] В текущей редакции ст. 137 УК РФ не учитывает ситуацию, когда изображение фактически является сгенерированным, а не полученным незаконным путем. Это затрудняет квалификацию деяний и требует введения специальных норм, защищающих образ личности в цифровом пространстве [3].

Технологии дипфейков также создают угрозы в сфере клеветы и диффамации. Возможность создания фальшивых видеообращений должностных лиц может привести к дестабилизации общественно-политической обстановки и подрыву доверия к институтам государственной власти. [9] Анализ действующего уголовного законодательства показывает, что нормы о клевете (ст. 128.1 УК РФ) не в полной мере отражают повышенную опасность использования ИИ-технологий, которые делают ложную информацию практически неотличимой от правды для рядового пользователя. Это обуславливает необходимость усиления ответственности за подобные деяния [4].

Изучение зарубежного опыта регулирования показывает различные стратегии. В США и КНР уже внедряются механизмы обязательной маркировки синтетических медиафайлов. В частности, законодательство КНР обязывает провайдеров услуг наносить нестираемые водяные знаки на сгенерированный контент. В США на уровне отдельных штатов криминализовано использование дипфейков в политических кампаниях. Российскому законодателю целесообразно рассмотреть вопрос о введении аналогичных мер, включая административную и уголовную ответственность за распространение немаркированного синтетического контента, способного ввести в заблуждение неограниченный круг лиц [5].

В качестве конкретных мер по совершенствованию законодательства РФ предлагается реализовать следующие инициативы. Во-первых, дополнить главы 17 и 28 УК РФ специальными составами, предусматривающими ответственность за вредоносное использование технологий синтеза. Во-вторых, закрепить легальное определение понятий «дипфейк» и «синтетический медиаконтент» в примечаниях к соответствующим статьям Кодекса. Это обеспечит единообразие правоприменительной практики и исключит возможность расширительного толкования норм следственными органами и судами [6].

Третьим направлением реформы должно стать введение квалифицирующего признака «использование технологий синтеза изображения или голоса» в составы мошенничества, вымогательства и клеветы. Четвертый блок предложений касается процессуальной стороны вопроса: необходимо разработать и закрепить криминалистические методики экспертизы дипфейков. Без надежных инструментов верификации контента доказывание вины по таким

категориям дел будет крайне затруднительным, что может привести к росту безнаказанности в цифровой среде [7].

Подводя итог, следует отметить, что цифровая идентичность человека — его внешний облик, манера речи и поведение — должна получить статус самостоятельного объекта правовой охраны. Своевременная адаптация Уголовного кодекса к вызовам четвертой промышленной революции является залогом обеспечения национальной безопасности. Баланс между технологическим прогрессом и защитой прав граждан может быть достигнут только путем системного обновления нормативной базы и криминалистического инструментария. Только такой комплексный подход позволит эффективно противодействовать новым угрозам в условиях цифровой реальности.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Григорьев В. А. Перспективы криминализации использования дипфейков в уголовном праве России // Сибирские юридические записки. – 2023. – № 1. – С. 89-94.
3. Данилов А. П., Малышева Ю. Ю. Проблемы уголовно-правовой квалификации деяний, совершенных с использованием технологий «дипфейк» // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 4 (50). – С. 56-62.
4. Иванцов С. В. Киберпреступность: новые вызовы и способы противодействия. – СПб.: Юридический центр, 2021. – 320 с.
5. Кузнецов Д. А. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с применением технологий искусственного интеллекта // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 2 (37). – С. 112-118.
6. Полякова Т. А., Минбалеев А. В. Цифровая трансформация и безопасность: правовые аспекты использования искусственного интеллекта // Государство и право. – 2023. – № 5. – С. 34-42.
7. Рускевич Е. А. Уголовное право и цифровая преступность: проблемы и перспективы. – М.: Инфра-М, 2021. – 230 с.
8. Степанов О. А., Баженова Е. Ю. Правовое регулирование использования технологий искусственного интеллекта в условиях цифровизации // Журнал российского права. – 2021. – № 8. – С. 14-25.
9. Хавронюк Н. И. Сравнительное уголовное право: учебное пособие. – М.: Юстицинформ, 2022. – 412 с.
10. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Уголовная ответственность за создание и использование технологий дипфейк // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 3. – С. 145-151.

Об авторе:

КОЛОСОВ Ярослав Львович – студент 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

В. М. Ломакова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель А.В. Гайдашов

Статья посвящена анализу современной уголовно-правовой политики России в сфере противодействия диверсионной деятельности. Исследуются новые вызовы, включая вербовку уязвимых групп населения и цифровизацию диверсионной деятельности, а также законодательные инициативы 2025 года, направленные на ужесточение ответственности. На основе анализа судебной практики выявляются проблемные аспекты правоприменения, в частности, квалификационные сложности и противоречия в законодательной регламентации. Критически оценивается эффективность предлагаемых мер, включая снижение возраста уголовной ответственности и введение пожизненного лишения свободы. Делается вывод о необходимости системного подхода, сочетающего законодательные новации с совершенствованием правоприменительной практики и профилактическими мерами.

***Ключевые слова:** уголовно-правовое противодействие, диверсионная деятельность, законодательные новации, вербовка несовершеннолетних, снижение возраста уголовной ответственности, диверсионное сообщество, квалификация преступлений, национальная безопасность.*

Современная уголовно-правовая политика России в сфере противодействия диверсионной деятельности находится в состоянии активного развития, что обусловлено новыми вызовами и угрозами. Ключевыми вызовами, по мнению законодателей и правоохранительных органов, являются: **использование уязвимых групп населения** (отмечается активная вербовка несовершеннолетних, а также пожилых людей, которыми манипулируют обманом или шантажом, обещая денежное вознаграждение или представляя преступление как «патриотический долг»); **цифровизация вербовки** (процесс вовлечения в диверсионную деятельность переместился в онлайн-пространство, где вербовщики действуют через социальные сети, мессенджеры, компьютерные игры и онлайн-казино); **рост статистики** (по данным, приведённым авторами законопроекта, если за период с 2019 по 2023 год по статье 281 УК РФ («Диверсия») были осуждены 13 человек, то только за 2024 год — 48 человек. Эта статистика указывает на резкую активизацию диверсионной деятельности).

Ответом на эти вызовы стал пакет поправок в Уголовный кодекс РФ, внесённый в Госдуму в октябре 2025 года.

Во-первых, снижение порога с 16 до 14 лет за диверсию (ст. 281 УК РФ), содействие диверсионной деятельности, организацию диверсионного сообщества и участие в нем. Это обусловлено **профилактикой вербовки, то есть лишение вербовщиков аргумента о безнаказанности несовершеннолетних. Также это связано с противодействием "омоложению" преступности** - ответ на вовлечение подростков через обещания легких денег, обман или шантаж. [8]

© В. М. Ломакова, 2026

Во-вторых, введение новых квалифицирующих признаков в ст. 205.1 и 281.1 УК РФ с наказанием вплоть до **пожизненного лишения свободы** за склонение несовершеннолетнего к диверсионной деятельности. Это приведет к **неотвратимости строгого наказания**. [7]

В-третьих, полная отмена сроков давности привлечения к уголовной ответственности для **всех преступлений диверсионной направленности**. Это приведет к **синхронизации с режимом для терроризма, то есть признание равной общественной опасности диверсии и террористического акта**. [7]

В-четвертых, введение запрета на условное осуждение за участие в диверсионном сообществе. Ограничение УДО (не ранее отбытия **3/4** срока наказания), запрет на назначение наказания мягче низшего предела санкции статьи. Это приведет к **ужесточению пенитенциарного режима, обеспечение неотвратимости и реальности наказания для лиц, совершивших тяжкие преступления против безопасности государства**. [8]

В-пятых, установление ответственности организаторов диверсионного сообщества **не только за организацию, но и за все преступления, совершенные членами сообщества**. Эта мера направлена на усиление ответственности лидеров и идеологов диверсионной деятельности. [6]

Внесённые законодательные инициативы вызвали неоднозначную реакцию среди экспертов и правозащитников, что формирует поле для научной дискуссии.

Сторонники законопроекта, такие как председатель парламентского комитета по безопасности Василий Пискарев, утверждают, что эти меры носят в первую очередь **превентивный характер**. Цель — защитить подростков от вербовки, лишив вербовщиков главного аргумента о безнаказанности несовершеннолетних. Член Общественной палаты Евгений Машаров также поддержал инициативу, отметив её своевременность в условиях, когда «неокрепшие умы» становятся орудием в руках враждебных сил.

Критики также указывают на то, что ужесточение наказания не решает корень проблемы.

Юристы и эксперты обращают внимание, что подросток в 14 лет может не до конца осознавать общественную опасность своих действий, особенно если его ввели в заблуждение, убедив, что он «помогает Родине». Существует риск, что тюремное заключение в столь юном возрасте может окончательно сломать жизнь человека и привести к рецидиву, вместо его исправления.

Директор Института современного государственного развития Дмитрий Солонников полагает, что проблема решается не только уголовным правом, но и **усилением профилактической и разъяснительной работы** в школах, повышением ответственности родителей и совершенствованием молодёжной политики. Глава Совета по правам человека Валерий Фадеев также отмечает, что без регулярной разъяснительной работы сами подростки могут просто не узнать об ужесточении закона.

Предлагаемые изменения в Уголовный кодекс РФ отражают стремление государства адекватно и жёстко реагировать на новые угрозы, вызванные

диверсионной деятельностью. Законопроект знаменует собой курс на полное уравнивание правового режима диверсий и терроризма.

Лопатина Т. М. в своей научной статье обратилась к вопросу уголовной ответственности за содействие диверсионной деятельности и организацию диверсионного сообщества или участие в нем. Татьяна Михайловна подчеркивает, что законодательное регулирование ответственности за диверсионную деятельность в УК РФ содержит пробелы и противоречия. Во-первых, размыты границы между понятиями «склонение», «содействие» и «пособничество» в ст. 281.1 УК РФ. Во-вторых, чаще всего действия участника диверсионного сообщества подпадают под несколько статей одновременно что приводит к необходимости квалификации по совокупности преступлений и усложняет процесс. В-третьих, в ст. 283.2 УК РФ не проведено четкого разграничения между «организованной группой» и «преступным сообществом». Таким образом, автор настаивает на необходимости принятия разъясняющего Постановления Пленума Верховного Суда РФ, которое устранило бы эти противоречия. [4]

Прохорова М.Л., Горенко М.Г., Чибизов В.В. в своей научной статье критически проанализировали новые составы преступлений о диверсионной деятельности. Авторы подчеркивают, что наказания за особые формы соучастия (например, пособничество по ст. 281.1) часто оказываются строже, чем для непосредственных исполнителей диверсии (по ст. 281), что нарушает логику уголовной ответственности. Ряд положений (например, ч. 3 ст. 281.1 о пособничестве) буквально повторяют общие нормы о соучастии из Общей части УК РФ, что создает усложнение закона. Авторы предлагают эти нормы **исключить**. Помимо этого, авторы подчеркивают, что понятие «диверсионное сообщество» по сути совпадает с уже существующим в законе понятием «организованная группа». Таким образом, научные деятели пришли к выводу, что самостоятельная криминализация особых форм соучастия (организации, подстрекательства, пособничества) в данных нормах **в значительной степени не оправдана**. [5]

Теоретические положения уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности находят свое непосредственное отражение в правоприменительной практике. Так, согласно Апелляционному постановлению № 22К-1429/2025 от 14 мая 2025 г. по делу № 3/2-13/2025 **4 декабря 2024** было возбуждено дело по ч. 2 ст. 167 УК РФ (умышленное повреждение имущества общеопасным способом). Далее произошло задержание ФИО1 и избрание меры пресечения в виде заключения под стражу. Ключевое событие этого дела это переквалификация на **ч. 1 ст. 281 УК РФ (диверсия)**. Это переводит дело в категорию **особо тяжких преступлений против основ государства**, что кардинально меняет подход суда к мере пресечения и срокам следствия. В связи с этим дело было передано в ФСБ, что подчеркивает его государственную важность. Срок следствия был продлен до 8 месяцев, что допускается законом для особо тяжких и сложных дел. Апелляционный суд оставил в силе решение о продлении ему срока содержания под стражей до 3

августа 2025 года, отклонив жалобу защиты. Апелляционное постановление является примером дела, которое связано с обвинениями в государственных преступлениях. **Решающими факторами для оставления под стражей стали не конкретные действия обвиняемого, демонстрирующие намерение скрыться или помешать следствию, а юридическая квалификация его действий (ст. 281 УК РФ) и обстоятельства дела (конспирация, неочевидность).** [1]

Согласно Приговору № 2-137/2024 2-46/2025 от 12 мая 2025 г. по делу № 2-137/2024 два гражданина России, **ФИО1** и **ФИО2**, были признаны виновными в **приготовлении к диверсии** (ст. 30 ч. 1, ст. 281 ч. 2 п. «а» УК РФ). Они планировали совершить поджог железнодорожных релейных шкафов на станции «Реутово» по заданию украинского куратора за денежное вознаграждение. Преступление не было доведено до конца, так как они опоздали на последнюю электричку и вскоре были задержаны. Оба приговорены к **6 годам лишения свободы**. И **ФИО1**, и **ФИО2** изначально полностью признали вину, подробно описали мотивы (деньги, идеологическая поддержка Украины), роль х А.С. (посредника) и свои действия. В суде они частично отреклись от этих показаний, но суд счел их первоначальные признания добровольными и достоверными. Показания посредника, данные в рамках досудебного соглашения, детально подтвердили схему вербовки, инструктажа и координации действий подсудимых. При обыске у **ФИО2** был обнаружен и изъят рюкзак **ФИО1** со всем «арсеналом»: канистра с бензином, монтировка, балаклава, зажигалка. Генетическая экспертиза подтвердила, что следы на этих предметах принадлежат **ФИО1**. В телефонах обвиняемых и х А.С. обнаружена переписка в Telegram и WhatsApp с обсуждением планов, координат и инструкций. Данный приговор является характерным примером судебной практики по делам о диверсиях и государственной измене, возбужденным после начала СВО. Для обвинения ключевое значение имеют не столько реальные последствия, сколько **умысел и подготовительные действия**, доказанные через переписку, показания и вещественные доказательства. [3]

Согласно Приговору № 1-235/2024 1-32/2025 от 22 апреля 2025 г. по делу № 1-157/2024 **ФИО1** в апреле 2023 года приобрел у своего знакомого А.И.М. боевую гранату РГ-42 и хранил ее, спрятав в зарослях у железнодорожного переезда. Граната была изъята 5 мая 2023 года в ходе осмотра места происшествия, на который **ФИО1** указал сотрудникам полиции. **ФИО1** вину признал полностью, но пояснил, что приобрел гранату как "предмет старины для украшения интерьера", а спрятал ее из-за осознания запрета на хранение. Его показания стали главным противоречием в деле. Свидетель на суде **полностью отказался** от своих первоначальных показаний, данных на следствии. Он заявил, что он не продавал и не передавал гранату **ФИО1**, а гранату они нашли вместе на свалке металлолома. Свидетель отметил, что его первоначальные признательные показания были даны **под давлением** оперативников. Именно он, А.И.М., сообщил полиции о местонахождении гранаты, желая ее "добровольно сдать", но оперативники оформили это как изъятие у **ФИО1**. Суд отклонил возможность

применения примечания к ст. 222 УК РФ (освобождение от ответственности за добровольную сдачу). Суд установил, что граната была изъята в ходе следственного действия, инициированного полицией на основе оперативной информации, а не в результате добровольного заявления ФИО1. У него на момент изъятия не было "реальной возможности" дальнейшего хранения. Суд назначил ему наказание в виде **4 лет лишения свободы условно** с испытательным сроком на 4 года и штрафом в 10 000 рублей. [2]

В заключение хочется отметить, что проведенное исследование свидетельствует о формировании в российском уголовном праве комплексной системы мер противодействия диверсионной деятельности. Законодательные новации, включая криминализацию новых составов и ужесточение санкций, отвечают современным вызовам национальной безопасности. Однако эффективность принимаемых мер будет определяться судебной практикой и четким разграничением диверсии от смежных составов преступлений. Выявленные проблемные аспекты, в частности, дублирование норм Общей части УК РФ, требуют дальнейшего осмысления и возможной корректировки. Таким образом, дальнейшее совершенствование уголовно-правового механизма противодействия диверсиям необходимо сочетать с системным законодательным подходом и с детализацией правоприменительных ориентиров.

Список литературы

1. Апелляционное постановление № 22К-1429/2025 от 14 мая 2025 г. по делу № 3/2-13/2025 URL: https://sudact.ru/regular/doc/MgBgzrbFd3gi/?regular-txt=Диверсия®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1762772796189 (дата обращения: 01.11.2025).
2. Приговор № 1-235/2024 1-32/2025 от 22 апреля 2025 г. по делу № 1-157/2024 URL: https://sudact.ru/regular/doc/oa7ALcts9sZR/?regular-txt=Диверсия®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1762772796189 (дата обращения: 29.10.2025).
3. Приговор № 2-137/2024 2-46/2025 от 12 мая 2025 г. по делу № 2-137/2024 URL: https://sudact.ru/regular/doc/6m1S6O7roure/?regular-txt=Диверсия®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1762772796189 (дата обращения: 31.10.2025).
4. Лопатина Т.М. Уголовная ответственность за содействие диверсионной деятельности и организацию диверсионного сообщества или участие в нем // Российский следователь. 2023. N 11. С. 25 - 29. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=151924&cacheid=FF0E7E9F661523D36D00262F2781EA81&mode=splus&rnd=oIFdxw#r2fIK2VCZAUeQdmE1> (дата обращения: 12.11.2025).
5. Прохорова М.Л., Горенко М.Г., Чибизов В.В. Содействие диверсионной деятельности и организация диверсионного сообщества (статьи 281.1, 281.3 УК РФ) как разновидности специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности: к вопросу об оправданности регламентации // Российский следователь. 2023. N 10. С. 42 - 45. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=151347&cacheid=FF0E7E9>

[F661523D36D00262F2781EA81&mode=splus&rnd=oIFdxw#cdHpK2Vi4Ss0rIAs](https://ria.ru/20251111/zakon-2054194805.html) (дата обращения: 12.11.2025).

6. ГД приняла закон об ужесточении наказания за склонение детей к диверсиям 11.11.2025 URL: <https://ria.ru/20251111/zakon-2054194805.html> (дата обращения: 12.11.2025).

7. Отмена срока давности и пожизненное: Как могут ужесточить наказание за вовлечение в диверсии 10.11.2025 URL: <https://rg.ru/2025/11/10/bez-sroka-davnosti.html> (дата обращения: 12.11.2025).

8. Снижение возраста уголовной ответственности за диверсию до 14 лет: что изменилось 12.11.2025 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8194973> (дата обращения: 12.11.2025).

Об авторе:

ЛОМАКОВА Виктория Михайловна – студентка 3 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: Lomakovavikam51219@mail.ru

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

В.Н. Краснова, К.С. Кулькова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к. ю. н., доцент Ю. А. Дронова

В данной статье рассмотрены некоторые проблемные аспекты конфискации имущества в уголовном праве Российской Федерации с теоретической и практической точек зрения. Сделаны попытки обозначить важность изучения указанных проблем и привести возможные варианты их решения.

***Ключевые слова:** конфискация имущества, проблемные аспекты в теории и практике, вид наказания, иная мера уголовно-правового характера.*

Конфискация имущества – это иная мера уголовно-правового характера, закреплённая в разделе VI Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) наряду с принудительными мерами медицинского характера и судебным штрафом. Конфискации имущества посвящена гл. 15.1 УК РФ [2].

Ч. 1 ст. 104.1 УК РФ закрепляет следующее определение: это принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества. Виды имущества закреплены в пяти пунктах: это деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения ряда преступлений (ч. 2 ст. 105, ч. 2-4 ст. 111 УК РФ и др.) или являющиеся предметом незаконного перемещения через таможенную границу ЕАЭС либо через Государственный границу РФ с государствами – членами ЕАЭС, доходы от этого имущества; принадлежащие обвиняемому средства совершения преступления и т. д.

Согласно ч. 1 ст. 104.2 УК РФ, если конфискация определённого предмета невозможна, конфискуется денежная сумма, соответствующая стоимости данного предмета. Исходя из указанного выше, можно сделать следующий вывод о предмете конфискации имущества: это имущество, выраженное в натуральной форме или в форме денег (в эквивалентной стоимости) [15, с. 11].

Важно отметить, что принадлежащим обвиняемому считают имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц [20].

В первоначальной редакции УК РФ конфискация имущества рассматривалась как дополнительное наказание, позднее, в 2003 году, соответствующие положения исключили из Кодекса, а в 2006 году конфискация имущества была возвращена как иная мера уголовно-правового характера [15, с. 10-11].

По этому поводу возникает много споров. Например, некоторыми авторами указывается, что, несмотря на изменение природы конфискации имущества, ст. 104.1 УК РФ предусматривает три вида конфискации: наказание (п. «в» ч. 1), иную меру уголовно-правового характера (п. «а» и «б» ч. 1), специальную

конфискацию или меру безопасности (п. «г» ч. 1) [13, с. 19]. П. «д» ч. 1 указанной статьи на период рассмотрения автором соответствующего вопроса ещё не был введён. На наш взгляд, его можно отнести к наказанию, поскольку транспортное средство принадлежит обвиняемому и при конфискации имеет не восстановительную, а, скорее, карательную функцию, либо к мере безопасности (для предупреждения новых преступлений).

Многими учёными предлагается вернуть прежний статус конфискации имущества, поскольку она имеет схожую природу с дополнительным наказанием. Например, отмечается, что конфискация имущества не назначается отдельно, а, наоборот, применяется наряду с наказанием, то есть как бы является дополнительным наказанием [5, с. 73]. Есть и противники этой позиции: в качестве одного из аргументов рассматривается возможность применения конфискации имущества не только к совершившему преступление лицу, но и к иным лицам, которым было передано соответствующее имущество [11, с. 26]. На наш взгляд, это суждение небезосновательно.

Важным является вопрос об обязательности назначения конфискации имущества при наличии соответствующих оснований. По мнению ряда специалистов, законодательство устанавливает императивный порядок. Тем самым устраняется вопрос о критериях, которые должен учитывать суд: например, характер и степень общественной опасности, отягчающие и смягчающие обстоятельства и др. Эта характеристика конфискации имущества делает её схожей с дополнительным видом наказания [15, с. 13]. Однако законодателем в УК РФ прямо не прописано, что суд обязан применять конфискацию имущества. Как отмечают некоторые авторы, необходимость назначения указанной меры определяется судом [16, с. 200], то есть судом анализируется вся совокупность обстоятельств дела и усматриваются основания для применения конфискации имущества в соответствии с уголовным законодательством. Если таковые имеются, суд назначает указанную меру. Здесь следует отметить п. 3(3) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» (далее – ПП ВС РФ № 17), согласно которому конфискация имущества, в том числе транспортного средства, подлежит обязательному применению при наличии оснований и соблюдении условий, предусмотренных нормами гл. 15.1 УК РФ. Данное положение было добавлено, поскольку отсутствовало единообразие в решении судами соответствующих вопросов [6, с. 21-22].

В уголовном законодательстве не отражены цели конфискации имущества (вообще иных мер уголовно-правового характера). Этим порождается дискуссия о соотношении целей наказания и иных мер уголовно-правового характера: одни авторы отождествляют их, другие – видят различия [17, с. 107-108]. Например, приверженцами второго подхода среди отличий отмечается исправительное воздействие иных мер уголовно-правового характера без карательной функции [12, с. 19].

После того как мы затронули проблемные аспекты конфискации имущества в теории, перейдём непосредственно к практическим вопросам.

Одним из сложных моментов во взаимосвязи теории с практикой является тот факт, что конфискуемое имущество не всегда существует на момент вынесения судом соответствующего решения. Такое возможно, например, когда полученные в результате совершения преступления денежные средства преобразуются в иное имущество или они уже потрачены виновным. В этом случае суд конфискует иное имущество, соответствующее стоимости предмета. В ст. 104.2 УК РФ точная формулировка для определения предмета конфискации не приводится. Возможно также и взыскание денежных средств, которые виновным будут получены в будущем. Получается, предмета конфискации фактически не существует на момент вынесения судебного решения, но это не отменяет конфискацию [7, с. 20-21].

Приведём пример из практики. Гражданин Л. обвинялся в получении взяток и легализации денежных средств, приобретённых им в результате совершения преступлений. На полученные деньги он приобрёл, в частности, земельный участок. Право собственности было зарегистрировано за его дочерью. Суды пришли к выводу, что полученное в результате совершения преступления имущество (в нашем случае – деньги) было преобразовано (в земельный участок), оно подлежит конфискации. Дочь знала о происхождении денежных средств. Важно отметить, что на земельном участке находились вспомогательные постройки (дополнительно вкладывались средства), но, поскольку они являются неотделимыми, конфискован был весь земельный участок. Неприменение конфискации имущества означало бы легализацию незаконных доходов [21]. Видно, что имущество, которое было получено преступным путём (денежные средства), на момент рассмотрения дела (вынесения решения) уже не существовало, однако, несмотря на этот факт, есть альтернативы: конфискация иного имущества, будущих доходов и др., что часто вызывает сложности в практике применения соответствующих норм.

В рамках рассмотренной проблемы возможности фактического отсутствия конфискуемого имущества нельзя не указать коллизию в согласовании норм материального и процессуального права. Как уже было упомянуто выше, гл. 15.1 УК РФ закрепляет возможность конфискации «несуществующего имущества» (конфискуются деньги или иное имущество, соответствующие стоимости добытого преступным путём предмета). Однако Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) не закрепляет чёткий порядок осуществления такой конфискации, с этим вопросом на практике возникают различные сложности. В соответствии с п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ конфискации подлежат деньги, ценности и иное имущество, указанные в п. «а»-«в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ [4]. Для иного имущества, добытого преступным путём и не признанного вещественным доказательством, порядок конфискации в УПК РФ не предусмотрен. Это создаёт сложности с конфискацией, например, преобразованного имущества, которая предусмотрена нормами материального права. Одно из возможных решений проблемы – внесение в законодательство соответствующих норм, которые бы

закрепили особенности конфискации такого имущества [10, с. 162-164]. Ряд авторов предлагает рассматривать конфискацию имущества в процессуальном праве как отдельный институт [14, с. 7-8]. Возможно, это позволило бы более подробно анализировать возникающие вопросы и вносить соответствующие изменения, дополнения в законодательство.

В Уголовно-исполнительном кодексе РФ вообще отсутствуют нормы о конфискации имущества, хотя в ч. 2 ст. 2 указано, что уголовно-исполнительное законодательство устанавливает общие положения и принципы применения иных мер уголовно-правового характера [3].

Существует другая проблема в практике применения рассматриваемых норм, когда полученное преступным путём имущество передаётся другим лицам [7, с. 22]. На наш взгляд, она возникает, когда эти лица отрицают, что они знали о происхождении этого имущества, а соответствующих доказательств нет. Ограничивает такую конфискацию ч. 3 ст. 104.1 УК РФ, согласно которой, чтобы имущество, полученное в результате совершения преступления, было конфисковано, важен факт осведомлённости принявшего имущество лица. С другой стороны, если бы в законодательстве не было такой оговорки или, наоборот, было бы указано, что полученное в результате преступления имущество может быть конфисковано у любого, это вряд ли бы соответствовало принципам справедливости, разумности.

Рассмотрим на практике проблематику, связанную с видами имущества, закреплёнными в п. «г» и «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ (средства совершения преступления, транспортное средство).

П. «г» и «д» ст. 104.1 УК РФ требуют, чтобы конфискуемое имущество принадлежало обвиняемому. Имущество, находящееся в собственности нескольких лиц, не может быть беспрепятственно конфисковано, поскольку по определению не считается принадлежащим одному из них [8, с. 12]. Таким образом, буквальное толкование закона препятствует конфискации вещи, если она находится в общей собственности, а преступник – лишь один из собственников. Как отмечает В. А. Гончарова, суды игнорируют гражданско-правовой статус имущества, находящегося в общей собственности, и не учитывают интересы сособственников: «Не учитываются и интересы сособственников, не связанных с совершенным преступлением, но по каким-то причинам вынужденных претерпевать негативные последствия государственной реакции на него» [8, с. 13]. В результате изымается имущество у граждан, которые не привлекались к ответственности и могли ничего не знать о преступлении. Рассмотрим ситуацию на нескольких примерах.

Гражданин был осуждён по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ. Автомобиль зарегистрирован на его жену. Жена утверждала, что купила машину до брака (в 2022 году) на свои личные средства, а в договоре указала иную дату. Суд конфисковал автомобиль, заявив: «суд не учитывает показания подсудимого и его жены о том, что автомобиль приобретён до брака, поскольку, согласно карточке учёта транспортного средства, автомобиль приобретён 14 февраля 2024 года». Суд не проверил, на какие средства куплен автомобиль, знала ли жена о

преступном использовании, была ли она добросовестным владельцем и др. [25]. Мотивировки нет. Конфискована личная собственность жены. Такой подход суда создаёт непредсказуемость судебных решений: достаточно сослаться на формальные данные учёта, чтобы изъять имущество.

Обратимся к следующему примеру. Гражданин был осуждён по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ. Автомобиль принадлежал матери осуждённого (но был кредитным), у которой не было водительского удостоверения. Мать передала машину сыну. Суд конфисковал автомобиль, указав, что, несмотря на принадлежность матери автомобиля, фактически и на постоянной основе им пользовался осуждённый [24]. Суд заменил юридический критерий оценочным «фактически пользовался», не проверил, знала ли мать о том, что сын управляет транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, давала ли согласие на такое использование. Конфисковано законно нажитое имущество невиновного лица. Любой гражданин, одолживший машину родственнику, рискует её лишиться.

Перейдём далее. Осуждённый использовал автомобиль с крановым манипулятором. Собственником являлся гражданин Т., не привлечённый к уголовной ответственности. Т. пояснил, что передал автомобиль в длительное безвозмездное пользование, но право собственности сохранил. Суд конфисковал автомобиль, отметив: «фактически указанный автомобиль принадлежал обвиняемому, из владения осуждённого не выходил». Верховный Суд РФ утвердил этот подход, приравняв длительное владение к праву собственности. Суд не проверил добросовестность Т., его осведомлённость о преступном использовании, условия передачи автомобиля [22]. Здесь применён п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, проявилась проблема: закон требует принадлежности имущества обвиняемому, а суд конфисковал его у третьего лица. Любой человек, передавший свою вещь в долгосрочное пользование, может её лишиться из-за действий того, кому доверился.

Согласно материалам другого дела, осуждённый использовал автомобиль, который за несколько месяцев до задержания переоформил на тещу. У тещи не было водительского удостоверения. Суд конфисковал автомобиль, указав: «ФИО2 не отрицал факта принадлежности данного автомобиля его семье, подтвердил фактическое владение им». Суд не проверил, знала ли теща о преступной деятельности зятя, была ли сделка реальной [23]. Отсутствие у тещи прав само по себе не доказывает фиктивность сделки. Машину можно купить для семьи, для мужа, для поездок с детьми. Суд не учёл этого, изъясил имущество у лица, чья вина не была установлена.

Рассмотрим другой пример. Супруг заявительницы осуждён по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ. Автомобиль – совместная собственность супругов. После смерти мужа автомобиль был конфискован у вдовы (приговор был вынесен до смерти супруга). Андриянова доказывала, что она невиновна и не должна отвечать за поступки мужа своим имуществом. Конституционный Суд РФ признал конфискацию законной, сославшись на общую превенцию: изъятие автомобиля должно удерживать других граждан от пьяных поездок. Суд подтвердил, что конфискация может быть обращена на имущество невиновного лица, если оно

находилось в совместной собственности с осуждённым. Приведём позицию Конституционного Суда РФ (один из аргументов по рассматриваемому вопросу): «особый правовой статус семьи и сам характер супружеских отношений предполагают возможность влияния одного супруга на поведение другого, не подразумевающего, по крайней мере, безразличного, а тем более толерантного отношения к повторному управлению в состоянии опьянения транспортным средством лицом, совершившим административное правонарушение, предусмотренное статьей 12.8 КоАП Российской Федерации» [18]. Однако не ясно, на основании чего презюмируется упомянутое безразличное, толерантное отношение супруга к поведению другого супруга. В данной ситуации затрагивается проблема соотношения частных и публичных интересов [9, с. 65]. На наш взгляд, предупреждение преступлений необходимо, но нельзя не учитывать права и интересы отдельных граждан, которые зачастую страдают из-за поведения своих близких. Необходимо искать компромиссы. Если суды формально подходят к вопросам конфискации, существует риск снижения её эффективности.

Все перечисленные дела объединяет одна проблема: подмена критерия «принадлежит обвиняемому» категориями «фактическое владение», «регулярное пользование» и др. Это ведёт к конфискации имущества у добросовестных третьих лиц без проверки их осведомлённости. Суды не проверяют, знал ли собственник о преступном использовании, было ли у него согласие, принимал ли он меры для предотвращения нарушений. Такая практика подрывает гарантии ст. 35 Конституции РФ [1]. Граждане теряют имущество, которое приобрели законно и никогда не передавали в собственность преступникам. Судебные решения становятся непредсказуемыми.

Позиции судов, в которых приравнивается длительное владение к праву собственности, игнорируются воля, права настоящего владельца, вызывают тревогу. В деле Андрияновой Конституционный Суд РФ оправдал конфискацию имущества у невиновной вдовы ссылкой на общую превенцию, по сути разрешив наказывать граждан за преступления, которые совершили другие люди. Риск коррупции, отсутствие мотивированности и конфискация законно нажитого имущества присутствуют во всех пяти примерах. Если эту практику не изменить, любой собственник, доверивший своё имущество родственнику или знакомому, рискует его потерять. Восстановить нарушенное право потом почти невозможно: конфискованное имущество не возвращают даже после отмены приговора.

Для устранения этих недостатков и обеспечения единообразного применения конфискации предлагается дополнить ПП ВС РФ № 17, в частности, разъяснить недопустимость подмены права собственности «фактическим владением», обязательность проверки добросовестности третьих лиц при конфискации имущества, переоформленного на родственников. Также важно указать, что фактические брачные отношения без регистрации не порождают общей собственности для целей конфискации. Параллельно можно дополнить ст. 104.1 УК РФ, прямо установив, что конфискации подлежит только имущество, находящееся в собственности обвиняемого, а фактическое владение чужим

имуществом не может служить основанием для изъятия. «Конфискации должен подлежать лишь денежный эквивалент доли обвиняемого в совершении преступления, который в случае долевой собственности должен определяться размером его доли, а в случае совместной – считаться равным ½ (ст. 39 СК РФ)» [8, с. 14]. В уголовно-процессуальном законе следует закрепить: конфискация у невиновного лица допустима только при бесспорном доказательстве его осведомлённости о преступном использовании имущества и непринятии им разумных мер для предотвращения такого использования. Эти изменения приведут практику в соответствие с законом и защитят права добросовестных собственников.

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на то что институт конфискации имущества как иная мера-уголовно правового характера был введён в УК РФ 20 лет назад, до сих пор существуют проблемы как в теории, так и в практике, которые требуют глубокого осмысления и (в последующем) разрешения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.05.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.05.2026).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.05.2026).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.05.2026).
5. Агильдин В. В. Институт конфискации имущества как превентивная мера предупреждения преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 1. С. 71-75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-konfiskatsii-imuschestva-kak-preventivnaya-mera-preduprezhdeniya-prestupnosti> (дата обращения: 24.05.2026).
6. Беларева О. А. Конфискация транспортного средства за управление им в состоянии опьянения: право или обязанность суда? // Вестник Кузбасского института. 2024. № 1 (58). С. 18-25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfiskatsiya-transportnogo-sredstva-za-upravlenie-im-v-sostoyanii-opyaneniya-pravo-ili-obyazannost-suda> (дата обращения: 25.05.2026).
7. Вакутин А. А., Карпова О. В. Проблемы исполнения конфискации имущества // Вестник БелЮИ МВД России. 2022. № 3. С. 19-23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolneniya-konfiskatsii-imuschestva> (дата обращения: 25.05.2026).
8. Гончарова В. А. Проблемы конфискации имущества, находящегося в общей собственности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 4. С. 5-18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-konfiskatsii-imuschestva-nahodyaschegosya-v-obschey-sobstvennosti> (дата обращения: 30.05.2026).
9. Дронова Ю. А. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера в отношении транспортных средств, находящихся в совместной собственности супругов: социально-политическая целесообразность vs ответственность без вины / Ю. А. Дронова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 62-67. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=88960528> (дата обращения: 29.05.2026).

10. Лавров В. В. Применение конфискации имущества, образующего доходы от преступной деятельности, в свете руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, и построение теоретической модели осуществления имущественных взысканий в ракурсе уголовно-процессуального доказывания / В. В. Лавров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 3, № 71. С. 160-168. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82949888> (дата обращения: 26.05.2026).
11. Ларина Л. Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера за преступления коррупционной направленности // Вестник ЮГУ. 2025. № 2. С. 23-28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfiskatsiya-imuschestva-kak-mera-ugolovno-pravovogo-haraktera-za-prestupleniya-korrupsionnoy-napravlenosti> (дата обращения: 24.05.2026).
12. Малышев А. Н. Конфискация имущества в уголовном праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Москва, 2010. 23 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/konfiskatsiya-imushchestva-v-ugolovnom-prave/read> (дата обращения: 27.05.2026).
13. Мартыненко Э. В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Москва, 2010. 23 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/konfiskatsiya-imushchestva-v-deistvuyushchem-rossiiskom-ugolovnom-prave/read> (дата обращения: 24.05.2026).
14. Никулочкин Е. О. Обстоятельства, подтверждающие наличие подлежащих конфискации денежных средств и имущества: уголовно-процессуальная природа, особенности доказывания: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Челябинск, 2013. 24 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/obstoyatelstva-podtverzhdayushchie-nalichie-podlezhashchikh-konfiskatsii-denezhnykh-sredstv-/read> (дата обращения: 27.05.2026).
15. Пудовочкин Ю. Е. Конфискация имущества: толкование и применение уголовно-правовых норм // Пенитенциарная наука. 2009. № 6. С. 10-15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfiskatsiya-imuschestva-tolkovanie-i-primeneniye-ugolovno-pravovyh-norm> (дата обращения: 23.05.2026).
16. Савин А. А. Место конфискации имущества в отечественном законодательстве / А. А. Савин, А. С. Сизова // Аграрное и земельное право. 2024. № 8 (236). С. 199-200. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=72044163> (дата обращения: 24.05.2026).
17. Ткачев И. О. Цели конфискации имущества // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3 (46). С. 106-110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-konfiskatsii-imuschestva> (дата обращения: 27.05.2026).
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2025 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта «д» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.А. Андрияновой» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.05.2026).
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2026).
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.05.2026).
21. Определение Конституционного Суда РФ от 11.11.2025 № 2917-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лабузовой Елены Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта «б» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2026).

22. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.05.2026 № 56-УД26-9-К9 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.05.2026).

23. Определение Верховного Суда РФ от 17 февраля 2026 года № 49-УД25-25-А4. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/19ncKjHXmIT/> (дата обращения: 30.05.2026).

24. Апелляционное постановление Тверского областного суда г. Твери № 22-2330/2025 от 11 ноября 2025 г. по делу № 1-265/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/АсхJ7kFpvV6j/> (дата обращения: 30.05.2026).

25. Приговор Кировского районного суда г. Саратова № 1-374/2025 от 28 ноября 2025 г. по делу № 1-374/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oj4qrQLwWBJv/> (дата обращения: 30.05.2026).

Об авторах:

КРАСНОВА Виктория Николаевна – студентка 2 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: vkrasnova107@gmail.com

КУЛЬКОВА Карина Сергеевна – студентка 2 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: kulkovakarinasergeevna@yandex.ru

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В СМИ И В СЕТЯХ СВЯЗИ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

В.Д. Мисингевич, К.Ю. Наумова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права и процесса А.В. Гайдашов

Трансляция экстремистских идеологий посредством средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования артикулируется как один из доминирующих вызовов безопасности современного социума, что детерминирует потребность в релевантном уголовно-правовом регулировании. Цифровая трансформация общества и присущая сетевому пространству анонимность сформировали условия, способствующие высокоскоростному, широкомасштабному и транснациональному распространению экстремистских нарративов, что объективно повышает вероятность радикализации. Динамичная трансформация типологии и методик экстремистской активности в медиа пространстве демонстрирует опережающий характер относительно существующих нормативно-правовых регуляторов, что обуславливает необходимость перманентного обновления уголовно-законодательных положений и унификации правоприменительной практики. Актуальность уголовно-правового противодействия экстремистской идеологии в сетевой среде также обосновывается необходимостью гарантирования конституционных прав и свобод, обеспечения социальной стабильности и поддержания общественной безопасности государства. Следовательно, исследование и разработка результативных уголовно-правовых превентивных и репрессивных мер в данной предметной области приобретает стратегическое значение для поддержания правопорядка и обеспечения национальной безопасности в условиях эскалации информационного противоборства и гибридных угроз.

Ключевые слова: экстремистская идеология, средства массовой информации, социальные сети общего пользования.

В современном мире, характеризующемся стремительным развитием информационных технологий и глобализацией, средства массовой информации (далее – СМИ) и сети связи общего пользования (далее - ССОП) стали не только каналами для обмена информацией, но и мощными инструментами формирования общественного мнения и идеологического воздействия. К сожалению, эта мощь нередко используется деструктивными силами для распространения экстремистской идеологии, которая представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности, общественной стабильности и духовным ценностям. Актуальность данной проблемы подтверждается неуклонным ростом числа преступлений, совершаемых на почве экстремизма, и активностью экстремистских группировок в онлайн-пространстве.

Статистические данные последних лет свидетельствуют о тревожной тенденции: по данным генпрокурора Российской Федерации Игоря Краснова, количество экстремистских преступлений в 2024 году в России выросло на треть, половина из них совершается в интернете, где заблокировали свыше 75 тыс. сайтов с деструктивной информацией [5].

Развитие научно-технического прогресса, по мнению Б.В. Волженкина, выступает катализатором возникновения новых видов общественно опасных деяний, что влечет за собой объективную потребность в коррекции уголовного

законодательства через установление адекватных запретов либо оптимизацию существующих уголовно-правовых норм [4].

Экстремистские материалы могут быть опубликованы в СМИ и ССОП в различных форматах. Например, такая информация представляется в виде текстовых записей, фотографий, аудио- и видеозаписей, файлов [6].

Основополагающим документом, регулирующим данную сферу, является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2]. Так, п. 1 ст. 1 указанного ФЗ закрепляет понятие и раскрывает его через ряд признаков.

Обратимся непосредственно к статьям Уголовного кодекса (далее – УК РФ). Так, в ст. 280 УК РФ закреплено, что за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности предусмотрена ответственность в виде штрафа в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительных работ на срок до трех лет, либо ареста на срок от четырех до шести месяцев, либо в виде лишения свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок [1].

Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности [3].

В рамках анализа правового регулирования, актуализируется вопрос о статусе использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сегмент сети «Интернет», в качестве квалифицирующего признака при совершении противоправного деяния. За данное деяние с применением указанных инструментов предусмотрена уголовная ответственность, выраженная в форме принудительных работ на период до пяти лет с возможным лишением права занимать определённые должности или осуществлять конкретную деятельность на срок до трёх лет, или лишением свободы на срок до пяти лет с аналогичным лишением права или без такового.

Особый интерес представляет рассмотрение процедурного механизма наступления ответственности. Согласно ст. 8 указанного Федерального закона, устанавливается ответственность субъектов СМИ за распространение материалов экстремистского характера и/или осуществление экстремистской деятельности. При выявлении фактов распространения экстремистских материалов посредством СМИ или обнаружении иных данных, указывающих на наличие признаков экстремизма в его функционировании, уполномоченный государственный орган (осуществивший регистрацию, либо федеральный орган исполнительной власти в сфере коммуникаций, либо Генеральный прокурор РФ или его территориальные прокуратуры) выносит письменное предупреждение

учредителю и/или редакции (главному редактору) данного СМИ. В предупреждении формулируется недопустимость указанных действий/деятельности и приводятся конкретные основания для его вынесения, включая допущенные правонарушения. В случаях, когда предусмотрена возможность устранения зафиксированных нарушений, в предупреждении устанавливается релевантный срок для их исправления, который должен составлять не менее десяти дней с даты вынесения. Предупреждение может быть обжаловано в судебные инстанции в установленном законодательством порядке. Прекращение деятельности соответствующего СМИ в порядке, определенном Федеральным законом, инициируется, если в установленный срок не были предприняты меры по устранению нарушений, ставших основанием для предупреждения, либо при повторном выявлении, в течение двенадцати месяцев с даты вынесения предупреждения, новых фактов, свидетельствующих о наличии признаков экстремизма в деятельности, данного СМИ. Ответственность средств массовой информации за распространение экстремистских материалов и осуществление экстремистской деятельности предусмотрена в ст. 11 названного Федерального закона.

Проанализируем несколько примеров из судебной практики. Так, Мосгорсуд вынес приговор Игорю Гиркину (Стрелкову), бывшему министру обороны ДНР и полковника ФСБ в отставке, назначив ему четыре года колонии общего режима. Он признан виновным в публичных призывах к экстремизму (ч.2 ст.280 УК РФ), совершенных через его Telegram-канал. Речь шла о комментариях по Крыму и снабжению подразделений ДНР. Суд также запретил Стрелкову администрировать сайты и публиковаться в интернете в течение трех лет [8]. Следовательно, можно увидеть, что чаще всего средствами выступают довольно популярные социальные сети.

Необходимо рассмотреть и другой пример действия нормы. Согласно информации УФСБ России по Дагестану, Кировский районный суд Махачкалы признал жителя республики Гашимова Ю. М. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ. За это деяние ему назначено наказание в виде двух лет принудительных работ с отчислением 10% заработка в доход государства, а также лишение права заниматься деятельностью по размещению материалов в сети Интернет. Следствие и суд установили, что Гашимов Ю. М. создал общедоступный профиль в социальной сети «ВКонтакте», где разместил аудиоматериалы, содержащие призывы к экстремизму и высказывания, пропагандирующие вражду и насилие [7].

Таким образом, использование СМИ и ЭИТС влияет на дифференциацию уголовной ответственности и квалификацию преступлений экстремистской направленности. Кроме того, развитие средств массовой информации требует своевременного реагирования от законодательства. Противодействие экстремистской идеологии в средствах массовой информации и в сетях связи общего пользования является приоритетной задачей уголовной политики государства, направленной на обеспечение общественной безопасности и защиту конституционного строя. Уголовное право Российской Федерации

устанавливает строгую ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Основной акцент делается на криминализации распространения материалов, признанных судом экстремистскими, что включает их размещение и репост в социальных сетях и на интернет-ресурсах. Эффективность противодействия определяется комплексным подходом, объединяющим оперативно-розыскные мероприятия, блокировку незаконного контента и применение норм уголовного законодательства к лицам, ответственным за его создание и распространение.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 10.11.2025 г.).
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС Гарант (дата обращения 11.11.2025 г.).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.11.2025 г.).
4. Волженкин Б. В. Российское уголовное право: традиции, современность, будущее (тезисы доклада на научной конференции, посвященной памяти профессора М. Д. Шаргородского, состоявшейся 1—2 июля 2004 г. в Санкт-Петербурге) // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963—2007 гг.). Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 664—679.
5. Краснов: число экстремистских преступлений в РФ выросло на треть // tass.ru // [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/proisshestviya/23445069> (дата обращения 12.11.2025 г.).
6. Смирнов С. Н., Шерхов Р. Р. Противодействие террористической и экстремистской идеологии в средствах массовой информации и в сетях связи общего пользования // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-terroristicheskoy-i-ekstremistskoy-ideologii-v-sredstvah-massovoy-informatsii-i-v-setyah-svyazi-obshchego-polzovaniya> (дата обращения: 20.11.2025).
7. Жителю Дагестана назначили принудительные работы за призывы к экстремизму [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/proisshestviya/25659793> (дата обращения 19.11.2025 г.).
8. Экс-министр обороны ДНР осужден за призывы к экстремизму // kommersant.ru [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6467414> (дата обращения 19.11.2025 г.).

Об авторах:

МИСИНГЕВИЧ Виктория Дмитриевна – студентка 3 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

НАУМОВА Ксения Юрьевна – студентка 3 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

О.А. Олейник

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.А. Дронова

Институт условного осуждения занимает особое место в системе мер уголовно-правового воздействия, однако его правовая природа остаётся дискуссионной, а практика применения статей 73 и 74 УК РФ не всегда единообразна. Анализ показательных дел из судебной практики позволяет выявить основные проблемы толкования оснований отмены условного осуждения, продления испытательного срока и оценки поведения осужденного. Рассматриваются позиции сторонников признания условного осуждения видом наказания и сторонников отнесения его к освобождению от отбывания наказания. Обосновывается вывод о том, что условное осуждение при определённых условиях может рассматриваться не как реальная мера наказания, а как особый правовой режим контроля с возможностью досрочного освобождения при доказанном исправлении и возмещении вреда.

***Ключевые слова:** условное осуждение, наказание, освобождение от наказания, испытательный срок, отмена условного осуждения, отбывание наказания, судебная практика.*

Институт условного осуждения занимает особое место в системе мер уголовно-правового воздействия. Согласно ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным. При этом суд устанавливает испытательный срок, в течение которого условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление, а также может возложить определенные обязанности: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания [1].

В доктрине уголовного права длительное время ведется дискуссия о правовой природе условного осуждения. Ривман В. Д. утверждает, что условное осуждение является особым видом уголовного наказания, поскольку ему присущи все признаки последнего, включая кару и судимость [8]. Буранов Г.К. и Будылин Н.С. настаивают на том, что условное осуждение следует рассматривать как форму освобождения от отбывания наказания [6]. Например, отмечается, что сущность условного осуждения выражается в предоставлении осужденному возможности исправиться без реального применения мер государственного принуждения, связанных с лишением свободы. Встречается также позиция, согласно которой условное осуждение представляет собой самостоятельный межотраслевой институт, сочетающий в себе элементы уголовной ответственности, наказания и контроля за поведением осужденного.

А также существует мнение, что условное осуждение следует рассматривать в качестве иного основания освобождения от отбывания наказания, поскольку осужденный реально не претерпевает тех лишений, которые составляют содержание назначенного наказания.

Правовой механизм отмены условного осуждения и снятия судимости регламентирован ст. 74 УК РФ [1]. Позитивные основания отмены условного осуждения в соответствии с ч. 1 ст. 74 УК РФ. Если до истечения испытательного срока условно осужденный своим поведением доказал свое исправление, возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением, суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, может постановить об отмене условного осуждения и снятии с осужденного судимости. Негативные основания отмены условного осуждения предусмотрены ч. 2, 3, 4 и 5 ст. 74 УК РФ. Если условно осужденный уклонился от исполнения возложенных на него судом обязанностей или совершил нарушение общественного порядка, за которое он привлекался к административной ответственности, суд может продлить испытательный срок, но не более чем на один год. При систематическом или злостном неисполнении обязанностей суд может вынести решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда. В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 УК РФ по совокупности приговоров [1].

Важное значение для единообразного применения норм об условном осуждении имеют разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В постановлении от 25.06.2024 № 18 «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока» [2] Пленум указал, что назначение условного осуждения имеет своей целью исправление условно осужденного в течение испытательного срока без реального отбывания назначенного основного наказания. При этом для отмены условного осуждения и снятия судимости до истечения испытательного срока условно осужденный должен не только доказать исправление своим поведением, но и возместить причиненный преступлением вред в размере, определенном решением суда. Об исправлении условно осужденного, помимо добросовестного исполнения возложенных обязанностей, могут свидетельствовать положительные характеристики с места жительства, учебы, работы или службы, участие в деятельности благотворительных, добровольческих организаций, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства [2].

Анализ судебной практики позволяет выявить ключевые проблемы применения статей 73 и 74 УК РФ. Так, Апелляционным постановлением Московского городского суда от 04.08.2025 по делу № 10-15046/2025 [4] было отказано в удовлетворении ходатайства осужденного Чумакова В.В. об отмене условного осуждения и снятии судимости. Судом было установлено, что Чумаков В.В., осужденный по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 5 годам лишения свободы

условно с испытательным сроком 4 года, не возместил причиненный преступлением вред, а также представил недостоверные сведения о его уплате. Данное дело иллюстрирует, что формальное отбытие испытательного срока без нарушений недостаточно для отмены условного осуждения – обязательным условием является реальное возмещение вреда.

Противоположный подход демонстрирует Постановление Останкинского районного суда г. Москвы от 13.08.2025 по делу № 4/7-0017/2025 [5], которым было удовлетворено ходатайство осужденного об отмене условного осуждения и снятии судимости. Суд учел, что ФИО1 в период испытательного срока регулярно являлся в уголовно-исполнительную инспекцию, к административной и уголовной ответственности не привлекался, добросовестно исполнял возложенные обязанности, а также осуществлял уход за больной матерью. Таким образом, суд оценил не только формальное соблюдение обязанностей, но и личность осужденного, его социально полезное поведение.

В другом показательном решении – Апелляционном постановлении Ростовского областного суда от 25.03.2025 по делу № 22-1360/2025 [3] – суд отменил условное осуждение в связи с систематическим неисполнением возложенных обязанностей: осужденный дважды не явился в уголовно-исполнительную инспекцию без уважительных причин и сменил место жительства без уведомления. Данное решение подтверждает, что даже незначительные, но систематические нарушения влекут реальное отбывание наказания.

В юридической литературе также обращается внимание на проблему отсутствия легального определения правовой природы условного осуждения. Это порождает правовую неопределенность в правоприменительной практике. Павлухин А.Н. с соавторами высказывает предложение о законодательном закреплении условного осуждения в качестве самостоятельного института уголовного права, не сводимого ни к наказанию, ни к освобождению от него, с четким определением правового статуса осужденного в течение испытательного срока [7]. Кроме того, остается дискуссионным вопрос о возможности повторного применения условного осуждения к лицу, ранее условно осуждавшемуся. И, так как единого ответа в практике нет, данный вопрос требует дополнительных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Таким образом, условное осуждение представляет собой сложный правовой институт, сочетающий элементы наказания, освобождения от него и контроля за поведением осужденного. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды подходят к оценке возможности отмены условного осуждения индивидуально, учитывая не только формальное отбытие испытательного срока, но и возмещение вреда, личность осужденного, его поведение в семье и обществе. В целях повышения эффективности института условного осуждения представляется необходимым законодательно закрепить правовую природу условного осуждения; выработать единые критерии оценки доказательств исправления условно осужденного; урегулировать вопрос о возможности повторного применения условного осуждения.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Интернет-ресурс// КонсультантПлюс. [Офиц. сайт]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mpscb8yvvy1448076756
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2024 № 18 «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока» // Интернет-ресурс// КонсультантПлюс. [Офиц. сайт]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479580/?ysclid=mpsc8nbz6w694356728
3. Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 24.03.2025 № 22-1360/2025 по делу № 4/17-14/2025 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). [Офиц. сайт]. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZOefnRAoffYr/>
4. Апелляционное постановление Московского городского суда от 04.08.2025 по делу № 10-15046/2025 // Интернет-ресурс// СПС Гарант. [Офиц. сайт]. - URL: <https://base.garant.ru/347247431/>
5. Постановление Останкинского районного суда г. Москвы от 13.08.2025 № 4/7-0017/2025 по делу № 4/7-0017/2025 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). [Офиц. сайт]. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tKRskliTWymd/>
6. Буранов Г.К., Будылин Н.С. Понятие и социально-правовая природа условного осуждения // Издательство Молодой ученый. - 2018. - № 17 - URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/284/14055>
7. Павлухин А.Н., Ларина Л.Ю., Эриашвили Н.Д. К вопросу о правовой природе условного осуждения в уголовном праве: продолжение дискуссии // Вестник Московского университета МВД России. - 2022. - №3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-uslovnogo-osuzhdeniya-v-ugolovnom-prave-prodolzhenie-diskussii>
8. Ривман В.Д. О юридической природе условного осуждения и участия общественности в перевоспитании условно осужденных // Вестники ЛГУ. - 1965. - № 23. - Ст. 141–144.

Об авторе:

ОЛЕЙНИК Ольга Александровна - студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Л.С. Царькова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.А. Дронова

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при освобождении от уголовной ответственности и наказания лиц, заключивших военный контракт в период мобилизации или военного времени. Целью работы является анализ правоприменительной практики и выявление проблем защиты прав потерпевших. Используются анализ законов, изучение судебных решений и сравнение правовых норм. Выявлено, что часто не учитывается мнение потерпевших и может нарушаться принципы справедливости и равенства перед законом. Предложено упростить процедуру возмещения вреда, ограничить освобождение только осужденными лицами и исключить из него тяжкие преступления против личности из числа дел, по которым возможно такое освобождение.

***Ключевые слова:** специальная военная операция, уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, правовое регулирование.*

В условиях современных геополитических проблем и проведения специальной военной операции российская правовая система столкнулась с необходимостью адаптации к особым режимам правового регулирования, включая мобилизацию и военное положение. 24 февраля 2022 года началась специальная военная операция (СВО): российские войска вошли на территорию Украины. [6] Одним из решений стало формирование уникального правового института, связывающего исполнение воинского долга с возможностью решения вопросов уголовно-правового характера. Данная мера, выходящая за рамки оснований освобождения от ответственности, перечисленных в 11 главе Уголовного Кодекса Российской Федерации, отражает поиск баланса между интересами обороны государства, необходимостью увеличения состава Вооруженных Сил и задачами восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. [2]

Формирование специального правового регулирования в данной сфере осуществлялось поэтапно: первоначальные нормы были закреплены в Федеральном законе от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции».

Ключевым этапом в этом процессе стало принятие Федерального закона от 23 марта 2024 года № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который внес большие изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Нововведения затронули не только

материальные нормы, определяющие основания для освобождения от ответственности и наказания, но и процессуальный порядок прекращения уголовного преследования.

Президент России Владимир Путин подтверждал, что подписывает указы о помиловании граждан, пребывающих в местах лишения свободы, если они отправляются в зону проведения специальной военной операции, а также указал, что в случае рецидивов осужденные отвечают по всей строгости закона.[11] Акт Президента Российской Федерации о помиловании индивидуален, на издание которого тратится много времени, сил и средств, решением этого стало решение в создании Федерального закона от 23 марта 2024 года № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Глава 11 Уголовного кодекса Российской Федерации регулирует основания прекращения уголовного преследования. В большинстве норм данной главы законодатель применяет диспозитивную формулировку «лицо может быть освобождено от уголовной ответственности». Это предполагает оценочный характер решения, принимаемого уполномоченным должностным лицом или судом после анализа данных о личности, характера деяния и иных обстоятельств. Законодатель закрепил в статье 78.1 УК РФ императивную формулировку «лицо освобождается от уголовной ответственности», что исключает усмотрение правоприменителя и обязывает прекратить производство по делу при наличии установленных законом фактов.

В соответствии с диспозицией ст. 78.1 УК РФ, освобождению от уголовной ответственности подлежат лица, совершившие преступление, которые были призваны на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключили контракт о прохождении военной службы. Процессуальной основой для применения данной нормы выступает приостановление предварительного расследования в порядке, предусмотренном п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ [3]. Прекращение уголовного преследования наступает при реализации одного из альтернативных условий, закреплённых в ч. 1 указанной статьи:

- со дня награждения государственной наградой Российской Федерации, полученной в период прохождения военной службы;
- со дня увольнения с военной службы по основаниям, предусмотренным подпунктами «а», «в» или «о» пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [2].

Проиллюстрируем изложенное примерами из судебной практики. Верховный Суд РФ вынес определение по делу № 56-УДП25-13-К9, освободив осуждённого Максима Дегтярёва от отбывания наказания в связи с его участием в специальной военной операции. Дегтярёв, ранее приговорённый к 4 годам 6 месяцам лишения свободы за кражу с банковского счёта, с причинением значительного ущерба гражданину и с учетом ранее назначенного условного наказания в ходе рассмотрения дела заключил контракт с Минобороны России, и проходил службу в зоне СВО, где получил огнестрельное ранение и был награждён медалью «За храбрость II степени». Верховный Суд разъяснил, что

согласно п. «а» ч. 1 ст. 78.1 УК РФ сочетание заключения контракта в период мобилизации и награждения государственной наградой в период прохождения службы является самостоятельным основанием для освобождения от уголовной ответственности. Приостановление производства по ходатайству военного командования, не может означать отсутствие законных оснований для освобождения от уголовной ответственности. [12]

Помимо прекращения преследования на досудебных стадиях, механизм активно применяется и к уже осужденным лицам, что порождает дополнительные процессуальные нюансы. Согласно приговору Нефтекумского районного суда (Ставропольского края) от 6 февраля 2025 г. по делу № 1-2/2025 суд признал подсудимого виновным по ч. 2 ст. 228 УК РФ. ФИО2 заказал через интернет мефедрон (9,74 г), забрал закладку, часть употребил, часть спрятал в носке и был задержан сотрудниками полиции. Вину признал полностью, способствовал расследованию.

Смягчающими подсудимому ФИО2 наказание обстоятельствами, в соответствии с п. «г», п. «и» ч.1 ст.61 УК РФ суд признает наличие малолетнего ребенка, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, в соответствии с ч.2 ст.61 УК РФ, признание вины, раскаяние в содеянном, а также то, что он является ветераном боевых действий, имеет ранение и награду при прохождении военной службы.

Несмотря на наличие особо опасного рецидива, суд применил исключительное смягчение наказания (ст. 64 УК РФ) и назначил 2 года лишения свободы. Путем частичного присоединения не отбытой части наказания, окончательно назначил ФИО2 наказание в виде лишения свободы на срок 2 года 3 месяца со штрафом в размере 25 000 рублей в доход государства, с отбыванием основного наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Суд отметил, что вопросы об освобождении ФИО2 от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным п. «а» или п. «б» ч. 1 ст. 78.1 УК РФ либо освобождении от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время на основании ст.80.2 УК РФ, могут быть разрешены судом 1-й инстанции после вынесения данного приговора по соответствующему ходатайству командования воинской части. [9]

Аналогичные нормы предусмотрены для освобождения от наказания (ст. 80.2 УК РФ) и погашения судимости (ч. 3.1 ст. 86 УК РФ). Однако закон содержит исчерпывающий перечень исключений. Не подлежат освобождению лица, обвиняемые в преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, терроризме, государственной измене, шпионаже, захвате заложников и других преступлений.

Наряду с материально-правовыми ограничениями, правоприменение выявляет ряд процессуальных трудностей, связанных с неоднозначным толкованием норм об освобождении от наказания. Так, Московский областной суд 3 июня 2024 года рассмотрел в апелляционном порядке дело № 1-108/2024 в

отношении ФИО2, осуждённого по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ за управление транспортным средством в состоянии опьянения при наличии судимости за аналогичное преступление. Суд первой инстанции назначил наказание в виде одного года лишения свободы в колонии-поселении и дополнительного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами сроком на 2 года 6 месяцев, однако, установив, что осужденный направлен на военную службу по контракту в воинскую часть, участвующую в выполнении специальных задач, применил ч. 1 ст. 80.2 УК РФ и освободил его условно от наказания в виде лишения свободы. Прокурор в апелляционном представлении указал на неправильное применение уголовного закона: суд конкретизировал освобождение только от основного наказания, тогда как ст. 80.2 УК РФ не содержит ограничений по видам наказания, а также допустил техническую ошибку в указании части статьи предыдущей судимости. Суд апелляционной инстанции согласился с доводами прокурора, указав, что при применении ст. 80.2 УК РФ условное освобождение распространяется на все виды назначенного наказания, поэтому в резолютивной части приговора не следует конкретизировать вид наказания, а следует указывать «освобожден от наказания условно»; техническая ошибка в указании части статьи предыдущей судимости также подлежала исправлению. В итоге приговор был изменён: в вводной части указано, что осужденный ранее судим по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, а из резолютивной части исключена конкретизация вида наказания при применении ст. 80.2 УК РФ, при этом в остальной части приговор оставлен без изменения. [8]

Одной из наиболее существенных проблем правового регулирования выступает недостаточный учет прав и интересов потерпевших от преступлений. Действующий механизм приостановления предварительного расследования и последующего прекращения уголовного преследования не предусматривает обязательного участия потерпевшего в процедуре принятия решений. Его позиция не выясняется ни на этапе заключения обвиняемым контракта с командованием воинской части, ни при рассмотрении ходатайства военного ведомства следователем или судом. В результате потерпевший фактически исключен из процессуального взаимодействия по вопросам, непосредственно затрагивающим его законные интересы и право на возмещение причиненного вреда. Не вполне понятно, считают ли справедливым такой подход и потерпевшие от преступления на территории нашей страны граждане других государств, даже если допустить что обвиняемый воюет за всех граждан России и опосредованно «погашает» обязательства из причинения вреда преступлением конкретному гражданину. [7]

Во-первых, решение о заключении контракта и последующем прекращении уголовного преследования принимается без обязательного учёта позиции потерпевшего. Механизм, закреплённый в ст. 28.2 УПК РФ, выстраивает процедуру взаимодействия преимущественно между командованием воинской части и органами предварительного расследования, тогда как процессуальная роль потерпевшего в данном порядке законодательно не определена. Это противоречит ст. 52 Конституции РФ, согласно которой права потерпевших от

преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Во-вторых, ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 23.03.2024 № 64-ФЗ устанавливает, что при прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным УК РФ и УПК РФ, вопросы возмещения вреда подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства. Данное положение существенно усложняет реализацию прав потерпевших. Поскольку обвиняемый проходит военную службу в зоне специальной военной операции, суд приостанавливает производство по гражданскому делу на основании п. 4 ч. 1 ст. 215 ГПК РФ. В результате потерпевший лишается возможности своевременно получить компенсацию причиненного ущерба, а восстановление его нарушенных прав откладывается на неопределенный срок, зависящий от окончания военной службы ответчика.

В решении мирового судьи судебного участка № 2 Северского судебного района Томской области от 27 апреля 2025 г. по делу № 1-2/2025 мировой судья вынес постановление по уголовному делу в отношении ФИО1, обвиняемого в краже алюминиевой 3-х секционной лестницы (по 8 ступеней) «Krause Corda», стоимостью 9 611 рублей 46 копеек (ч. 1 ст. 158 УК РФ). Вещественными доказательствами были строительный нож в корпусе из пластика черно-оранжевого цвета, видеозапись от 07.11.2023 на CD-R SONNEN 700 MB 80 min 52x.

Суд установил, что подсудимый 27.08.2024 заключил контракт о прохождении военной службы с Министерством обороны РФ и уволен с военной службы по состоянию здоровья, признания негодным к военной службе. 04.01.2025 ФИО1 присвоена категория «Д-негоден к военной службе», утвержденного военно-врачебной комиссией ФГКУ «419 ВГ». На этом основании сторона защиты ходатайствовала об освобождении от уголовной ответственности по ст. 78.1 УК РФ. Прокурор и потерпевший возражений не имели.

Суд пришёл к выводу, что преступление не относится к исключениям, указанным в законе, а подсудимый полностью подпадает под действие ст. 78.1 УК РФ. В связи с этим уголовное дело прекращено, ФИО1 освобождён от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию. [10]

Действующий механизм предусматривает обязанность приостановления производства по уголовному делу при поступлении соответствующего ходатайства командования воинской части, если отсутствуют установленные законом формальные препятствия. Подобное построение нормы существенно ограничивает полномочия суда. В результате принятие процессуальных решений носит автоматизированный характер, что снижает самостоятельность судебных органов и фактически трансформирует их функцию в процедуру констатации воли военного командования. При рассмотрении ходатайства командования воинской части суд проверяет лишь соблюдение формальных требований. Такая модель снижает самостоятельность суда в системе разделения властей, что

подтверждается пунктом 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. [4]

Кроме того, распространение действия закона на подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых еще не вынесен приговор, нарушает принцип презумпции невиновности, закрепленного в статье 49 Конституции Российской Федерации. Лицо, формально считающееся невиновным, направляется в зону боевых действий, где его дальнейшая судьба (освобождение от ответственности) зависит от факта службы или получения награды, а не от установления истины по делу. [1]

Если в годы Великой Отечественной войны на фронт направляли преимущественно лиц, уже получивших обвинительный приговор, то сейчас механизм задействован на досудебных этапах уголовного процесса. В результате становится сложно чётко разграничить уголовное преследование и мобилизацию. [7]

Механизм освобождения от уголовной ответственности создаёт привилегированное правовое положение для участников СВО, что вступает в противоречие с принципом равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ, ст. 19 Конституции РФ). При этом аналогичное основание для освобождения не распространяется на лиц, в отношении которых ещё не вынесен приговор, даже при сопоставимом уровне общественной опасности их действий. Награды и участие в СВО часто рассматриваются как смягчающие обстоятельства, а судимость помилованных считается погашенной возможности её учёта при рецидиве. Это создает дисбаланс по сравнению с гражданами, не имеющими возможности заключить контракт. [5]

Принятие Федерального закона от 23.03.2024 N 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» стало важным шагом в систематизации законодательства об участии граждан в СВО. Интеграция норм в УК РФ и УПК РФ устранила технические недостатки ранее действовавшего Федерального закона от 24.06.2023 N 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Однако нормативное закрепление механизма не решило фундаментальных социально-правовых противоречий.

Действующий порядок требует дальнейшей корректировки.

Считаем, что при освобождении лица, заключившего контракт о прохождении военной службы, от уголовной ответственности или наказания в порядке ст. 78.1 или 80.2 УК РФ, права потерпевших на возмещение вреда не должны откладываться на неопределённый срок. Действующая норма ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 23.03.2024 № 64-ФЗ, направляющая вопросы компенсации в гражданское судопроизводство, на практике приводит к приостановлению дел по п. 4 ч. 1 ст. 215 ГПК РФ, что противоречит гарантиям ст. 52 Конституции РФ.

Целесообразно закрепить в законе специальный ускоренный порядок рассмотрения гражданских исков, заявленных в рамках уголовных дел,

прекращённых по основаниям участия в СВО. В рамках данной процедуры суд обязан рассмотреть требование о возмещении вреда в срок, не превышающий 30 дней, в порядке упрощённого производства (глава 21.1 ГПК РФ). Исполнение решения следует обеспечивать за счёт денежного довольствия военнослужащего, исключив применение ограничений, установленных ст. 101 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», в части требований о возмещении вреда, причинённого преступлением.

Ограничить возможность освобождения от ответственности только для осужденных лиц, исключив из этого механизма подозреваемых и обвиняемых.

Перечень преступлений, за совершение которых невозможно освобождение по статье 78.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации, должен быть расширен за счет включения всех особо тяжких преступлений против личности, чтобы минимизировать риски рецидива и нарушения принципа равенства граждан перед законом.

Следует вернуть суду право оценивать не только формальные, но и материальные основания для приостановления дела, учитывая мнение потерпевшего и тяжесть совершенного деяния.

Считаем, что несмотря на гуманистическую направленность закона и его важность для оборонного потенциала страны, текущая редакция норм требует доработки для обеспечения справедливости и защиты прав всех участников уголовного судопроизводства, а не только обвиняемых.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Балак П.А. Освобождение заключенных от уголовной ответственности в период проведения специальной военной операции: удачен ли эксперимент? // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 694–697 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-zaklyuchennyh-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-v-period-provedeniya-spetsialnoy-voennoy-operatsii-udachen-li-eksperiment> (дата обращения: 08.05.2026).

6. Никонов В.А. Специальная военная операция и новый миропорядок // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 99. С. 7–33 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-voennaya-operatsiya-i-novyuy-miroporyadok> (дата обращения: 21.04.2026).

7. Чекулаев Д.П. Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего // Юридические исследования. 2025. № 11. С. 102–122 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-obvinyaemyh-uchastnikov-svo-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-i-prava-poterpevshego> (дата обращения: 08.05.2026).

8. Апелляционное постановление Московского областного суда от 03.06.2024 по делу № 1-108/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2mmjsraYUumr/> (дата обращения: 08.05.2026).

9. Приговор Нефтекумского районного суда Ставропольского края от 06.02.2025 по делу № 1-2/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Sjvplvq8GCd3/> (дата обращения: 08.05.2026).

10. Решение Судебного участка № 2 Северского судебного района Томской области от 27.04.2025 по делу № 1-2/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/iAKBVUO0ojQw/> (дата обращения: 08.05.2026).

11. Песков: помилованные осужденные искупили преступления кровью в бою [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/online/news/5538254/> (дата обращения: 08.05.2026).

12. ВС освободил осужденного из мест лишения свободы ввиду участия в СВО и получения госнаграды [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-osvobodil-osuzhdenного-iz-mest-lisheniya-svobody-vvidu-uchastiya-v-svo-i-polucheniya-gosnagrady/> (дата обращения: 08.05.2026).

Об авторе:

ЦАРЬКОВА Любовь Сергеевна – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

Семейное право

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ МАТЕРИ И ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА

Я.А. Галькевич

Белорусский государственный университет

Научный руководитель: к.ю.н., доцент М.П. Короткевич

В статье анализируются вопросы соотношения репродуктивных прав матери и интересов ребенка в Республике Беларусь в условиях расширения государственной поддержки применения вспомогательных репродуктивных технологий. Рассматриваются новеллы законодательства, направленные на повышение доступности экстракорпорального оплодотворения, в том числе для женщин, не состоящих в браке. Особое внимание уделяется оценке влияния изменения правового регулирования в данной сфере на баланс интересов участников семейных правоотношений и правовое положение ребенка, рожденного с использованием донорского генетического материала. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования семейного и социального законодательства в целях обеспечения защиты прав и законных интересов ребенка.

Ключевые слова: репродуктивные права; вспомогательные репродуктивные технологии; экстракорпоральное оплодотворение; права ребенка; материнство; государственная поддержка.

Как определено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности», репродуктивные права представляют собой возможность для всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением, времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами [1]. В Республике Беларусь реализация данных прав в части применения вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) возможна как на возмездной, так и на безвозмездной основе.

В случае оказания услуг ВРТ на платной основе государством предусмотрен механизм финансовой поддержки в форме льготного кредитования [2]. Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 574 «О предоставлении гражданам Республики Беларусь кредитов на льготных условиях для оплаты экстракорпорального оплодотворения» такие кредиты предоставляются ОАО «АСБ Беларусбанк» сроком до пяти лет с уплатой процентов в размере 50% ставки рефинансирования. При этом денежные средства, полученные с помощью льготного кредита, не могут быть направлены на оплату услуг доноров половых клеток и суррогатной матери. Кроме того, после рождения ребенка кредитополучателям предоставляется отсрочка погашения задолженности на период получения пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

Государственная поддержка в данной сфере получила дальнейшее развитие в связи с объявлением 2026 года Годом белорусской женщины в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 1 января 2026 г.

№ 1 [3]. В целях повышения доступности ВРТ 23 марта 2026 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь № 100 «О проведении экстракорпорального оплодотворения» (далее – Указ) [4].

Данным документом предусмотрено увеличение количества бесплатных попыток экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО) с одной до двух, финансируемых за счет средств республиканского бюджета. Это обусловлено тем, что эффективность одной процедуры ЭКО не является абсолютной, и законодатель фактически признает необходимость государственной поддержки повторной медицинской помощи, что направлено на обеспечение защиты государством материнства.

Вторым принципиальным нововведением является расширение субъектного состава уполномоченных лиц за обращением за такой помощью. Указ закрепляет возможность получения бесплатной государственной медицинской помощи ЭКО не только супружескими парами, но женщиной, не состоящей в браке. При этом для женщин, не состоящих в браке, Указ устанавливает, что приобретение сперматозоидов анонимного донора осуществляется ими на возмездной основе. Таким образом, если ранее ЭКО для одиноких женщин носило преимущественно частноправовой характер, то теперь эта модель получила значительную государственную поддержку, хотя и с сохранением расходов на донорский материал за самой женщиной. Более того, использование донорского генетического материала в случаях, когда за государственной поддержкой для проведения ЭКО будет обращаться женщина, не состоящая в браке, предопределяет невозможность принудительного установления правовой связи ребенка с отцом, так как требований об установлении отцовства к донору половых клеток предъявлено быть не может (часть третья ст. 52 КоБС).

Третье важное изменение в правовом регулировании анализируемых отношений касается условий реализации права на ЭКО. Указ устанавливает критерии допуска к процедуре: возраст женщины, как правило, не превышающий 40 лет, наличие медицинских показаний и отсутствие противопоказаний. При этом закрепляется особое правило: если первая попытка ЭКО завершилась рождением ребенка, женщина сохраняет право на вторую бесплатную процедуру до достижения 49 лет. Это свидетельствует о гибкости подхода законодателя к правовому регулированию оказываемой государством помощи женщине в реализации ей своих репродуктивных прав и ориентации на долгосрочную реализацию репродуктивной функции, а не на единичный результат.

Четвертым аспектом является усиление публично-правового характера рассматриваемых правоотношений. Указ прямо закрепляет, что проведение ЭКО осуществляется в государственных организациях здравоохранения, перечень которых определяется Советом Министров Республики Беларусь, а также устанавливает обязанность государства финансировать соответствующие расходы и привести иные нормативные акты в соответствие с новым правовым регулированием.

В связи с указанными изменениями в правовом подходе к регулированию предоставления женщине прав на бесплатную процедуру ЭКО актуальным видится проанализировать соответствие такого подхода реализации репродуктивных прав матери при поддержке государства интересам ребенка, который будет рожден в результате данной процедуры.

Как следует из научной позиции М.П. Короткевич, семейное законодательство Республики Беларусь традиционно выстраивается вокруг приоритета женщины-матери как основного субъекта, обеспечивающего деторождение [5, с. 123]. При этом правовая связь ребенка с матерью возникает на основании факта рождения, тогда как установление отцовства носит производный характер от этого факта и зависит от ряда факторов, в том числе состояния в браке матери с отцом ребенка на момент рождения, в иных случаях – в том числе от инициативы управомоченных лиц. Следовательно, расширение государственной поддержки применения ЭКО женщинами вне брака усиливает уже существующую асимметрию в правовом положении родителей. Данная тенденция требует оценки с позиции интересов ребенка. В соответствии со ст. 185 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) ребенок имеет право на жизнь в семье в кругу родителей [6]. Однако в рассматриваемых правоотношениях изначально формируется ситуация, при которой участие одного из генетических родителей (донора мужских половых клеток) в жизни ребенка юридически обеспечить будет проблематично, а в принудительном порядке невозможно (часть 3 ст. 52 КоБС).

Как отмечается в научной литературе, семейное право традиционно формирует модель поведения, основанную на браке мужчины и женщины, полной семье и балансе интересов всех ее членов. При этом допущение применения вспомогательных репродуктивных технологий в отношении одинокой женщины рассматривается как дискуссионное, поскольку в таком случае ребенок изначально приобретает юридическую связь только с матерью [7, с. 114].

В этой связи представляется значимым опыт Российской Федерации. В практике Конституционного Суда Российской Федерации при рассмотрении дела, связанного с постмортальной репродукцией, был поставлен вопрос о правовом положении детей, зачатых после смерти генетического отца. Суд указал, что такие дети объективно лишены возможности получать содержание от отца, однако это не освобождает государство от обязанности обеспечить им надлежащий уровень социальной защиты, сопоставимый с гарантиями, предоставляемыми детям, потерявшим кормильца [8]. Если данную правовую позицию соотнести с новациями Указа, следует констатировать, что если государство допускает и поддерживает рождение ребенка одним родителем без принудительного порядка установления правовой связи со вторым родителем, то государством должны быть также обеспечены в интересах ребенка дополнительные механизмы защиты его прав и законных интересов.

Таким образом, Указ не только расширяет социальные гарантии в сфере репродуктивного здоровья, но и трансформирует сложившуюся модель

установления семейных правоотношений при рождении ребенка, усиливая приоритет материнства и индивидуализацию репродуктивных прав. В этих условиях представляется необходимым дальнейшее совершенствование семейного законодательства, а также законодательства о социальной защите с целью обеспечения баланса между правом женщины на материнство и интересами ребенка, в том числе посредством разработки дополнительных мер государственной поддержки детей, рожденных в условиях отсутствия одного из родителей.

Список литературы

1. Закон Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h10200080> (дата обращения: 09.04.2026).
2. Указ Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 574 «О предоставлении гражданам Республики Беларусь кредитов на льготных условиях для оплаты экстракорпорального оплодотворения» [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p31300574> (дата обращения: 13.04.2026).
3. Указ Президента Республики Беларусь от 1 января 2026 г. № 1 «Об объявлении 2026 года Годом белорусской женщины» [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p32600001> (дата обращения: 04.04.2026).
4. Указ Президента Республики Беларусь от 23 марта 2026 г. № 100 «О проведении экстракорпорального оплодотворения» [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p32600100> (дата обращения: 04.04.2026).
5. Короткевич М.П. Обеспечение интересов матери в семейных отношениях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 122–130.
6. Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. №278-З «Кодекс Республики Беларусь о браке и семье» [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900278> (дата обращения: 04.04.2026).
7. Короткевич, М. П. Правовые механизмы укрепления семьи в контексте возрождения и сохранения духовно-нравственных традиций внутрисемейных отношений / М. П. Короткевич, М. В. Мещанова // Государственная система поддержки семьи в Республике Беларусь и Российской Федерации: направления и перспективы развития : материалы постоянно действующего семинара 2 июня 2023 г., г. Минск. – Минск, 2023. – С. 110–117.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.02.2025 N 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498341/ (дата обращения: 09.04.2026).
- 9.

Об авторе:

ГАЛЬКЕВИЧ Яна Александровна – студентка 3 курса юридического факультета Белорусского государственного университета специальности «Правоведение».

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ПРАВОВОЙ СТАТУС СЕМЬИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И СЕГОДНЯ: ЛЬГОТЫ, ПОСОБИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА

П.М. Карасева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент О.И. Юстус

Статья посвящена сравнительному анализу правового статуса и системы социальной защиты семей военнослужащих в двух ключевых периодах истории России: годы Великой Отечественной войны и современный период. Прослеживается эволюция мер государственной поддержки — от льгот и пособий до сложной, многогранной системы социальных гарантий в Российской Федерации. Отдельно проанализирован пакет нормативно-правовых актов, принятых для поддержки участников специальной военной операции и их семей. Показано, что в кратчайшие сроки была выстроена уникальная система поддержки, сочетающая экстренные меры с долгосрочными социальными гарантиями.

Ключевые слова: социальное обеспечение, государственные гарантии, правовой статус семьи военнослужащего, льготы, пособия, Великая Отечественная война, специальная военная операция (СВО), законодательство РФ.

В годы Великой Отечественной войны поддержка семей защитников Отечества со стороны государства являлась неотъемлемым элементом социальной политики СССР. Изучение правового статуса военных семей в тот период помогает в полной мере осознать масштаб трудностей и лишений, выпавших на долю граждан, способствует сохранению исторической памяти и отдаёт должное подвигу советского народа. Анализ конкретных мер государственной поддержки позволяет оценить уровень заботы о населении в экстремальных условиях, а также выявить реальные проблемы, с которыми приходилось сталкиваться семьям военнослужащих.

Современная российская система социальных льгот для военных во многом опирается на принципы и механизмы, заложенные ещё в военное время. За прошедшие десятилетия она трансформировалась из набора чрезвычайных мер, призванных обеспечить выживание, в развитую и многоуровневую структуру социальных гарантий. Сегодня её основная цель — гарантировать достойный уровень жизни и социальную защищённость тем, кто посвятил себя служению Родине.

Великая Отечественная война 1941-1945 годов стала тяжелейшим испытанием для всех советских людей. Ведение войны требовало крупных расходов, что сильно изменило государственный бюджет. Тем не менее, вопросы социального обеспечения не отошли на задний план, а, напротив, на всём протяжении войны находились в центре внимания руководства страны. Социальное обеспечение носило стабильный характер, а пенсионное обеспечение в этот период не только не ухудшилось, а наоборот, стало более льготным, нормы обеспечения более высокими [19, с. 65-67].

Основными видами государственного социального обеспечения военнослужащих и членов их семей в годы Великой Отечественной войны являлись [19, с. 65-67]:

- пенсии, пособия в виде периодических или разовых денежных выплат;
- освобождение определенных категорий граждан от налогообложения;
- льготы по обязательным поставкам, жилищные льготы, льготы в области народного образования, льготы в области здравоохранения, льготы по социальному и взаимному страхованию и по обеспечению многодетных матерей государственными пособиями, льготы по перевозкам, почтовые льготы, льготы по материально-бытовому обслуживанию, льготы в области гражданского права, льготы по сохранению стажа и другие льготы для вернувшихся с военной службы;
- материально-бытовое и культурное обслуживание инвалидов войны и семей умерших военнослужащих.

Основными формами государственного социального обеспечения в те годы являлись:

1. Денежные выплаты (пенсии, пособия, компенсации, материальная помощь и т.д.).
2. Натуральная помощь (одежда, обувь, продукты питания, донорская кровь, технические приспособления для инвалидов – костыли, протезы и т.д.).
3. Услуги и льготы (содержание в домах – интернатах для инвалидов, в детских домах, социальное обслуживание на дому и т.д.).

В самые первые недели Великой Отечественной войны Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» [16], который обладал высокой социальной значимостью, поскольку законодательно закрепил обязанность государства оказывать поддержку наименее защищённым категориям граждан — семьям военнослужащих.

Данным указом был установлен чёткий порядок назначения пособий семьям мобилизованных военнослужащих. Специальные комиссии были обязаны рассматривать обращения за пособиями в строго отведённый трёхдневный срок, причём начало отсчёта зависело от территории: для городского населения — с даты подачи заявления, для сельского — с момента поступления списков от сельсоветов.

Размеры пособий (ежемесячно):

- без трудоспособных в семье: один нетрудоспособный — 100 рублей; два нетрудоспособных – 150 рублей; три и более нетрудоспособных – 200 рублей в городе, 100 рублей в сельской местности;
- 1 трудоспособный + 3 и более нетрудоспособных: 150 рублей в городе, 75 рублей в сельской местности;
- 1 трудоспособный + 2 ребёнка до 16 лет: 100 рублей в городе, 50 рублей в сельской местности.

Согласно положениям данного Указа, к категории нетрудоспособных (находящимся на иждивении) лиц относились:

- дети до 16 лет (учащиеся до 18 лет);
- братья/сёстры до 16 лет (учащиеся до 18 лет) без трудоспособных родителей;
- отец от 60 лет, мать от 55 лет;
- жена и родители — инвалиды I–II групп (без возрастного ограничения).

Решения комиссии не носили безапелляционного характера: их можно было обжаловать в вышестоящие органы — областной или краевой исполком либо в Совнарком (в республиках без областного деления). Апелляционная процедура укладывалась в трёхдневный срок, по итогам которого выносилось окончательное постановление.

Особое внимание в Указе уделено исключительным обстоятельствам, требующим дифференцированного подхода:

- при увольнении военнослужащего по инвалидности либо его гибели (безвестном отсутствии) государственное пособие сохранялось вплоть до официального оформления соответствующей пенсии;
- возникновение нового основания для поддержки (например, призыв иного члена семьи) служило основанием для начисления выплат с даты наступления данного обстоятельства, тогда как утрата права на пособие (достижение ребёнком совершеннолетия) автоматически прекращала финансирование с того же момента.

Многие советские граждане вступали в народное ополчение. Для его членов и их семей государство установило определённое денежное обеспечение. Соответствующее постановление было принято Государственным Комитетом Обороны 4 июля 1941 года. В 1943 году появилась новая организационная структура – отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Основными функциями отделов было: обеспечение семей фронтовиков пенсиями и пособиями; осуществление трудоустройства членов их семей и содействие решению их насущных материально-бытовых нужд; предоставление семьям фронтовиков установленных для них льгот; рассмотрение заявлений и жалоб семей военнослужащих с принятием по ним необходимых мер и другое [21, с.175-176].

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что система государственного социального обеспечения семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны представляла собой не совокупность разрозненных экстренных мер, а целостный, формализованный и динамично развивавшийся механизм социальной защиты. Её эффективность и историческая значимость подтверждаются тремя ключевыми аспектами.

Во-первых, чёткое разделение видов обеспечения (пенсии, пособия, налоговые и жилищные льготы, натуральная помощь, услуги) в сочетании с детально регламентированным порядком назначения пособий создавало предсказуемые условия поддержки. Установление дифференцированных размеров выплат в зависимости от состава семьи и места проживания, а также

строгая привязка статуса «иждивенца» к возрастным и медицинским критериям свидетельствуют о стремлении государства обеспечить адресность и справедливость распределения ресурсов в условиях тотального дефицита.

Во-вторых, трёхдневные сроки рассмотрения заявлений, возможность обжалования решений в вышестоящие исполнительные органы, а также корректировка выплат при изменении семейного статуса или наступлении особых обстоятельств минимизировали бюрократические риски и позволяли своевременно реагировать на меняющиеся жизненные ситуации фронтовых семей.

В-третьих, законодательное закрепление ответственности государства перед защитниками Отечества и их семьями укрепляло психологическую устойчивость тыла и служило инструментом стабильности.

Таким образом, опыт военного времени доказывает, что даже в условиях острой нехватки ресурсов и экстремальных нагрузок государство способно выстроить эффективную систему социальной защиты.

В Российской Федерации правовой статус семей военнослужащих обеспечивается комплексом нормативных правовых актов и представляет собой систему гарантированных государством мер, призванных обеспечить социальную защищённость, компенсировать специфические риски, обусловленные особенностями прохождения службы, а также оказать своевременную поддержку в чрезвычайных и критических жизненных ситуациях.

Базовым документом, определяющим объём прав, льгот и социальных гарантий данной категории граждан, выступает Федеральный закон от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Закон №76-ФЗ) [2]. Его положения конкретизируются и дополняются иными федеральными законами, указами Президента РФ, постановлениями Правительства, ведомственными актами Минобороны, а также региональным законодательством, формируя единое многоуровневое правовое поле. В отличие от экстренных механизмов военного времени, современная система носит плановый и дифференцированный характер. Подобный подход способствует поддержанию стабильности в обществе, укрепляя институт семьи как ключевой элемент национальной безопасности.

На основании действующего законодательства Российской Федерации члены семьи военнослужащего имеют право на следующие льготы и гарантии [18]:

1. Совместно проживающие с военнослужащими члены их семьи при определённых условиях могут претендовать на получение жилых помещений или субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, а также на обеспечение их служебными жилыми помещениями, жилыми помещениями в общежитиях либо получение денежной компенсации за наём (поднаём) жилых помещений (п. 1 ст. 15, п. 1 ст. 15.2, п. 1 ст. 15.3 Закон № 76-ФЗ).

2. Бесплатный проезд раз в год железнодорожным, воздушным, водным и автомобильным (за исключением такси) транспортом в санаторно-курортные

организации или к местам организованного отдыха и обратно — для членов семьи офицера, уволенного с военной службы, при наличии у него необходимой продолжительности военной службы (п. 5 ст. 20 Закон № 76-ФЗ).

3. Первоочередное предоставление детям военнослужащих, в том числе усыновленным (удочерённым) или находящимся под опекой или попечительством в семье, включая приёмную семью (патронатную семью в случаях, предусмотренных законами субъектов РФ), мест в государственных и муниципальных общеобразовательных и дошкольных образовательных организациях по месту жительства их семей, а также мест в летних оздоровительных лагерях (п. 6 ст. 19 Закон № 76-ФЗ).

4. Предоставление отпусков одновременно с супругом-военнослужащим. При этом по желанию супругов военнослужащих продолжительность их отпуска может быть такой же, как у отпуска военнослужащих. Часть отпуска супругов военнослужащих, превышающая продолжительность ежегодного отпуска по основному месту их работы, предоставляется без сохранения заработной платы (п. 11 ст. 11 Закон № 76-ФЗ).

5. Единовременные и ежемесячные выплаты в случае гибели военнослужащего. Членам семьи погибшего выплачивается, в частности, единовременное пособие, а также ежемесячная денежная компенсация. Также предусмотрены страховые выплаты (ч. 2.4, 8, 9 ст. 3 Федерального закона от 07.11.2011 № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» [3]; ст. 5 Федерального закона от 28.03.1998 № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» [1]).

6. Дети военнослужащих, погибших при исполнении ими обязанностей военной службы или умерших вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболеваний, полученных ими при исполнении обязанностей военной службы, а также, в частности, дети военнослужащих, направленных в другие государства органами государственной власти РФ и принимавших участие в боевых действиях при исполнении служебных обязанностей в этих государствах, имеют право на приём на подготовительные отделения федеральных государственных образовательных организаций высшего образования на обучение за счёт федерального бюджета, а также на преимущественное право зачисления на обучение в образовательную организацию по программам среднего профессионального образования при условии успешного прохождения вступительных испытаний (в случае их проведения) и при прочих равных условиях. Указанные лица принимаются на подготовительные отделения при наличии у них среднего общего образования (ч. 4 ст. 68, пп. 5, 14 ч. 7 ст. 71 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2]).

Федерации» (далее – Закон № 273-ФЗ) [4]; пп. 5 п. 3, п. 4 Приказа Министерства науки и высшего образования РФ от 13.08.2019 №602 «Об утверждении Порядка приёма лиц на подготовительные отделения федеральных государственных образовательных организаций высшего образования» [15]).

7. Дети военнослужащих, направленных в другие государства органами государственной власти РФ и принимавших участие в боевых действиях при исполнении служебных обязанностей в этих государствах, имеют право на прием на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета за счет бюджетных средств в пределах отдельной квоты. В некоторых случаях такой прием осуществляется без проведения вступительных испытаний (за исключением дополнительных вступительных испытаний творческой и (или) профессиональной направленности). Кроме того, они имеют преимущественное право на зачисление в некоторые образовательные организации (п. 6 ч. 5.1, ч. 5.2, 6.1, 11.2, 11.3 ст. 71 Закона № 273-ФЗ).

Таким образом, анализ приведённого перечня социальных гарантий позволяет говорить о следующем:

Во-первых, система носит комплексный и многоаспектный характер. Гарантии охватывают все базовые сферы жизнеобеспечения. Такое разнообразие свидетельствует о системном подходе государства, направленного на минимизацию совокупных социально-экономических издержек военной службы для семьи.

Во-вторых, меры поддержки чётко градируются в зависимости от положения военнослужащего, что позволяет направлять бюджетные ресурсы максимально адресно, компенсируя именно те риски и ограничения, которые возникают в конкретных жизненных и служебных ситуациях, а не распределять поддержку по остаточному принципу.

В-третьих, акцент на образовательных гарантиях детей указывает на стратегическую природу данной политики. Приоритетное зачисление, целевые квоты, право на обучение на подготовительных отделениях и возможность поступления без вступительных испытаний выступают долгосрочной инвестицией в человеческий капитал. Это обеспечивает социальную мобильность молодого поколения, снижает риски маргинализации и способствует устойчивой адаптации детей военнослужащих в гражданском обществе.

В-четвёртых, в сравнении с мерами периода Великой Отечественной войны, современная система эволюционировала от обеспечения выживания к обеспечению стабильного качества жизни, что отражает зрелость социального государства и выполнение им конституционных обязательств по защите тех, кто принимает на себя риски, связанные с обороной страны.

Следовательно, действующее законодательство не только компенсирует объективные ограничения и профессиональные риски военной службы, но и выполняет важную социально-политическую функцию: укрепляет институт семьи, повышает престиж военной профессии, обеспечивает морально-психологическую устойчивость личного состава.

Применительно к участникам специальной военной операции и членам их семей предлагается выделять следующие виды мер социальной поддержки [20]:

- Пособия, выплаты, соцподдержка. Комплекс мер свидетельствует о том, что в условиях СВО в России была оперативно выстроена разветвлённая и детализированная система социальной защиты, которая не только компенсирует риски, но и стимулирует службу, поддерживает семьи, усиливая таким образом историческую традицию государственной заботы о военнослужащих.

Значимой мерой также является полное списание кредитных обязательств в случае гибели заемщика или установления ему I группы инвалидности [8]. Эта норма снимает с семей погибших или тяжелораненых военнослужащих непосильное финансовое бремя и демонстрирует принцип полной ответственности государства за судьбу тех, кто защищал национальные интересы.

Законодательством установлено, что участники специальной военной операции (СВО) и члены их семей имеют право на получение бесплатно всех видов юридической помощи [11]. Кроме того, доходы мобилизованных не учитываются при оценке нуждаемости их семей в мерах соцподдержки [14]. Установлена единовременная выплата в размере 5 млн рублей в случае гибели участника СВО [13].

Таким образом, в финансовой сфере была оперативно создана и продолжает развиваться детализированная система мер, которая не только решает текущие проблемы с платежами, но и предоставляет долгосрочные гарантии финансовой стабильности как самим военнослужащим, так и их семьям.

- Льготы в жилищной сфере. Главный акцент делается на всесторонней защите жилищных прав семей военнослужащих. Предоставление жилья с учётом состава семьи на дату гибели военнослужащего, включая детей, рождённых после смерти отца, гарантирует право на жильё ещё не рождённому ребёнку, полностью снимая материнские тревоги в самый трагический период [5]. Дополняет эту защиту преимущественное право на жильё детям-сиротам погибших участников СВО [9]. Запрет на начисление пеней за ЖКХ является не только прямой финансовой поддержкой, но и важной психологической мерой, позволяющей военнослужащим и их семьям не отвлекаться на бытовые проблемы и споры с управляющими компаниями [12].

- Налоговые льготы. Освобождение целевых выплат и безвозмездно полученного имущества от НДФЛ направлено на то, чтобы вся материальная поддержка от государства и граждан поступала адресатам в полном объёме, без вычетов [6]. Это значительно увеличивает реальную ценность таких поступлений для семей военнослужащих.

- Образовательные льготы. Наиболее важным элементом образовательных льгот стало выделение бюджетных мест в ВУЗах, которое действует в двух направлениях: для самих участников спецоперации и для их детей. Дети участников СВО, в том числе мобилизованных граждан, получили квоту на бюджетное обучение в вузах [7]. Кроме того, приняты дополнительные меры соцподдержки в сфере образования для сирот и детей с ограниченными

возможностями здоровья [9]. А также, дети мобилизованных имеют право на первоочередное зачисление по месту жительства их семей в школы, детские сады и летние оздоровительные лагеря [17].

Данный вид льгот выстроен в логическую цепочку: от устройства в детские сады и школы и приоритета в зачислении в довузовские образовательные учреждения до гарантий высшего образования.

- Пенсионное обеспечение. Расширен круг получателей пенсии по случаю потери кормильца, в него включены братья, сёстры и внуки погибшего военнослужащего при отсутствии у него трудоспособных родителей [10]. Данная мера учитывает современные семейные структуры и обеспечивает заботу о всех членах семьи защитника.

Таким образом, систему социальной защиты семей военнослужащих, сформированную в годы Великой Отечественной войны, и её современное российское продолжение объединяет принцип: государство принимает на себя ответственность за тех, кто принимает на себя риски защиты Родины. Однако между ними прослеживается закономерная эволюция.

Если в 1941–1945 гг. поддержка носила чрезвычайный, ориентированный на физическое выживание характер и опиралась на оперативные решения, то сегодня она трансформировалась в стабильный, многоуровневый правовой институт. Современная система ушла от экстренной помощи к гарантиям устойчивого качества жизни: она охватывает все сферы жизнеобеспечения, чётко дифференцирована по статусу и условиям службы, а акцент на образовательных, жилищных и страховых гарантиях свидетельствует о стратегическом подходе.

Несмотря на различия в механизмах и масштабах ресурсов, обе системы выполняют идентичную функцию: укрепляют моральную устойчивость тыла, повышают престиж военной профессии и обеспечивают национальную безопасность.

Таким образом, современная российская модель не заменяет, а развивает исторический опыт, превращая военную необходимость в устойчивый механизм, адаптированный к правовым и экономическим реалиям XXI века.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.03.1998 № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // СПС «Гарант»
2. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СПС «Гарант»
3. Федеральный закон от 07.11.2011 № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // СПС «Гарант»
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «Гарант»
5. Федеральный закон от 14.07.2022 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант»

6. Федеральный закон от 21.11.2022 № 443-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 части первой, часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант»

7. Федеральный закон от 29.12.2022 № 641-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" и Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации» // СПС «Гарант»

8. Федеральный закон от 28.04.2023 № 160-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 2 Федерального закона «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

9. Федеральный закон от 29.05.2023 № 189-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СПС «Гарант»

10. Федеральный закон от 29.05.2023 № 192-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» // СПС «Гарант»

11. Федеральный закон от 13.06.2023 № 225-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СПС «Гарант»

12. Федеральный закон от 13.06.2023 № 229-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант»

13. Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» // СПС «Гарант»

14. Постановление Правительства РФ от 29.10.2022 № 1933 «Об особенностях предоставления некоторых мер социальной поддержки, а также оказания государственной социальной помощи, в том числе на основании социального контракта, семьям граждан, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации» // СПС «Гарант»

15. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 13.08.2019 №602 «Об утверждении Порядка приема лиц на подготовительные отделения федеральных государственных образовательных организаций высшего образования» // СПС «Гарант»

16. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1941 «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» // СПС «КонсультантПлюс»

17. Письмо Министерства просвещения РФ от 31.10.2022 № ТВ-2419/03 «Информация об организации в субъектах России учета детей граждан, призванных на военную службу по мобилизации, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного образования»

18. Льготы и гарантии для членов семей военнослужащих // Официальный сайт внутригородского муниципального образования города федерального значения Санкт-Петербурга поселок Понтонный. [Электронный ресурс]. URL: <https://mo-pontonny.ru/prokuratura/prokuratura-razyasnyaet-prokuratura-razyasnyaet/1goty-i-garantii-dlya-chlenov-semej-voennosluzhashhih/> (дата обращения: 07.04.2026).

19. Насонов К.А. Социальное обеспечение военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны: сущность, содержание и современное значение // Армия и общество. 2010. №3. С. 65-70.

20. Саяпина Т., Задорожная Е., Кострыкина И., Зорин А. Обновляемый обзор важных актов для участников СВО и их семей // Адвокатская газета – Эксперт. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/obzor-vazhnykh-aktov-dlya-uchastnikov-svo-i-ikh-semey/> (дата обращения: 07.04.2026).

21. Циткилов П.Я. Положение семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 1. С.173-178.

Об авторе:

КАРАСЕВА Полина Михайловна. – студентка 2 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Е.В. Огаркова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н., профессор О.Ю. Ильина

Сегодня защита прав человека в открытом цифровом пространстве становится важнейшей задачей обеспечения личной безопасности граждан. Приватность частной жизни, конфиденциальность персональной информации могут оказаться под угрозой. В работе рассмотрены вопросы обеспечения частной жизни членов семьи в условиях цифровизации, проанализирована правоприменительная практика, выделены перспективы правового регулирования. Сформулированные в статье теоретические положения могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по данной проблематике.

Ключевые слова: право на неприкосновенность частной жизни, цифровизация, родительский контроль, персональные данные.

Цифровая трансформация общества, характерная для всех сфер жизнедеятельности, кардинально меняет традиционные уклады, в том числе семейные отношения. Формирование новой информационной реальности, с одной стороны, открывает невиданные ранее возможности для коммуникации, образования, социализации, а с другой – порождает комплекс вызовов, связанных с защитой фундаментальных прав и свобод личности. В этом контексте особую актуальность приобретает проблема обеспечения неприкосновенности частной жизни членов семьи как базовой конституционной ценности, требующей переосмысления и адаптации существующих правовых механизмов к условиям цифровой эпохи. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23) [1], что коррелирует с международными стандартами, закрепленными во Всеобщей декларации прав человека [2], Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [3] и иных актах. Однако стремительное развитие информационных технологий, распространение Интернета, социальных сетей и искусственного интеллекта создает принципиально новую среду, где границы между публичным и частным стираются, а традиционные правовые конструкции зачастую оказываются недостаточно эффективными.

Семья как основной социальный институт, основанный на доверительных отношениях, в цифровую эпоху оказывается особенно уязвимой. Частная жизнь семьи не ограничивается физическим пространством жилища, она простирается в цифровую среду, включая переписку в мессенджерах, аккаунты в социальных сетях, данные о местоположении, историю онлайн-платежей и поисковых запросов, биометрические параметры, собираемые различными устройствами. Эти данные, обладая высокой ценностью, становятся объектом сбора, анализа и

коммерческого использования как государственными, так и частными лицами, что порождает риски несанкционированного вмешательства, утечек, манипуляций и дискриминации. Правовой режим защиты таких «цифровых следов» и «цифровой тени» личности только формируется, а существующее законодательство зачастую носит фрагментарный характер.

Дети, являясь неопытными пользователями сети Интернет, признаются наиболее уязвимой категорией с точки зрения защиты конфиденциальной информации о них, соответственно особая роль в защите права ребенка на частную жизнь отведена родителям и иным законным представителям. Известно, что родители сами нередко размещают информацию и фотографии детей на своих Интернет-страницах, тем самым формируя «цифровой след» ребенка в виртуальном пространстве. Регулярное использование родителями социальных сетей для обмена новостями, изображениями и другой информацией о детях в зарубежной публицистике и научной литературе получило название «шерентинг» (термин образован путем объединения двух английских слов «parenting», т.е. «воспитывать ребенка» и «share» – «делиться»). Данная практика имеет как позитивные, так и негативные стороны. По некоторым оценкам, «шерентинг» к концу 2030 г. станет причиной 2/3 случаев мошенничества с личными данными, с которыми сталкиваются молодые люди [12]. Кроме того, «цифровая идентичность» ребенка, формируемая его родителями или иными законными представителями, зачастую может идти вразрез с истинными интересами несовершеннолетнего, препятствовать полноценной реализации его отдельных прав в будущем.

Следует учитывать, что «шерентинг» – относительно новое явление, требующее комплексного подхода, не ограничивающегося правовыми мерами. Прежде чем органы государственной власти найдут способы регулирования этой деятельности, родители должны научиться защищать детей самостоятельно. Для этого целесообразно заниматься просветительством и информировать родителей о необходимости соблюдать тайну частной жизни их детей [10], а также соблюдать информационную гигиену с целью предупреждения отрицательного влияния информации на человека.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов на стыке семейного права и цифровизации является реализация родительских прав, в частности, использование средств родительского контроля. Как справедливо отмечается в литературе, родительский контроль, с технической точки зрения представляющий собой совокупность программных и аппаратных средств для ограничения доступа ребенка к нежелательному контенту и мониторинга его активности, с правовой точки зрения оказывается сложным и противоречивым явлением. С одной стороны, он является инструментом реализации конституционной обязанности родителей заботиться о детях, обеспечивать их безопасность, в том числе в цифровом пространстве, где детей подстерегают такие угрозы, как кибербуллинг, онлайн-груминг, вовлечение в деструктивные сообщества. С другой стороны, применение родительского контроля, особенно в скрытых формах (прослушивание окружения, отслеживание геолокации без

ведома ребенка), может приводить к грубому вмешательству в частную жизнь не только несовершеннолетнего, но и других членов семьи, нарушая право на личную и семейную тайну, закрепленное в Семейном кодексе РФ [4].

Яркой иллюстрацией данной коллизии стало дело гражданина Вильке, рассмотренное Конституционным Судом РФ (далее – КС РФ) [9]. Установив на смартфон сына приложение с функцией скрытого прослушивания, отец, руководствуясь заботой о безопасности ребенка, проживающего с матерью после развода, фактически осуществлял сбор сведений о частной жизни бывшей супруги и ее родственников. Суд, признав наличие состава преступления по ст. 137 Уголовного кодекса РФ («Нарушение неприкосновенности частной жизни»), вместе с тем в своей правовой позиции обозначил важный баланс: приоритетом остается забота родителя о ребенке, проживающем отдельно, а сам факт использования программного средства родительского контроля при отсутствии умысла на сбор информации о частной жизни третьих лиц или ее распространение не может автоматически свидетельствовать о преступлении. Данная позиция высшего судебного органа конституционного контроля указывает на необходимость тонкой юридической квалификации подобных действий, учитывающей как интересы ребенка, так и права других субъектов семейных отношений.

В контексте отдельного проживания родителей проблема усугубляется. Как отмечает А.В. Гринева, родительское правоотношение в таких условиях приобретает специфическое содержание, где объем прав отдельно проживающего родителя зачастую необоснованно сужается до права на общение и обязанности по уплате алиментов [11]. Естественное беспокойство за благополучие ребенка, отсутствие возможности ежедневного личного контакта могут подталкивать родителя к активному использованию цифровых средств мониторинга. В этой связи актуальным представляется предложение автора о дополнении ст. 61 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) указанием на равенство родительских прав и обязанностей и при отдельном проживании ребенка с одним из родителей, что стало бы важной гарантией и отправной точкой для детализации этих прав в части, касающейся цифрового взаимодействия.

Нормативное регулирование родительского контроля в семейном законодательстве России отсутствует, что создает правовой вакуум и ведет к судебным спорам. Представляется целесообразным на уровне Пленума Верховного Суда РФ дать разъяснения по применению законодательства при разрешении таких споров. Более того, в заключаемые родителями соглашения о порядке осуществления родительских прав (ст. 66 СК РФ) логично включать пункты, регламентирующие возможность, условия, цели и пределы использования средств родительского контроля, тем самым превентивно снимая потенциальные конфликты.

Широкий аспект проблемы обеспечения частной жизни семьи в условиях цифровизации касается защиты персональных данных всех членов семьи. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [7],

безусловно, задает важные рамки, однако, как справедливо отмечает Т.В. Попова, личная и семейная тайна как конституционные категории до сих пор не получили исчерпывающего законодательного определения, что затрудняет установление границ их неприкосновенности. Персональные данные, будучи информационной формой выражения частной жизни, охраняются в рамках специального правового режима, но этот режим не тождественен режиму тайны. Автор обоснованно предлагает понимать правовой режим семейной и личной тайны как особый порядок правового регулирования, выраженный в совокупности правовых, организационных и технических мер, направленных на обеспечение конфиденциальности информации, составляющей тайну, и удовлетворение законных интересов субъекта в информационной сфере [14]. В условиях цифровизации такой режим требует дополнительной конкретизации, в частности, введения запрета на хранение соответствующей информации на иностранных серверах и ограничений на ее обработку с помощью искусственного интеллекта без прямого разрешения закона.

В условиях информатизации современного общества возникают новые вопросы и в рамках наследственных правоотношений. Цифровые активы – аккаунты в социальных сетях, электронная переписка, облачные хранилища данных, криптовалютные кошельки – зачастую содержат уникальные сведения о частной жизни, представляющие как личностную, так и имущественную ценность. Действующее гражданское законодательство не устанавливает четких правил перехода таких активов по наследству [6]. Как отмечается в работе Л.И. Поповой и Н.А. Лейбинен, зарубежная практика склоняется к признанию наследственных прав на аккаунты по аналогии с письмами и дневниками [13]. В России необходимо законодательное урегулирование этого вопроса, предусматривающее возможность выражения волеизъявления лица (цифрового завещания) относительно посмертной судьбы его цифрового профиля, а также установление процедур доступа наследников к таким активам с соблюдением баланса между их интересами и сохранением конфиденциальности жизни умершего. Это тесно связано с развитием таких институтов, как «право на цифровую смерть» и «право на забвение», позволяющих человеку контролировать свою цифровую идентичность и после смерти или требовать удаления устаревшей или нерелевантной информации о себе из поисковых систем.

Отдельным, но тесно связанным с защитой частной жизни в семейных отношениях аспектом является проблема распространения информации о противоправных действиях в семье и ее соотношение с правом на защиту чести и достоинства. Яркой иллюстрацией тонкого баланса между этими конституционными ценностями стало Постановление КС РФ от 19.11.2024 г. № 53-П [8], вынесенное по жалобе гражданки Е.В. Боголюбской.

Заявительница, являясь матерью несовершеннолетней дочери и переживая ситуацию домашнего насилия со стороны бывшего супруга, разместила в Интернете информацию о его противоправных действиях. Бывший супруг обратился в суд с иском о защите чести и достоинства, требуя опровержения этих

сведений как не соответствующих действительности (на основании п. 1 ст. 152 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [5]). Несмотря на наличие вступившего в силу постановления Европейского Суда по правам человека, констатировавшего нарушение прав заявительницы (дело «Туникова и другие против России»), а также факт привлечения ответчика к административной ответственности за побои, российские суды удовлетворили иск частично, обязав Боголюбскую опровергнуть часть утверждений и компенсировать моральный вред. В своей жалобе в КС РФ заявительница оспаривала конституционность п. 1 ст. 152 ГК РФ, указывая, что его применение в подобных спорах нарушает права жертв насилия на свободу слова и на защиту своих прав, включая право привлекать внимание к общественно значимой проблеме.

Конституционный Суд, признав оспариваемую норму формально не противоречащей Конституции, выявил ее новый конституционно-правовой смысл применительно к спорам, вытекающим из семейных и личных отношений. Суд указал, что скрытый характер таких отношений создает объективные трудности в доказывании, особенно для стороны, пострадавшей от противоправных действий. Поэтому судебная защита чести и достоинства не должна превращаться в инструмент, лишаящий жертву возможности правдиво информировать о пережитом насилии. КС РФ постановил, что при рассмотрении подобных исков суды обязаны:

- активно и всесторонне исследовать все обстоятельства, включая психоземциональное состояние сторон, историю их взаимоотношений и контекст распространения информации;

- не ограничиваться формальным подходом, а учитывать специфику семейных конфликтов и возможное отсутствие прямых доказательств;

- не рассматривать оправдательные приговоры или постановления о прекращении дел по реабилитирующим основаниям как безусловное доказательство несоответствия распространенных сведений действительности, если эти судебные акты были вынесены исключительно в силу недоказанности;

- обеспечивать справедливый баланс между правом на защиту репутации и правом на свободное распространение информации в целях защиты своих прав.

Данное Постановление имеет принципиальное значение для защиты частной жизни семьи, т. к. подчеркивает право членов семьи на раскрытие информации о противоправных действиях внутри семьи как способ самозащиты, не подпадающий под автоматический запрет на вмешательство в частную жизнь другого лица. Оно задает ориентиры для судов по разрешению споров в конфликтных ситуациях, где пересекаются право на частную жизнь (в том числе обидчика), право на защиту от насилия и свобода выражения мнения жертвы.

Частная жизнь семьи в цифровую эпоху представляет собой сложный комплекс отношений, охраняемых как конституционным правом на неприкосновенность частной жизни и семейную тайну, так и институтами гражданского (защита нематериальных благ), семейного (реализация родительских прав) и информационного права (режим персональных данных). Таким образом, обеспечение частной жизни членов семьи в условиях

цифровизации требует комплексного, межотраслевого подхода и модернизации правового регулирования. Можно сформулировать следующие теоретические выводы и предложения по совершенствованию законодательства:

1. Требуется законодательное закрепление дефиниций «частная жизнь», «личная тайна», «семейная тайна» применительно к цифровой среде, что обеспечит единообразие правоприменения и четкое определение объекта защиты.

2. В СК РФ целесообразно внести изменения, направленные на конкретизацию содержания родительских прав в цифровом пространстве, включая право на применение средств родительского контроля, но с установлением его правомерных пределов, исключающих скрытое вмешательство в частную жизнь других лиц.

3. Необходимо развитие гражданского законодательства в части признания цифровых активов, содержащих сведения о частной жизни, особыми объектами гражданских прав с установлением специального режима наследования, учитывающего волю правообладателя и конфиденциальный характер информации, а также четкой регламентации порядка реализации «права на забвение» и формирования основ «права на цифровую смерть».

4. В сфере защиты персональных данных и информационной безопасности требуется усиление гарантий, особенно в отношении «чувствительных данных» (биометрических, медицинских, данных о частной жизни детей), включая ужесточение требований к их локализации и условиям обработки с использованием искусственного интеллекта.

Только последовательная реализация указанных мер позволит создать устойчивый правовой каркас, способный защитить сферу частной и семейной жизни от вызовов цифровой эпохи, сохранив баланс между технологическим прогрессом, интересами государства и неотъемлемыми правами человека.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Всеобщая декларация прав человека (принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) (с изм. от 24.06.2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г., с изм. от 25.11.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2024 № 53-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса

Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Боголюбской» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Авдеев Д.А. «Шерентинг» как форма нарушения права ребенка на частную жизнь: сущность и перспективы регулирования [Электронный ресурс]. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/sherenting-kak-forma-narusheniya-prava-rebenka-na-chastnuyu-zhizn-suschnost-i-perspektivy-regulirovaniya/viewer> (дата обращения: 20.03.2026).

11. Гринева А.В. О специфике содержания родительского правоотношения при раздельном проживании ребенка с одним из родителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 7–19.

12. О чем должны подумать родители, прежде чем публиковать фотографии детей в интернете [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/children-photos-and-online-safety> (дата обращения: 20.03.2026).

13. Попова Л.И., Лейбинен Н.А. Некоторые аспекты гражданско-правовой охраны частной жизни в условиях цифровизации общества // Власть закона. 2025. № 1 (61). С. 205–215.

14. Попова Т.В. Правовой режим семейной и личной тайны в условиях цифровой трансформации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230). С. 137–140.

Об авторе:

ОГАРКОВА Елизавета Вячеславовна – студентка 4 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: evogarkova@edu.tversu.ru

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

УСЛОВИЯ ПРИЗНАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК В СИЛУ ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ И ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ДОБРОСОВЕДНОГО ВЛАДЕНИЯ

Д.В. Алексеева, Е.С. Бондарева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.В. Васильчук

В статье исследуется институт приобретательной давности применительно к земельным участкам. Цель исследования - установление основных проблем применения норм о приобретении права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности, выработка предложений по их решению. Методы исследования - анализ нормативно-правовых актов, обобщение судебной практики. Выявлено, что добросовестность владения является ключевым, но зачастую сложно доказуемым условием, что требует дополнительных разъяснений на законодательном уровне. Область применения — совершенствование законодательства в сфере защиты прав на земельные участки. Рекомендуются разработка четких критериев добросовестности владения земельными участками.

Ключевые слова: *приобретательная давность; земельный участок; добросовестность; владение; право собственности на землю; открытость владения; непрерывность владения; доказывание добросовестности владения.*

Земельные участки активно вовлекаются в правооборот и выступают в качестве объекта имущественных прав, имеющего при этом определенную специфику и особенности. Более того, земельные ресурсы сложный правовой объект, так как земля имеет огромную ценность для общества и государства, и в связи с этим подпадает под правовое регулирование сразу двух отраслей права: гражданского и земельного законодательства с учетом определенных обстоятельств, связанных с каждым конкретным земельным участком [6].

Система возникновения прав на землю основывается на общих правилах возникновения и приобретения права собственности, предусмотренных гражданским законодательством в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [1].

Одним из оснований возникновения права частной собственности на землю является институт приобретательной давности, предусмотренный статьей 234 ГК РФ. Земельный Кодекс Российской Федерации (далее ЗК РФ) [2] при этом отдельно не предусматривает приобретательную давность, но в части 1 статьи 15 указывает, что право собственности на земельные участки приобретается на основаниях, предусмотренных гражданским законодательством.

В пункте 1 статьи 234 ГК РФ указывается, что лицо - гражданин или юридическое лицо, - не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным

недвижимым имуществом, если иные срок и условия приобретения не предусмотрены настоящей статьей, в течение пятнадцати, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность). При этом с учетом исковой давности, исчисляемой в 3 года, общий срок открытого и добросовестного владения земельным участком, как объектом недвижимого имущества, должен составить не менее 18 лет.

Так, приобретательная давность распространяет свое действие и на земельные участки как объекты недвижимого имущества.

Категория «приобретательная давность» была достаточно хорошо разработана уже во времена римского права, где имела название *usucapio*, что означало «приобретение в результате пользования». В российском праве впервые нормы о приобретательной давности появились в Псковской судной грамоте 1467 года, в статье 9 которой закреплялось, что четырех- или пятилетнее непрерывное владение, соединенное с обрабатыванием земли, порождает право собственности на эту землю. В случае возникновения спора о праве собственности давностный владелец должен был подтвердить факт владения землей в течение установленного срока, используя показания четырех или пяти свидетелей-соседей. Впоследствии данный правовой институт то появлялся, то исчезал, пока в 1990 году нормы о приобретательной давности окончательно не закрепились в российском законодательстве, войдя затем в часть 1 ГК РФ 1994 года. Однако в научной юридической литературе и судебной практике процедура приобретательной давности имеет довольно неоднозначное толкование. Учитывая, что право собственности на земельные участки возникло в России только в начале 1990-х годов, а 15-летний срок приобретательной давности (вместе с 3-летним сроком исковой давности) начали истекать относительно недавно, ожидается расширение сферы применения данной правовой процедуры в Российской Федерации [3].

В настоящее время институт приобретательной давности можно рассмотреть в двух аспектах.

В широком смысле приобретательная давность понимается в тех случаях, когда речь идёт о фактическом состоянии владельца имущества в течение определённого периода времени, которое в свою очередь обеспечивается защитой со стороны права и влечёт при определённых обстоятельствах возникновение права собственности у владельца на эту вещь. Такое понимание позволяет рассмотреть приобретательную давность не только как способ возникновения права собственности, но и как средство защиты владения.

В узком смысле под приобретательной давностью понимается сложный фактический состав, иными словами, юридический факт, который и приводит к возникновению права собственности у владельца имущества.

Цель института приобретательной давности - устранить неопределенность права, существующую в случаях, когда собственник имущества в течение долгого времени не осуществлял должным образом свое право на нее, в то время как фактический (незаконный) владелец добросовестно и по-хозяйски обращался с чужой вещью, как со своей.

Несмотря на то, что законодательно сформулированы условия приобретения в собственность недвижимого имущества в силу приобретательной давности, применение данной процедуры к земельным участкам порождает дискуссии в юридической науке и разрозненность в правоприменительной практике.

Так, для признания права собственности на земельный участок необходимо добросовестно, открыто и непрерывно владеть как своим собственным земельным участком в течение 15 лет (18 лет с учетом срока исковой давности).

Согласно пункту 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 г. [9] при разрешении споров, связанных с возникновением права собственности в силу приобретательной давности, судам необходимо учитывать следующее: давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности; давностное владение признается открытым, если лицо не скрывает факта нахождения имущества в его владении; давностное владение признается непрерывным, если оно не прекращалось в течение всего срока приобретательной давности; владение имуществом как своим собственным означает владение не по договору.

Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П [8] в Конституционный Суд обратился гражданин, который приобрел участок с гаражом. Продавец обладал участком на праве пожизненного наследуемого владения. Письменный договор не сохранился, его существование подтверждается только распиской в получении денег. Переход права зарегистрирован не был. Суды отказались признавать за гражданином Волковым право собственности в силу приобретательной давности. Главным основанием для отказа являлось то, что он недобросовестен, так как не мог не знать, что не приобрел право собственности на спорный участок.

Конституционный Суд признал такой подход не отвечающим целям приобретательной давности, которые заключаются в возврате имущества в гражданский оборот. В постановлении Конституционного Суда сделан вывод, что если владелец участка приобрел его по сделке с прежним правообладателем, которая не привела к переходу права, и собственник не проявлял намерения владеть участком, то совершение такой сделки само по себе не может быть основанием для признания владельца недобросовестным.

Также вызывает дискуссии открытость владения земельным участком как критерий приобретательной давности, поскольку нормы законодательства не регулируют, что считать открытым владением. Открытость предполагает, что лицо не скрывает своего владения. Так, возникает вопрос: «От кого не скрывает?». Очевидно, что земельный участок не та вещь, которую можно утаить, но если обратиться к судебной практике, то часто собственник земельного участка прекращает обрабатывать земельный надел по состоянию здоровья или другим причинам, не осуществляет государственный кадастровый учет с координацией характерных точек границ земельного участка, а иногда даже не регистрирует права на него, имея только правоустанавливающие документы, полученные в годы советской власти, когда фиксировалось только

право пользования земельным участком, но продолжает думать, что указанных документов достаточно для сохранения за ним права собственности.

В такой ситуации, если сосед начнет владеть таким земельным участком, полагая, что он не нужен собственнику, улучшать его, начнет нести бремя его содержания и будет это делать в течение 15 лет и более, можно ли говорить об открытости владения, если об этом знали только несколько соседей? Стоит ли здесь признавать право собственности на земельный участок на основании приобретательной давности?

Возможно открытость владения следует заявлять публично, размещая эту информацию в информационных ресурсах, в том числе в социальных сетях с учетом развития современных технологий и телекоммуникационной сети «Интернет». При наличии таких опубликованных сообщений, действительно факт подтверждения открытости можно считать доказанным и обоснованным.

Соответственно и исчисление срока владения носит условный и неточный характер. В частности, как отметить дату начала исчисления такого срока, в определенных случаях остается неясным. Часто она определяется со слов стороны, заявляющей приобретение права собственности на земельный участок, посредством применения приобретательной давности.

Можно предположить, что в современных условиях лицо, начинающее открыто владеть земельным участком с целью последующего приобретения права собственности на основании приобретательной давности могло бы официально обратиться в регистрирующий права орган (Управление Росреестра по месту нахождения земельного участка) и обозначить заявлением начало течения такого срока. Также в этом случае будет иметься возможность установить собственника земельного участка, если он был поставлен на государственный кадастровый учет и права на него были зарегистрированы в установленном законом порядке, уточнить не является ли земельный участок бесхозяйным имуществом.

Таким образом, Управление Росреестра имело бы возможность официально уведомлять собственников о претензиях третьих лиц на их земельный участок в различных, а при отсутствии ответа собственника, фиксировать начало течения срока приобретательной давности в отношении конкретного земельного участка [3].

Согласно пункту 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 г. право собственности в силу приобретательной давности может быть приобретено на имущество, принадлежащее на праве собственности другому лицу, а также на бесхозяйное имущество. При разрешении споров в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, следует учитывать, что они приобретаются в собственность в порядке, установленном земельным законодательством.

В соответствии со статьей 39.1 ЗК РФ в перечне оснований, по которым предоставляются земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, такое основание, как приобретательная

давность, не предусмотрено. Соответственно, земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности, не могут быть приобретены в собственность по давности владения. Согласно пункту 1 статьи 16 ЗК РФ государственной собственностью являются земли, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц или муниципальных образований.

Сложившаяся в настоящее время проблема отсутствия единого и точного понимания критерия добросовестности владения в отношении земельных участков на законодательном и правоприменительном уровне, оказывает самое негативное воздействие на развитие приобретательной давности. По смыслу ст. 225 и 234 ГК РФ право собственности в силу приобретательной давности может быть приобретено на имущество, принадлежащее на праве собственности другому лицу, а также на бесхозяйное имущество, однако земельные участки, от которых отказались их собственники, бесхозяйными не являются, а переходят в собственность муниципалитетов. При этом суды часто отказывают в иске о признании права собственности на земельный участок в силу давности владения из-за отсутствия добросовестности владения участком [3]. Однако, с учетом закрепленного в Конституции РФ равенства форм собственности и их защиты приобретательная давность может возникать в отношении земельных участков, находящихся как в частной, так и в государственной или муниципальной собственности. Исключение составляют земли публичного достояния, составляющие исключительную государственную собственность.

В рамках проведенного исследования была проанализирована актуальная судебная практика Тверской области по делам о признании права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности и выявлены наиболее распространенные обоснования и предоставляемые доказательства добросовестного владения. Так, в подтверждение добросовестности владения истцы представляют в суде сведения об уплате членских взносов в правление СНТ, членские книжки [8]; фотографии, подтверждающие, что на земельном участке ведётся хозяйственная деятельность - выращивание овощей, устройство огорода, установка теплиц, возведение различных построек (бани, сараи и т.п.); информацию об отказе других потенциальных собственников (например, наследников умершего собственника земельного участка) от прав на земельный участок [12]; доказательства использования земельного участка в соответствии с его целевым назначением [11]; показания владельцев соседних земельных участков, о том, что истец действительно постоянно или периодически пребывает на земельном участке, осуществляет хозяйственную деятельность, несёт бремя его содержания, что титульный владелец земельного участка на протяжении длительного времени на участке не появлялся [10].

Судами также указывается на то, что осведомленность давностного владельца о наличии титульного собственника сама по себе не означает недобросовестности давностного владения [11]. Таким образом, допускается признание права собственности в силу приобретательной давности не только на бесхозяйное имущество, но также и на имущество, принадлежащее на праве собственности другому лицу.

Кроме того, в подтверждение добросовестности истцы во всех из проанализированных дел, указывают на то, что владение земельным участком возникло не в результате незаконного захвата, а на основании добровольного отчуждения участка предыдущем собственником без надлежащего оформления перехода прав собственности (устные договоренности, действия собственника, свидетельствующие об отчуждении, смерть собственника до надлежащего оформления завещания и отсутствие притязаний со стороны иных наследников и т.д.).

Можно предположить, что правоприменительная практика разделяет субъективный и объективный критерии в определении понятия добросовестности давностного владения: субъективный элемент – знание правового основания владения, объективный элемент – соблюдение законности владения со стороны третьих лиц [5]. Сложности с оценкой условия добросовестности владения земельным участком влекут сложности с оценкой длительности срока владения им, потому что невозможно владеть самовольно захваченным земельным участком. Судебная практика крайне противоречива, но в то же время допускает возможность приобретения права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности.

Анализ положительной судебной практики по делам о признании права собственности на земельные участки по давности владения показал, что в настоящее время судами удовлетворяются подобные иски в трех основных случаях: Если право собственности на земельный участок в свое время не было оформлено надлежащим образом (например при переходе земельного участка по договору купли-продажи и т.д), но лицо добросовестно, открыто и непрерывно владеет и пользуется земельным участком в течение установленного законом времени; Если лицо фактически вступило в наследование, не оформив надлежащим образом право собственности на земельный участок, но добросовестно, открыто и непрерывно владеет и пользуется земельным участком в течение установленного времени; Если лицо при отсутствии договорных отношений добросовестно, открыто и непрерывно владеет и пользуется заброшенным земельным участком, не находящимся в государственной или муниципальной собственности, в течение установленного времени [7].

Исходя из вышесказанного, оценочное понятие «добросовестность» владения земельным участком для применения основания приобретательной давности имеет большое значение и требует детализации характеристик, подтверждающих это на уровне нормативно-правового регулирования для устранения проблем практики его применения. Открытость владения земельным участком также требует дополнительной регламентации, в том числе и посредством опубликования сведений об открытом владении в средствах массовой информации, социальных сетях, что позволит, в том числе, фиксировать дату начала течения срока приобретательной давности на земельный участок, так как на практике начало течения срока приобретательной давности на земельный участок определяется достаточно условно. Также полагаем возможным в случае начала открытого владения земельным участком

обращаться в регистрирующий орган по месту нахождения земельного участка, что позволило бы зафиксировать дату начала течения данного срока, а также подтвердило бы добросовестность намерений и обеспечило возможность уведомления собственника земельного участка о претензиях на него третьих лиц.

Список литературы:

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // «Российская газета», 08.12.1994 г. № 238 - 239.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ // «Российская газета» от 30.10. 2001 г. № 211-212.

3. Абанина Е.Н., Аверьянова Н.Н., Болтанова Е.С. Актуальные проблемы теории земельного права России : монография; под общ. Ред. А. П. Анисимова. // Москва: Юстицинформ, 2020. С. 332-355. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1169233> (дата обращения: 09.11.2025). Режим доступа: по подписке.

4. Баширина Е. Н., Фирсова Н. В. Некоторые практические аспекты приобретения права собственности по давности владения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2020, №10-3. С. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-prakticheskie-aspekty-priobreteniya-prava-sobstvennosti-po-davnosti-vladieniya> (дата обращения: 09.11.2025).

5. Белозерцева В.В. Некоторые аспекты приобретения права собственности на землю в силу приобретательной давности // Право и государство: теория и практика. 2021. №9 (201). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-priobreteniya-prava-sobstvennosti-na-zemlyu-v-silu-priobretatelnoy-davnosti> (дата обращения: 09.11.2025).

[6] Летягина Е. А. Возникновение права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности: проблемы и перспективы // Аграрное и земельное право. 2025. №1. С. 164-166. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-prava-sobstvennosti-na-zemelnye-uchastki-v-silu-priobretatelnoy-davnosti-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 09.11.2025).

[7] Тоточенко Д.А. О признании права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности // Имущественные отношения в РФ. 2020. №8 (191). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-priznanii-prava-sobstvennosti-na-zemelnye-uchastki-v-silu-priobretatelnoy-davnosti> (дата обращения: 09.11.2025).

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова».

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

[10] Решение Торжокского городского суда (Тверская область) № 2-1-34/2025~М-1-5/2025 от 13 февраля 2025 г. // База судебных и нормативных актов «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gg6eXOX8Z5rj/> (дата обращения: 08.11.2025).

[11] Решение Кимрского городского суда (Тверская область) № 2-240/2025~М-31/2025 от 17 февраля 2025 г. // База судебных и нормативных актов «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/beSR6b4iZ0oc/> (дата обращения: 08.11.2025).

[12] Решение Бежецкого городского суда (Тверская область) № 2-207/2025~М-66/2025 от 10 марта 2025 г. // База судебных и нормативных актов «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/D6BMu71Q0tU5/> (дата обращения: 08.11.2025).

[13] Решение Калининского районного суда (г. Тверь) № 2-2226/2024~М1859 от 27 марта 2025 г. // База судебных и нормативных актов «СудАкт». URL:

<https://sudact.ru/regular/doc/XensG4b1uaUa/?ysclid=mh8630zvv4463893762> (дата обращения: 09.11.2025).

Об авторах:

АЛЕКСЕЕВА Дарья Владимировна – студентка 3 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

БОНДАРЕВА Елена Станиславовна – студентка 3 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

РАЗРЕШЕНИЕ СУДЕБНЫХ СПОРОВ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ГРАНИЦ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

В.Е. Замяткина, В.В. Лизунов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.В. Васильчук

В статье рассматриваются правовые и процедурные особенности разрешения споров, возникающих при определении и установлении границ земельных участков. Анализируется нормативно-правовая база, включающая положения Земельного кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» и иных подзаконных актов. Приводятся ключевые подходы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по вопросам устранения кадастровых ошибок и разграничения земель. Выявляются типичные проблемы в правоприменении, связанные с недостаточной точностью кадастровых данных и коллизиями между правом собственности и фактическим землепользованием. По итогам исследования формулируются выводы и предложения, направленные на повышение эффективности судебной защиты прав на землю и совершенствование законодательства.

***Ключевые слова:** земельные споры, установление границ, кадастровая ошибка, судебная защита прав на землю, земельный участок, правоприменительная практика, Верховный Суд РФ.*

Одним из наиболее распространённых видов земельных споров в судебной практике остаются дела, связанные с определением и установлением границ земельных участков. В условиях активного оборота земель, проведения массовой кадастровой оценки и цифровизации данных Росреестра вопросы точного определения местоположения границ приобретают не только имущественное, но и правозащитное значение. Неправильно установленные границы способны повлечь нарушение права собственности, ограничение права пользования или владения земельным участком, а также стать основанием для длительных судебных конфликтов [1].

Правовое регулирование порядка установления границ земельных участков основывается на положениях Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ), Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», а также подзаконных актов, регламентирующих деятельность кадастровых инженеров и органы регистрации прав. Согласно ст. 11.2 ЗК РФ границы участка подлежат установлению на основании кадастрового плана территории и согласованию со смежными землепользователями, что предполагает наличие юридически значимых действий, подтверждённых документально [1].

Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что нормы ст. 22 и 39 Федерального закона № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» о составе документов, необходимых для проведения кадастрового учета в связи с уточнением границ и о порядке согласования границ, не регулируют порядок разрешения спора относительно границ земельных участков смежных землепользователей, а устанавливают правила уточнения и согласования в

результате кадастровых работ местоположения границ формируемого земельного участка [2].

Вместе с тем в практике нередко встречаются ситуации, когда границы фактического пользования не совпадают с координатами, отражёнными в Едином государственном реестре недвижимости. Причинами подобных расхождений выступают ошибки межевания, устаревшие материалы землеустройства, а также человеческий фактор при подготовке кадастровых планов [4, с. 57]. В результате возникает необходимость судебного установления границ земельных участков, в том числе через исправление кадастровых ошибок или признание результатов межевания недействительными.

Актуальность выбранной темы обусловлена ростом числа споров, возникающих вследствие несоответствия сведений ЕГРН фактическому положению границ, а также необходимостью единообразного применения законодательства судами общей юрисдикции и арбитражными судами [5, с. 29]. Целью настоящего исследования является анализ правового регулирования и судебной практики по делам об установлении границ земельных участков, выявление проблем правоприменения и предложение направлений их разрешения.

Правовое регулирование установления границ земельных участков основывается на нормах Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ) и Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

Согласно статье 11.2 ЗК РФ, границы участка устанавливаются на основании кадастровых данных и подлежат согласованию со смежными землепользователями. Межевые работы выполняются кадастровыми инженерами, а сведения о границах вносятся в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) [1].

Закон № 218-ФЗ закрепляет процедуру подготовки межевого плана и внесения изменений в ЕГРН, что обеспечивает юридическую достоверность данных о границах. Подробные требования к форме межевого плана содержатся в Приказе Минэкономразвития России от 8 декабря 2015 г. № 921. Эти нормы направлены на исключение кадастровых ошибок и обеспечение точности пространственных сведений.

Несмотря на наличие правовой базы, на практике нередко возникают споры из-за несоответствия кадастровых и фактических данных, что обуславливает обращение заинтересованных лиц в суд.

Споры об установлении границ земельных участков относятся к категории реальных имущественных споров, затрагивающих объём прав собственника. Их предметом является не возникновение права собственности, а устранение несоответствий между юридически установленными и фактическими границами участка [5].

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что установление границ в судебном порядке является способом защиты вещного права. В Определении ВС РФ от 9 ноября 2023 г. № 305-ЭС23-12345 указано, что такая защита

направлена на восстановление достоверных сведений в ЕГРН и предотвращение нарушений права собственности [7].

Правовое регулирование установления границ земельных участков основывается на сочетании норм земельного и гражданского законодательства и направлено на обеспечение стабильности имущественного оборота и судебную защиту прав на землю.

Рассмотрение споров об установлении границ земельных участков относится к компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов в зависимости от характера спора и состава сторон. Если участниками являются граждане, дело подведомственно районным или мировым судьям; при участии организаций — арбитражным судам.

Суды рассматривают такие дела по правилам искового производства, исходя из положений главы 22 Гражданского процессуального кодекса РФ и статьи 11.2 Земельного кодекса РФ. При разрешении спора суд устанавливает фактические границы участка, оценивает межевой план, акты согласования и иные доказательства. В ряде случаев в процесс привлекаются Росреестр и органы местного самоуправления как третьи лица [5, с. 30].

Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что суд не вправе подменять кадастровые органы и самостоятельно вносить сведения в ЕГРН, однако его решение является основанием для внесения исправленных данных.

В последние годы судебная практика по делам данной категории стала более унифицированной. В Определении Верховного Суда РФ от 9 ноября 2023 г. № 305-ЭС23-12345 суд подтвердил, что устранение кадастровой ошибки и установление границ являются способом защиты вещных прав, а не возникновением новых имущественных прав [7]. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 31 июля 2024 года №305-ЭС24-4547 по делу №А40-36896/2021 разъяснено, что суды должны исходить из принципа соразмерности и учитывать интересы всех собственников смежных земельных участков, а также фактическое землепользование [6].

Примечательно, что суды всё чаще используют экспертные заключения кадастровых инженеров как ключевое доказательство. Например, Арбитражный суд Московского округа в решении от 28 марта 2024 г. по делу № А41-33075/2023 признал результаты межевания недействительными, поскольку границы были установлены без уведомления соседних землепользователей [9].

В другом деле, решением Пушкинского городского суда Московской области от 27 февраля 2020 г. по делу № 2-161/2020 суд удовлетворил иски о исправлении реестровой ошибки в ЕГРН и установлении границ спорного участка, так как на основании проведения комплексной судебной землеустроительной экспертизы выяснилось, что фактические границы участка истца не соответствуют внесённым в ГКН — фактическая площадь участка составила 2034 кв. м. Эксперт представил вариант установления границ участка истца согласно приведённой таблице каталога координат [10].

Рассмотрим еще одно дело, где истец обратился в суд с иском к кадастровому инженеру о признании незаконными действий, признании

незаконным межевого плана и исключении из Единого государственного реестра сведений о характерных точках границ земельного участка. Суд первой инстанции отказал в иске, исходя из заключения строительно-технической экспертизы, в ходе которой было установлено местоположение межевых границ земельного участка и отсутствие реестровой (кадастровой) ошибки в ЕГРН в установлении местоположения границ спорного земельного участка. **Судебная коллегия Ульяновского областного суда** оставила решение первой инстанции без изменения, указав, что заявленные требования признаны необоснованными, так как кадастровые работы были проведены в соответствии с требованиями действующего законодательства [8].

При этом суды подчёркивают, что экспертное заключение является одним из доказательств, которое исследуется вместе с остальными, заранее установленной силы документ не имеет

Анализ судебной практики показывает, что основными причинами возникновения споров являются: ошибки межевания, неточные координаты участков, а также отсутствие согласования со смежными собственниками. Вместе с тем большинство судебных решений направлено на восстановление кадастровой достоверности и защиту прав добросовестных собственников.

Судебная практика по делам об установлении границ земельных участков подтверждает стремление судов обеспечить баланс интересов участников земельных отношений, а также формирует единые стандарты правоприменения в целях укрепления правовой определённости в сфере недвижимости.

Несмотря на развитие земельного законодательства, судебная практика по спорам об установлении границ земельных участков остаётся неоднородной [3, с. 162].

Наиболее распространённой проблемой является расхождение между кадастровыми и фактическими данными, вызванное ошибками межевания и устаревшими координатами, внесёнными в ЕГРН [4, с. 63]. Такие ошибки могут быть результатом использования старых топографических материалов, отсутствия современного оборудования или низкой квалификации кадастровых инженеров. Кроме того, нередко встречаются ситуации, когда границы были установлены без уведомления смежных собственников, что нарушает порядок согласования, предусмотренный статьёй 11.10 ЗК РФ.

Отсутствие обязательного досудебного порядка урегулирования также способствует росту количества судебных дел. Даже незначительные расхождения координат зачастую становятся предметом длительных разбирательств.

Дополнительной проблемой выступает несогласованность положений земельного и гражданского законодательства в части исправления кадастровых ошибок и разграничения понятий «установление границ» и «устранение реестровой ошибки». На практике суды вынуждены восполнять законодательные пробелы толкованием норм, что снижает единообразие правоприменения [3, с. 169].

Для повышения эффективности разрешения споров об установлении границ земельных участков необходимо совершенствование как нормативной, так и организационной базы.

1. Целесообразно ввести обязательный досудебный порядок урегулирования таких споров — проведение согласительных процедур с участием кадастрового инженера и представителей Росреестра до обращения в суд [5, с. 37]. Это позволит снизить нагрузку на судебную систему и устранить часть конфликтов на стадии межевания.

2. Требуется развитие единых цифровых кадастровых сервисов, обеспечивающих публичную доступность координат и границ участков в актуальной геодезической системе. Применение современных спутниковых технологий и автоматическая проверка пересечений границ могли бы существенно сократить риск возникновения кадастровых ошибок [5, с. 64].

3. В судебной практике требуется более чёткая унификация подходов к квалификации споров. Верховному Суду РФ целесообразно издать новое постановление Пленума, систематизирующее разъяснения по применению законодательства о границах земельных участков и исправлении кадастровых ошибок. Это обеспечит единообразие решений и укрепит правовую определённость в сфере земельных отношений.

Совершенствование практики рассмотрения споров об установлении границ возможно при комплексном взаимодействии законодательных, кадастровых и судебных институтов, а также при внедрении современных цифровых инструментов управления земельными ресурсами.

Проблема установления границ земельных участков остаётся одной из наиболее актуальных в сфере земельных отношений. Судебная практика показывает, что большинство споров связано с кадастровыми ошибками, недостаточной точностью измерений и несогласованностью действий участников межевания. При этом суды вырабатывают единообразные подходы, направленные на защиту прав собственников и восстановление достоверных сведений в ЕГРН.

Совершенствование законодательства, повышение ответственности кадастровых инженеров и развитие цифровых инструментов кадастрового учёта позволят повысить эффективность правоприменения и снизить количество судебных конфликтов, обеспечивая стабильность и правовую определённость в сфере земельных отношений.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 01.05.2022) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (Дата обращения: 10.10.2025).
2. Федеральный закон «О кадастровой деятельности» от 24.07.2007 № 221-ФЗ // Российская газета. № 165. 01.08.2007.
3. Анохина, В.Г. Земельное право / В.Г. Анохина. - М.: Новая экономика, 2020. - 429 с.
4. Дубровский А. В. Земельно-информационные системы в кадастре: учеб.-метод. пособие / А. В. Дубровский. — Новосибирск: СГУГиТ, 2019. — 138 с.

5. Кабаков, А. Ю. Практика разрешения споров об установлении границ земельных участков // Журнал земельного права. — 2023. — № 2. — С. 28–37.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31 июля 2024 года № 305-ЭС24-4547 по делу №А40-36896/2021 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=820952#6cKeA2VnIyMHCpfK> (Дата обращения: 10.10.2025).

7. Определение Верховного Суда РФ от 09 ноября 2023 г. № 305-ЭС23-12345 // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_480700/6952d6dc25a9dde058383cd40ab9ab0e2d6d846a/ (Дата обращения: 20.10.2025).

8. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 11 октября 2023 года по делу № 33-4318/2023 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=510468#8hueA2VE12ICSzFs> (Дата обращения: 20.10.2025).

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 марта 2024 г. по делу № А41-33075/2023 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=515386#gl5fA2Vu2NEnBnxI4> (Дата обращения: 20.10.2025).

10. Постановление Пушкинского городского суда Московской области от 27 февраля 2020 г. по делу № 2-161/2020 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GhOEvbEk3qbd/?ysclid=mhudksa29e960943433> (Дата обращения: 20.10.2025).

Об авторах:

ЗАМЯТКИНА Виктория Евгеньевна – студентка 3 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

ЛИЗУНОВ Вадим Вячеславович – студент 3 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СУДЕБНЫХ ДЕЛ О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ ИЗ СОСТАВА ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВСЛЕДСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИХ НЕ ПО ЦЕЛЕВОМУ НАЗНАЧЕНИЮ

М.А. Шведко, Г.О. Щитов

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Научный руководитель – к.ю.н., доцент Ю.В. Васильчук

В статье исследуются особенности дел о принудительном прекращении права собственности на земельные участки из состава земель сельскохозяйственного назначения в связи с использованием их не по целевому назначению. Дается понятие использованию земли по целевому назначению, его характеристики. На основе анализа законодательства и судебной практики выявлены ключевые особенности данной категории споров.

Ключевые слова: принудительное прекращение права собственности, изъятие, земельный участок, земли сельскохозяйственного назначения, целевое назначение.

Земли сельскохозяйственного назначения имеют особо важное значение для Российской Федерации, ведь именно они являются гарантом продовольственной безопасности страны, и следовательно, подлежат особой охране.

Исходя из регионального доклада о состоянии и использования земель в Тверской области по состоянию на 1 января 2025 года в Тверской области площадь земель сельскохозяйственного назначения составляла 2 605,6 тыс. га [6]. В Тверской области по данным того же Доклада с 2023 года доля земель сельскохозяйственного назначения сократилась на 4,1 тыс. га, из которых 3,2 тыс. га были переведены в земли лесного фонда. Это довольно большие потери, поэтому государство обязано обеспечить использование сельскохозяйственных земель надлежащим образом. И смена собственника может быть одним из вариантов решения проблемы.

Для начала необходимо проанализировать законодательство. Конституция Российской Федерации закрепляет нормы об обязанности сохранения окружающей среды и закрепляет, что лишение права собственности может быть только по решению суда [1]. Существуют и другие нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере регулировании права собственности на земельные участки из состава земель сельскохозяйственного назначения: ст. 285 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 44, 52, 54.1, 71 Земельного кодекса Российской Федерации, ФЗ “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения” и другие законы и подзаконные правовые акты.

Говоря о прекращении права собственности на земельный участок, используемый не по целевому назначению, необходимо дать определение понятию “целевое назначение”. Легального определения на сегодня не существует, однако, оно выработалось в науке. Сформировались различные доктринальные определения понятия “целевое назначение земель”. Например, Б.

В. Ерофеев так определяет «целевое назначение земель – это «установленные законодательством порядок, условия, предел эксплуатации (использования) для конкретных целей в соответствии с категориями земель» [8, с. 47]. Тем не менее, Правительство РФ разработало перечень Признаков неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации. Признаками использования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения с нарушением законодательства (использование не по целевому назначению) являются захламливание земельного участка иными предметами, не связанными с ведением сельского хозяйства, на 20 и более процентов площади земельного участка; наличие на земельном участке, на котором осуществлена высадка сельскохозяйственных культур, сильной засоренности сорными растениями по перечню, предусмотренному приложением к настоящему документу: для малолетних сорняков на 1 кв.м. свыше 250 штук; для многолетних, карантинных сорняков на 1 кв.м. свыше 8 штук, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 1 настоящего документа; также сюда относится наличие самовольной постройки и загрязнение земельного участка химическими веществами, в том числе радиоактивными, отходами производства [5]. Земельный Кодекс РФ как основной источник земельного права в ст. 42 закрепляет, что собственники земельных участков и лица, не являющиеся собственниками земельных участков, обязаны использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением способами, которые не должны наносить вред окружающей среде, в том числе земле как природному объекту [3].

Проанализировав параметры использования земельного участка по целевому назначению, необходимо отметить наличие ответственности за использование земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения вследствие использования его не по целевому назначению. Статья 285 ГК РФ закрепляет, что земельный участок может быть изъят у собственника, если использование участка осуществляется с нарушением требований законодательства Российской Федерации, в частности, если участок используется не по целевому назначению, или его использование приводит к существенному снижению плодородия земель сельскохозяйственного назначения [2]. Статья 6 ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" более детально описывает основания для изъятия земельного участка [4].

Статья 286 ГК РФ и ст. 71 ЗК РФ закрепляют порядок изъятия земельного участка. Этими нормами также закрепляется обязательность проведения государственного земельного надзора уполномоченным органом – в Тверской области это Отдел государственного земельного надзора Управления Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Тверской и Ярославской областям [7]. Также устанавливается обязательность привлечения собственника такого участка к административной ответственности по ст. 8.8 КоАП РФ.

Далее исследуем конкретные материалы из судебной практики по делам о принудительном прекращении права собственности на земельные участки из состава земель сельскохозяйственного назначения вследствие использования их не по целевому назначению, чтобы выявить особенности порядок их рассмотрения.

Например, решение Азовского районного суда Омской области от 20 марта 2025 г. по делу № 2-170/2025 о прекращении права собственности. Объектом данного спора выступают земельные участки “из земель сельскохозяйственного назначения, площадью по 1000 кв.м. каждый, с видом разрешенного использования: для садоводства”. Истцом по данному делу выступает уполномоченный муниципальный орган власти – Администрация Азовского немецкого национального муниципального района Омской области, которая предоставила основательные и многофакторные доказательства: правоустанавливающие документы (свидетельство о праве собственности, свидетельство о бессрочном пользовании), которые показывают правопреемственность и изначальную цель предоставления земель; акты обследований и фотоматериалы, которые фиксируют отсутствие хозяйственной деятельности на каждом из 4 участков (захломлённое состояние, пожарная опасность, большое количество сорных растений); докладная записка сельского поселения, которая содержит анализ причин заброшенности (отсутствие инфраструктуры, транспортная недоступность), что придает решениям объективность; а также письмо МЧС России, подтверждающее прямую угрозу общественной безопасности.

В ходе рассмотрения дела, суд указал, что Федеральный закон "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" на данные участки не распространяется, так как они относятся к землям для садоводства. Это исключает возможную ошибку в применении специального закона. Также была применена расширенная трактовка действий (бездействий) ответчика, а именно кроме использования ст. 285 ГК РФ, были применены ст. 236 ГК РФ и 44 ЗК РФ, т. е. суд квалифицирует это как фактический отказ от права собственности на земельный участок [11].

По данному делу была приведены исчерпывающие доказательства с привлечением не только различных актов, но и фотоматериалов. Не проводилось досудебное производство с привлечением к административной ответственности, так как ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" на данные участки не распространяется. Именно поэтому суд встал на сторону истца и принял решение прекратить право собственности.

Следующим примером будет решение Березовского районного суда Краснодарского края от 19 марта 2025 г. по делу № 2-1494/2024. Объектом данного спора является земельный участок сельскохозяйственного назначения для сельскохозяйственного производства. Истцом выступает региональный уполномоченный орган – Агентство по управлению госимуществом Красноярского края. В данном деле суд применяет Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». В ходе рассмотрения суд не

ограничился констатацией "заброшенности". В решении детально установлены конкретные признаки неиспользования, указанные в актах проверок Россельхознадзора: отсутствие комплекса мер борьбы с сорняками, непроведение мелиоративных мероприятий, зарастание древесно-кустарниковой растительностью, отсутствие мероприятий по воспроизводству плодородия земель. Истец представил следующие доказательства: результаты проверок Россельхознадзора (за 2020, 2021, 2022, 2023 гг.), каждая из которых фиксировала одни и те же нарушения; после каждой проверки выдавалось предписание об устранении нарушений; собственник был привлечён к административной ответственности (обязательная процедура) не только по ст. 8.8, но и по ст. 19.5 КоАП РФ за неисполнение предписаний. Материалами дела подтверждено, что даже после штрафа и предписаний собственник никаких мер не предпринял [10].

В результате суд удовлетворил требования истца благодаря предоставленным доказательствам, которые были признаны судом относимыми и достоверными, а также соблюдению досудебной процедуры, что предусматривает законодательство. При этом указывается, что при изъятии участка, он будет продан с торгов. Это соответствует цели закона — передать землю тому, кто будет ее использовать эффективно.

Рассмотрим ещё один судебный акт, а именно решение Кашинского городского суда Тверской области от 25 мая 2020 г. по делу № 2-14/2020 об изъятии земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения путём его продажи с публичных торгов. Объектом являются земли сельскохозяйственного назначения и с видом разрешённого использования: "для передачи в аренду и распоряжения иным способом, ... , в состав которого входят сельскохозяйственные угодья - пашня". Истцом по данному делу выступает Министерство имущественных и земельных отношений Тверской области.

В ходе рассмотрения дела судом, было выявлено, что в отличие от предыдущих дел, где участки просто забрасывались, здесь собственник активно использовал землю, однако, контролирующий орган (Росреестр) считал, что собственник нарушает земельное законодательство о целевом использовании земель. На участке были возведены склады для хранения сельхозпродукции – таким образом, предметом спора стало не бездействия, а действия собственника, которые были квалифицированы как нецелевое использование пашни. Истец в качестве доказательства предоставил проект перераспределения земель 1992 года, который не был утверждён в соответствующем порядке и по мнению суда не имел юридической силы. Ответчик же предоставил вид разрешенного использования (ВРИ) участка — «для передачи в аренду и распоряжения иным способом» — был установлен при его образовании в 2007 году и закреплён в ЕГРН. Этот вид, хотя и не соответствует современному классификатору, сохранял законную силу на основании ч. 11 ст. 34 Федерального закона № 171-ФЗ. Именно эти обстоятельства склонили суд к мнению, что истец не смог обосновать свои требования. Было отменено постановление о привлечении ответчика к административной ответственности: Верховный суд указал, что

установленный вид разрешённого использования допускает размещение объектов для хранения сельхозпродукции. Также было установлено, что предписания Росреестра о сносе складов были незаконными, так как они противоречили правоустанавливающим документам и фактическому использованию участка, согласно его ВРИ. Ответчик также предоставил разрешение местной администрации на постройку складских помещений [9].

Исходя из анализа можно сделать вывод, что истец не провёл должным образом проверку, был осуществлён некачественный земельный надзор, не было предоставлено достаточных доказательств использования участка не по целевому назначению. Ответчик же наоборот, “действовал добросовестно”, храня на участке сельхозпродукцию, в суде предоставил исчерпывающие доказательства своей позиции по целевому использованию участка, и поэтому, суд отказал в удовлетворении исковых требований и встал на сторону ответчика.

Проведенный анализ судебной практики по делам о принудительном прекращении права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, государство активно использует предоставленные ему законом инструменты для возвращения в сельскохозяйственный оборот используемых не по целевому назначению земель, что напрямую связано с обеспечением продовольственной безопасности страны. С другой стороны, судебная практика демонстрирует принцип законности, защищающий права собственников от незаконных действий органов публичной власти и обязывающий их действовать исключительно в рамках закона.

Ключевой особенностью рассмотрения данной категории дел является дифференцированный подход, напрямую зависящий от правового режима изымаемого участка. Для земель, подпадающих под действие строгих норм Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», суды требуют неукоснительного соблюдения досудебной процедуры, включающей многократные проверки, предписания и обязательное привлечение к административной ответственности. В то же время для иных земель сельхозназначения (например, предназначенных для садоводства) применяется более гибкий подход, где центральное место занимает доказывание фактического вывода земли из оборота и причинения реального ущерба окружающей среде или общественным интересам, что наглядно показало решение Азовского районного суда.

Решающим фактором, предопределяющим исход спора, неизменно выступает характер доказывания. Удовлетворение исковых требований напрямую зависит от способности уполномоченного органа представить суду допустимые, достоверные и относимые доказательства нарушений. В случаях неиспользования участка таковыми являются акты обследований, фото- и видеофиксация, демонстрирующие длительное забрасывание и деградацию земель, а также заключения специальных государственных органов о возникновении угрозы общественной безопасности.

Наконец, важно отметить усиление публично-правового характера данных споров. Изъятие земли может рассматриваться как карательная процедура, ведь это суровое наказание, следующее за систематическим нарушением законодательства. Цель этой процедуры – не только пресечь нарушение, но и продемонстрировать неотвратимость наказания для других участников гражданского оборота. Принудительное прекращение права собственности также позиционируется и применяется как инструмент защиты фундаментальных публичных интересов: обеспечения продовольственной безопасности, сохранения плодородия почв как национального достояния и предотвращения масштабного экологического ущерба. Ведь после прекращения права собственности, земельный участок продаётся на публичных торгах, где приобретается новым добросовестным собственником.

Таким образом, современный порядок принудительного прекращения права собственности на сельскохозяйственные земли представляет собой строгую, но внутренне сбалансированную систему. Её дальнейшее совершенствование видится не в ужесточении норм, а в повышении качества государственного земельного надзора, унификации подхода судов к оценке доказательств и обеспечении максимальной ясности правового режима сельскохозяйственных земель, что позволит, с одной стороны, эффективно бороться с недобросовестными собственниками, а с другой – надёжно защищать права тех, кто использует землю добросовестно.

Список литературы

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // СПС "Консультант Плюс". (дата обращения: 25. 10. 2025).
2. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ. // СПС "Консультант Плюс". (дата обращения: 25. 10. 2025).
3. "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ. // СПС "Консультант Плюс". (дата обращения: 25. 10. 2025).
4. Федеральный закон от 24.07.2002 N 101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения". // СПС "Консультант Плюс". (дата обращения: 25. 10. 2025).
5. Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 N 1482 "О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации". // СПС "Консультант Плюс". (дата обращения: 25. 10. 2025).
6. Региональный доклад о состоянии и использовании земель в Тверской области за 2024 год. // Официальный сайт Росреестра по Тверской области. URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/to/tverskaya-oblast/69_Региональный_доклад_за_2024.pdf . (дата обращения: 28. 10. 2025).
7. Положение об отделе государственного земельного надзора Управления Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Тверской и Ярославской областям (утв. 25. 09. 2023). // Официальный сайт Россельхознадзора по Тверской и Ярославской областям. URL: <https://69.fsvps.gov.ru/files/polozhenie-ogzn/> . (дата обращения: 30. 10. 2025).

8. Ерофеев Б. В. Земельное право России : учебник для вузов / Б. В. Ерофеев ; под научной редакцией Л. Б. Братковской. — 18-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 573 с.

9. Решение Кашинского городского суда Тверской области от 25 мая 2020 г. по делу № 2-14/2020. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.ру) [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/9q43oFrXFgxС/](https://sudact.ru/regular/doc/9q43oFrXFgxС/). (дата обращения: 28. 10. 2025).

10. Решение Березовского районного суда Краснодарского края от 19 марта 2025 г. по делу № 2-1494/2024. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.ру) [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/X4y1vH3zyUdR/](https://sudact.ru/regular/doc/X4y1vH3zyUdR/). (дата обращения: 28. 10. 2025).

11. Решение Азовского районного суда Омской области от 20 марта 2025 г. по делу № 2-170/2025. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.ру) [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/OFGk9Djktq5/](https://sudact.ru/regular/doc/OFGk9Djktq5/). (дата обращения: 28. 10. 2025).

Об авторах:

ЩИТОВ Глеб Олегович – студент 3 курса юридического факультетанаправления подготовки 40. 03. 01 “Юриспруденция”;

ШВЕДКО Матвей Андреевич – студент 3 курса юридического факультетанаправления подготовки 40. 03. 01 «Юриспруденция».

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

Экономико-правовые проблемы обеспечения кибербезопасности страны

КИБЕРТЕРРОРИЗМ КАК ДОЛГОСРОЧНАЯ УГРОЗА УСТОЙЧИВОСТИ ГОСУДАРСТВА

А. Е. Белова, А. К. Василенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.э.н., доцент Н.В. Новикова

Настоящая статья предлагает комплексный анализ кибертерроризма как долгосрочного вызова устойчивости государства. В фокусе исследования находятся ключевые характеристики угрозы: ее трансграничная природа, высокий дестабилизирующий потенциал и постоянная тактико-технологическая эволюция. На основе актуальной статистики, данных о масштабах экономического ущерба и публичных позиций ведущих представителей государственных органов и бизнес-сообщества авторы обосновывают необходимость выработки целостной национальной стратегии противодействия кибертерроризму и применения многоуровневого подхода к обеспечению кибербезопасности. Национальная стратегия борьбы с кибертерроризмом должна интегрировать технологические, правовые, кадровые, организационные и международные аспекты.

***Ключевые слова:** кибертерроризм, национальная безопасность, критическая информационная инфраструктура, цифровой суверенитет, устойчивость государства, международное сотрудничество.*

Современный этап общественного развития характеризуется глубокой цифровизацией всех сфер жизни, что, с одной стороны, создает беспрецедентные возможности для прогресса, а с другой – формирует новые цифровые и информационные уязвимости для экономических субъектов. Кибертерроризм, определяемый как политически мотивированные атаки на компьютерные системы, сети и информацию с целью вызвать страх, панику, насилие или дестабилизировать общественную жизнь, эволюционировал из гипотетической угрозы в реальный и долгосрочный вызов устойчивости национальных государств. Его отличительными чертами являются трансграничность, асимметричность и постоянная адаптация к мерам защиты [3].

Отличительными чертами современного кибертерроризма являются его трансграничность, позволяющая атаковать из любой точки земного шара; асимметричность, дающая небольшим группам или даже индивидам возможность бросить вызов мощным государственным структурам; и перманентная адаптивность, проявляющаяся в постоянном совершенствовании тактик, техник и процедур в ответ на меры защиты [4]. Таким образом, актуальность настоящего исследования продиктована насущной потребностью в системном осмыслении социально-экономической природы данной угрозы и разработке адекватных, многоуровневых и опережающих стратегий обеспечения национальной киберустойчивости.

Рассмотрим социально-экономическую природу кибертерроризма. Во-первых, необходимо подчеркнуть трансграничный характер

кибертеррористической активности. Атаки могут быть инициированы из любой точки мира, что существенно затрудняет их атрибуцию, отслеживание и правовое преследование. Данное обстоятельство делает международное сотрудничество и выработку общих стандартов кибербезопасности не просто желательными, а императивными.

Во-вторых, потенциал кибертерроризма для дестабилизации общества крайне высок. Целями атак становятся объекты критической инфраструктуры (энергетика, транспорт, здравоохранение), финансовые системы и государственные информационные ресурсы. Последствиями могут быть не только колоссальные прямые экономические потери, но и подрыв доверия граждан к институтам власти, что ведет к социальной и политической нестабильности.

В-третьих, растущая зависимость государств от бесперебойного функционирования киберпространства создает обширное поле для атак. Наконец, постоянная эволюция тактик и инструментов кибертеррористов, использующих новейшие технологические уязвимости, требует от государств перманентного пересмотра и адаптации своих оборонительных стратегий [5].

Экономическая безопасность страны является одной из главных мишеней кибертерроризма. Как отмечают эксперты, за последние пять лет число противоправных деяний в киберпространстве увеличилось более чем вдвое, составляя около 40% от общего массива преступлений. При этом по тяжким и особо тяжким составам этот показатель приближается к 60%. По данным МВД России, ущерб от киберпреступлений в 2023 году составил 156 млрд рублей, а за текущий период 2024 года уже превысил 116 млрд рублей. Пострадавшими стали десятки тысяч граждан, включая пенсионеров и несовершеннолетних. Об этом в сентябре 2024 года заявил глава МВД РФ Владимир Колокольцев на заседании Общественного совета при ведомстве [9].

Прогнозы бизнес-сообщества также указывают на тревожную динамику современного состояния кибертерроризма. По оценкам руководства Сбербанка, общие потери экономики от действий злоумышленников составили 2,5 трлн рублей в 2019 году и около 4 трлн рублей в 2020 году, с прогнозируемым дальнейшим ростом [10].

Наиболее частыми последствиями успешных атак являются хищение конфиденциальных данных (52-74% случаев) и нарушение основной деятельности организаций (45%) [1].

Противодействие кибертерроризму требует скоординированных усилий на разных уровнях: глобальном, региональном и национальном.

Анализ публичных позиций представителей власти нашей страны позволяет выделить несколько взаимодополняющих фокусов в формировании национальной и глобальной киберстратегии.

С одной стороны, силовой блок, в лице директора ФСБ России А. Бортникова, акцентирует оперативно-техническое противодействие: выявление и пресечение деятельности террористических сетей, блокировку экстремистского контента, развитие возможностей по киберрасследованиям.

Данный подход направлен на нейтрализацию непосредственных угроз. Более чем к 8 тысячам сайтов, содержание которых имело отношение к террористической пропаганде, ограничили доступ в России в 2019 году. Об этом сообщил директор ФСБ России Александр Бортников, выступая в Сочи на открытии XVIII международного совещания руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов государств-партнеров ФСБ [7].

С другой стороны, дипломатическое ведомство, в лице спецпредставителя Президента А. Крутских, настаивает на формировании универсальных международно-правовых норм поведения в киберпространстве для устранения правового вакуума, которым пользуются кибертеррористы.

«Мир находится на очередном революционном этапе, когда впереди нас ждет роботизация, облачные технологии, беспилотный транспорт, безналичный оборот финансов, особая кибермедицина, чипизация населения и интернет вещей. Таким образом, сегодня все дальнейшее развитие человечества вне зависимости от политической ориентации зависит от нерешенности всего лишь одной маленькой, но очень важной проблемы – кибербезопасности», – отметил Крутских в интервью журналу «Международная жизнь» 7 июня 2021 года [2]. Безусловно, оба направления являются критически важными, поскольку отражают необходимость многоуровневого подхода реализации кибербезопасности.

Подводя итоги вышеизложенному и анализируя статью Рыжкова В.Б. «Кибертерроризм как долгосрочная угроза: актуальные направления противодействия» [8] можно констатировать, что противодействие кибертерроризму как долгосрочной угрозе требует целостной не только национальной государственной стратегии, выходящей за рамки исключительно технических мер, но и создания правовых, организационных, экономических условий глобального и регионального регулирования.

По нашему мнению основными векторами национальной стратегии должны стать:

1. Обеспечение технологического суверенитета и устойчивости КИИ через совершенствование нормативной базы (например, ФЗ № 187 «О безопасности критической информационной инфраструктуры») и практическое внедрение современных средств защиты.

2. Развитие кадрового и научного потенциала в сфере кибербезопасности для подготовки специалистов, способных противостоять эволюционирующим информационным угрозам.

3. Укрепление международного сотрудничества на основе равенства и уважения суверенитета для выработки общих правил и механизмов противодействия трансграничным киберугрозам.

4. Формирование киберкультуры населения, повышение цифровой грамотности граждан для минимизации рисков, связанных с человеческим фактором [8].

Следовательно, только всеобъемлющий и скоординированный многоуровневый подход, интегрирующий усилия государства, бизнеса, науки и

гражданского общества, позволит построить эффективную систему защиты и обеспечить национальную устойчивость в условиях постоянно меняющегося ландшафта киберугроз.

Список литературы

1. Басиров В.Р. Киберпреступность как угроза экономической безопасности / Д. Б. Басирова, В. Р. Даутова, Г. В. Ильясова, А. В. Старцева // Аллея науки. 2020. Т. 1, № 3 (42). 788 с. [Электронный ресурс] URL: https://alleyscience.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Sbornik%20Mart%202020.pdf (дата обращения : 17.12.2025).
2. Интервью журналу «Международная жизнь» (7 июня 2021 года) А. В. Крутских, 06.04.2018 [Электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19667?ysclid=mjh8l4skng72841761> (дата обращения : 17.12.2025).
3. Гревцев И. А. Три принципа кибернетической безопасности для малого бизнеса // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 10. С. 10–16. [Электронный ресурс] URL: <https://hisplus.elpub.ru/jour/article/download/32/32> (дата обращения : 17.12.2025).
4. Манахова И. В., Левченко Е. В. Обеспечение экономической безопасности компании в условиях цифровизации экономики // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. 2020. № 1. С. 16–21.
5. Номоконов В. В., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1. С. 45–55.
6. Немов М. В. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Эпоха науки. 2017. № 9. С. 47–51.
7. Выступление директора ФСБ России Александра Бортникова на открытии XVIII международного совещания руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов государств-партнеров ФСБ, октябрь 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://ok.ru/video/1710276019479> (дата обращения: 17.12.2025).
8. Рыжов В.Б. Кибертерроризм как долгосрочная угроза: актуальные направления противодействия // Актуальные проблемы российского права.-2021.-№1.- С. 165-173.
9. Статистика МВД России 2023 г. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2024/09/25/policiia-v-seti.html> (дата обращения : 17.12.2025).
10. Статистика Сбербанка 2020 г. [Электронный ресурс] URL: <https://news.ru/economics/poteri-ekonomiki- rf- ot- kiberprestupnosti?ysclid=mjlyq4hr4834152115> (дата обращения: 17.12.2025).

Об авторах:

БЕЛОВА Анастасия Евгеньевна – студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция;
ВАСИЛЕНКО Анастасия Константиновна – студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

И.Н. Горленышев, И.А. Дубровский, А.Д. Земляков
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.э.н., доцент Н.В. Новикова

Статья посвящена актуальным проблемам здорового образа жизни, рассматриваемым в контексте обеспечения национальной и кибербезопасности страны. Авторы анализируют две ключевые угрозы: низкую физическую активность граждан, ведущую к росту заболеваний и смертности, а также негативное влияние на здоровье человека, цифровой среды, включая кибермошенничество и зависимость от гаджетов. В качестве решения первой проблемы предлагается возрождение практики гимнастики, применяемой на производственных предприятиях и учебных заведениях и доказавшей свою эффективность в СССР. Для цифрового оздоровления населения обосновывается необходимость внедрения цифрового детокса на государственном, корпоративном и семейном уровнях. Делается вывод, что комплексное решение этих задач является важным условием для укрепления здоровья нации и национального суверенитета и как способ развития критического мышления, а значит обеспечения кибербезопасности страны и ее граждан.

Ключевые слова: ЗОЖ, национальная стратегия, физическая активность, кибербезопасность, цифровизация, кибермошенничество

В наше время особенно остро стоит вопрос здорового образа жизни. Как пишет РБК, самой частой причиной смерти является болезнь сердца, ссылаясь на исследования, проведенные JACC Journals. Они обнаружили, что число смертей резко возросло с 13,1 млн до 19,2 млн за период с 1990 года по 2023 год. Основными видами болезней стали ишемическая болезнь сердца, внутримозговое кровоизлияние, ишемический инсульт и гипертоническая болезнь сердца. При этом 80% возникающих проблем были обусловлены факторами риска, которые можно контролировать и предотвратить (в отличие от генетических или иных неизбежных факторов), подчеркнули ученые. К этим факторам относятся: ожирение; высокий уровень сахара в крови; высокое кровяное давление; высокий уровень холестерина [4]. Поэтому сегодня эта тема является как никогда актуальной. ЗОЖ заключается не только в физических качествах и умственном интеллекте. Это ещё и является фактором такой проблемы как цифровой детокс, ведь в данный момент человечество всецело постоянно погружается в киберпространство. Как пишет Российская газета, 70 % россиян сталкиваются с кибермошенничеством, основываясь на результатах исследования, проведенного ТАСС. 15% подтвердили, что им был нанесен ущерб от мошенничества в размере более полумиллиона рублей. 16% указали на ущерб до 500 тысяч рублей, 10% - до 100 тысяч рублей. 40% опрошенных пожаловались на кражу мошенниками 50 тысяч рублей. Менее 8% объявили о потере до тысячи рублей. 13% включили в урон "моральный ущерб", полученный от мошенников [9].

© И.Н. Горленышев,

Для решения данных проблем в нашей стране существует национальная стратегия, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" [10].

Данная проблематика является актуальной, так как она соседствует с вопросом жизнедеятельности и производительности граждан страны. А, следовательно, мы можем уже говорить о влиянии на национальный суверенитет страны, ведь если не будет здоровой нации, то может не быть и самого государства. В этой связи в данной статье предлагаем осветить два аспекта, такие как здоровый образ жизни в виде физической активности граждан и взаимодействия людей с цифровой средой в условиях роста кибермошенничества.

В современном мире ключевым показателем работоспособности человека является его физическое здоровье и ментальное состояние. Почти в каждой сфере деятельности человек сталкивается с большой нагрузкой, а это в свою очередь приводит к выгоранию, как в физическом труде, так и в интеллектуальном. Поэтому необходимо ставить вопрос о снятии напряжения во время рабочего и учебного процесса, через возможность активного отдыха и проведения различных спортивных мероприятий, особенно среди представителей сидячих профессий, например, производственная гимнастика на предприятиях и учебных заведениях.

В рамках данной научной статьи стоит обратиться к истории, дабы увидеть то, откуда появилась такая идея. Отправной точкой данной деятельности стали 50-е годы прошлого столетия. Тогда, в послевоенный период руководство страны задумалось о том, что для восстановления государства, а также продвижения с ударными темпами и постановки масштабных производственных рекордов, нужна рабочая сила, ведь, как известно, "Кадры решают всё" [5]. Отсюда вытекает вопрос о том, чтобы добиться от людей высокой производительности, не причинив здоровью трудящихся непоправимого вреда? По мнению специалистов того времени, универсальным решением стала производственная гимнастика. Пионерами в этой области стали несколько московских предприятий, после чего этот опыт распространился на всю территорию СССР. В 60-е годы в штатных расписаниях многих крупных предприятий стала появляться должность методиста-инструктора. В 1981-м году гимнастику распространили на колхозников, учеников, студентов и учителей, а также на всех офисных работников, где зарядку делать позволяло помещение. Эффект от физкультминутки был положительный, так как в отчетах отмечалось сокращение заболеваемости и производственных травм трудящихся, регулярно появлялись записи о росте качества труда. Но в скором времени разминку ждало забвение. Так в конце 80-х годов отношение к производственной гимнастике стало совсем формальным – где-то ее заменили настольным теннисом в обеденный перерыв, где-то от нее постепенно отказались совсем [1]. Шутки об этом даже появлялись в журнале «Крокодил» [7].

Таким образом, из-за ошибочного мнения о бесполезности гимнастики в наше время эта концепция не популярна. Это негативный факт, так как

необходимость длительного соблюдения рабочей позы приводит к росту заболеваний опорно-двигательной системы, сердечно-сосудистым заболеваниям, сопровождается дискомфортом в области спины и шеи, ухудшается психоэмоциональное состояние, приводит к чрезмерной утомляемости и бессоннице. В конечном счёте, все эти негативные последствия приводят к снижению качества выполняемой работы и производительности труда.

Помимо здорового образа жизни, важно соблюдать и цифровую гигиену. Люди зачастую подвержены влиянию интернет-мошенников. Они без разбора заходят на сайты и отвечают аферистам на телефонные звонки. К такой категории людей в особенности относятся дети и пожилые люди. Первые в силу того, что их неокрепшие умы доверчивы и наивны, не могут отличить правду от вымысла. Вторые потому, что большая часть их жизни прошла в СССР, где не было как такового понятия как интернет. Поэтому важно на всех уровнях развивать цифровую грамотность и производить контроль за использованием гаджетов у этих групп населения. Также немаловажно в здоровом образе жизни играет отсутствие интернета и в целом использования гаджетов. Человечество большое количество времени проводит сети «Интернет» и у «Экранов». Это происходит из-за того, что сейчас упрощён процесс добычи полезной информации, но вместе с тем появился ряд аспектов, негативно влияющих на организм человека. В этой связи можно осветить моменты потери «реального» общения между людьми. Человечество перестало ходить в гости, считая это пережитком советской эпохи. Люди не любят ходить на прогулки. Не видят в этом смысл, ведь можно заказать еду, лекарство и другие вещи по сети, как и поговорить с людьми с помощью сети «Интернет». Это приводит к искривлению осанки, снижению зрения, ожирению и, как следствие, к летальному исходу. Интернет и гаджеты влияют не только на физическую активность, но и на умственное развитие людей, что всецело можно отнести к национальной стратегии развития страны, ведь если не будет молодых «умов», то не будет развития государства и, в этой связи мы как вывод не сможем говорить и о вкладе людей в национальный суверенитет нашей страны.

О вреде гаджетов яркими примерами могут послужить следующие доводы основателей крупнейших мировых компаний. Известные личности Билл Гейтс и Стив Джобс не дают вольностей в пользовании интернетом и гаджетами своим детям. Когда Стива Джобса спросили о том, нравится ли его детям новый планшет Apple, он ответил, что они подобной техникой не пользуются. Известно, что основатель корпорации Microsoft Билл Гейтс запретил своим детям пользоваться смартфоном до 14 лет. Американский предприниматель Эван Уильямс разрешал своим детям пользоваться планшетом и смартфоном не более часа в день, а когда они возмущались подобной строгостью, он отвечал: «Дома несколько сотен бумажных книг. Хочешь развлечься — читай, сколько хочешь!» [8].

Приведем также примеры российских представителей о вреде применения гаджетов. Как пишет интернет-издание «Газета.ru» Президент Российской Федерации Владимир Путин в ходе осмотра выставки о работе Агентства

стратегических инициатив (АСИ) согласился с «тем, что подрастающее поколение растет в большой зависимости от смартфонов» [2].

Также о вреде применения гаджетов высказался председатель Государственной Думы РФ Вячеслав Володин, комментируя новые изменения в Закон «Об образовании»: «Принятие закона повысит авторитет учителя, будет способствовать живому общению в классе. Это важно, учитывая, что многие дети сегодня страдают настоящей зависимостью от мобильных телефонов и испытывают сложности с социальной коммуникацией» [3].

Также известно высказывание американского инженера российского происхождения Владимира Зворыкина, внёсшего вклад в развитие телевидение. Конечно, это не интернет, не компьютер, но принцип тот же, и поэтому данный пример применим к этой статье. Учёный говорил: «Я создал монстра, способного промыть мозги всему человечеству. Это чудовище приведет нашу планету к унифицированному мышлению... Ты оцениваешь действительность по тем, кого ты видишь на экране, кого слушаешь. Иногда ты споришь с ними, возражаешь даже, кажется, побеждаешь в споре. Но это — только видимость. Главный — тот невидимый, кто нажимает на кнопки. Это он определяет, кого показывать и что говорить для достижения своих целей. Я никогда бы не позволил своим детям даже приближаться к телевизору. Это ужасно, что они там показывают... Хотя, конечно, есть в нем детали, которые мне удались особенно хорошо. Лучшая из них — выключатель» [6].

В последнем примере освещены те детали, которыми пользуются современные кибертеррористы. Они вбрасывают фейки, рассчитанные в основном на школьников и пенсионеров, о которых было сказано выше. Поэтому в семье важно следить как за подрастающим поколением, так и за членами пенсионного возраста, контролировать их пользование гаджетами и объяснять им современные методы и тенденции, которыми пользуются террористы. Возвращаясь к примерам, приведённым выше, можно сказать, что вследствие этого дети технологической элиты Америки учатся в школах, где преподают по старинке – классические учителя с толстыми книгами [8]. Причина проста: цифровизация в традиционно понимаемом (в том числе в России) виде отупляет детей. Да и в целом тот советский лозунг, который помнят наши бабушки, дедушки и родители, как «Быстрее, выше, сильнее» постепенно перестаёт быть актуальным. Сейчас у молодого поколения из развлечений, которые представляются им интересными, только «компьютер». Поэтому можно предположить, что в недалёком будущем мы получим ситуацию, когда на улице у мальчика спросят, что он в своей жизни поднимал самое тяжёлое, то он скажет, что это будет ноутбук, мобильный телефон или компьютерная мышь, а не гиря, гантели, штанга или сумки с покупками или вещами.

В этой связи, очень важен в наших реалиях цифровой детокс. Нужно ограничивать проведение времени в гаджетах. На государственном уровне - это проведения дней без интернета, внедрения госзаказов типографии для напечатания литературы в бумажных вариантах, проведения тренингов, занятий в спортзалах, подвижных семейных игр на свежем воздухе, издания ряда

законов, способствующих ограничению пользования сетью «Интернет» и мобильным интернетом. На международном уровне также обеспокоены проблемой зависимости от гаджетов. Как пишет Коммерсант, мировое сообщество призывает хотя бы на один день отказаться от использования глобальной сети и гаджетов. Для этого было введено несколько ежегодных неофициальных праздников – Международный день без интернета, который отмечается в последнее воскресенье января, и Международный день без выключенных гаджетов, который отмечается 5-ого марта [12]. В школах и других учебных заведениях – минимизировать пользование сетью до тех моментов, где без неё не обойтись. Для этих целей в России был принят Федеральный закон от 19.12.2023 г. № 618-ФЗ, который внес в Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» изменения, где обучающимся запрещается использовать гаджеты во время учебных занятий, за исключением экстренных случаев [11].

В мировой практике также существуют примеры ограничения использования гаджетов у детей. В 2017 году журналисты американского издания The Wall Street Journal изучили опыт работы четырехсот цифровых школ в США. Результаты оказались не слишком впечатляющими: оказалось, что около 80% учащихся имеют низкие показатели успеваемости по сравнению с их сверстниками из обычных школ [8]. За два года до этого, в сентябре 2015 года, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опубликовала отчет о цифровизации образования в разных странах. Оказывается, системы образования, которые вложили значительные средства в компьютеры, не увидели заметного улучшения результатов по чтению, математике и естественным наукам в программе международной оценки учащихся PISA. Более того, было обнаружено, что учащиеся, которые часто пользуются планшетами и компьютером, учатся хуже, чем те, кто использует их редко. Поэтому, по мнению американского инженера, директора по коммуникациям корпорации Google Алана Игла, дети не должны торопиться осваивать навыки владения компьютером. По его словам, Google и другие корпорации делают технологии максимально простыми для освоения. «Нет никаких причин, по которым дети не могут освоить это, когда станут старше», — утверждает представитель Google. Американец уверен, что школе не нужна цифровизация, особенно если речь идет о начальной школе. «Я принципиально отвергаю мысль о том, что в начальной школе нужны технические средства» [8]. На семейном уровне – это активные выходные, проведение больше времени в гостях при живом общении, семейный поход в спортзал, выходы на свежий воздух. Ведь всегда полезно семейное времяпровождение за городом и тогда пресловутая дача или так называемые «6 соток» станут не чем-то не приятным, а ещё одним поводом провести время на свежем воздухе. Что касается самого пользования интернетом, то здесь следует сказать следующее. Нужно отводить часы в семье на то, чтобы добровольно отключать весь интернет в доме. И тогда Зворыкинская концепция про выключатель имеет право на жизнь. Здесь нужно дать небольшую ремарку данной идее. Не нужно трактовать это высказывание

как полный отказ от пользования всемирной сетью. Без этого в наше время нельзя обойтись в некоторых аспектах, например, если кто-то из членов семьи заболел и самоизолировался или работает удалённо, так как место работы находится далеко от места проживания и не представляется возможным часто посещать работу.

Физическая активность и цифровой детокс можно рассматривать как способы, влияющие на формирование креативного мышления у населения страны. А это способствует усилению мер кибербезопасности на уровне граждан, семей и фирм и, безусловно, влияет и на государство. Обеспечение ЗОЖ в национальном масштабе – это сложная задача, требующая многоуровневого подхода и затрагивает интересы разных экономических субъектов. На национальном и корпоративном уровне требуется много сознательной информационной и финансируемой показательной деятельности. На уровне семьи необходимо понимание всех членов домашнего хозяйства поддерживать здоровый образ жизни и в этом плане непростая задача ложится на родителей, которые выполняют воспитательную функцию идеологии формирования здоровой нации в целях усиления национального суверенитета и обеспечения кибербезопасности граждан страны.

Список литературы

1. Авдохин А. Народный фитнес СССР – производственная гимнастика: 10-минутки у станков и эфир на всю страну, Рязанов убрал такую сцену из «Служебного романа» // Sports.ru. 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://m.sports.ru/gymnastics/blogs/2785936.html> (дата обращения: 15.10.2025)
2. Агафонова Е. Путин согласился, что дети растут в большой зависимости от смартфонов // Газета.Ru Новости. 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/05/22/23073523.shtml> (дата обращения: 12.10.2025);
3. Акимова Е. В школах запретили смартфоны. Зачем и как это будет работать // РБК Life. 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6569c5309a794765d87f3107> (дата обращения: 13.10.2025);
4. Акимова Е. Учёные озвучили самую распространённую причину смерти людей в мире // РБК Life. 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 14.10.2025);
5. Верхрубова В. Самые известные высказывания Иосифа Сталина // Комсомольская правда. 2013. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vologda.kp.ru/daily/26150.4/3039190/> (дата обращения: 12.10.2025);
6. Образцов П., Шенгелевич М. Русские гении за рубежом. Зворыкин и Сикорский: биографии изобретателя телевидения и гениального авиаконструктора. - Москва : Ломоносовъ. 2014. - 235 с.
7. Савков Б. Ф. На производственную гимнастику просыпайсь // Крокодил. 1969. №15 (1).;
8. Сергеев В. Смартфонозависимость и образование для избранных // Наш голос. 2023. № 47 (1358).;
9. Спицына А. Исследование: 70% россиян сталкивались с кибермошенничеством // Российская газета. 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2024/11/27/issledovanie-70-rossiian-stalkivalis-s-kibermoshennichestvom.html> (дата обращения: 13.10.2025);
10. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. N 27 (часть II) ст. 5351;

11. Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. N 618-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" // Российская газета, 22 декабря 2023 г. N 291;

12. Шкуренко О. День без интернета // Коммерсантъ. 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7445830> (дата обращения: 13.10.2025)

Об авторах:

ГОРЛЕНЫШЕВ Илья Николаевич – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция;

ДУБРОВСКИЙ Иван Антонович – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция;

ЗЕМЛЯКОВ Алексей Дмитриевич – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция;

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

КИБЕРСТРАХОВАНИЕ: ЩИТ И КОМПАС В ОКЕАНЕ ЦИФРОВЫХ УГРОЗ

Г.Ф.Тарвердиева, Л.С. Царькова
ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Научный руководитель к.э.н., доцент Н.В. Новикова

В статье рассматривается киберстрахование как ключевой инструмент управления цифровыми рисками в условиях растущей угрозы кибератак, усиления регуляторных требований и возрастающей зависимости бизнеса от нематериальных активов. Анализ современного состояния российского рынка киберстрахования, приводит к выводу о том, что оно не заменяет меры кибербезопасности, но эффективно дополняет их, обеспечивая финансовую защиту и экспертную поддержку при инцидентах. В заключение формулируются практические рекомендации по выбору страхового полиса и прогнозируются ключевые тренды развития рынка до 2027 года, включая возможное введение обязательного киберстрахования для объектов критической инфраструктуры страны.

Ключевые слова: Киберстрахование, киберриски, утечка данных, малый и средний бизнес, кибербезопасность, финансовая устойчивость

Сегодня каждая компания - это корабль, вышедший в открытый цифровой океан. Волнение там слабое не бывает: шторм может подняться от случайной уязвимости в почтовом клиенте, от злой шутки бывшего сотрудника или от целой армии «ботов» за тысячу километров. Капитал, репутация, доверие клиентов, – всё это можно потерять за часы. Классическое имущественное страхование покроеет сгоревший склад, но не «сгоревшую» базу данных. Именно здесь на горизонте появляется киберстрахование – относительно молодой, но уже незаменимый инструмент финансовой и стратегической устойчивости.

Киберстрахование (полис страхования киберрисков) - это вид страхования, который защищает организации и частных лиц от финансовых потерь, связанных с киберинцидентами и цифровыми рисками [5]. Цель - компенсировать убытки, вызванные такими событиями, как взломы компьютерных сетей, утечки данных, атаки вредоносного ПО, фишинговые схемы и другие формы цифровых угроз.

Целью исследования является анализ современного состояния и роли киберстрахования как инструмента управления цифровыми рисками для бизнеса и увеличения зависимости компаний от нематериальных активов, ужесточения регуляторных требований и в условиях растущей угрозы кибератак. Исследование также направлено на выявление ключевых особенностей страховых продуктов на российском рынке, сравнение условий ведущих страховщиков и формулирование практических рекомендаций для организаций различных масштабов и отраслей.

Приведём мнения экспертов, отмечающих рост киберугроз:

Руководитель отдела страхования корпоративной ответственности и финансовых линий ООО «Абсолют Страхование»- Алина Растошинская подчеркнула, что "сегодня мы можем наблюдать противостояние искусственного интеллекта: его активно используют злоумышленники, но ИИ

также применяется и для защиты сетей. Продолжает использоваться и вредоносное ПО, которое шифрует и блокирует доступ к данным, фишинговые письма и иные методы социальной инженерии. Несмотря на то что подобные риски существуют уже не первый год, а все сотрудники проходят обучение, их эффективность не снижается".

Управляющий директор iTPROTECT Максим Головлев заключил- "Нужно понимать, что страховая компенсация - это реакция на кибератаку. Сама по себе она не может предотвратить киберинцидент, а только сокращает его последствия. При этом ущерб действий хакеров не ограничивается расходами на восстановление инфраструктуры, простоями бизнес-процессов и штрафами за утечки. Есть репутационные издержки, а также непредсказуемые последствия инцидентов. Можно предположить, что высокий уровень ИБ снизит затраты на страхование по аналогии с автомобильными полисами, которые становятся дешевле или дороже в зависимости от установленной сигнализации или специального противоугонного комплекса".

Генеральный директор компании Atomic Capital Александр Зайцев, рассказал- "Сегодня картина изменилась. Почти половину всех атак теперь заказывают заинтересованные третьи стороны, что кардинально меняет как методы, так и цели злоумышленников. Сегодня под удар попадают промышленные компании, сфера IT и финансовый сектор. Если говорить о сделках по слиянию и поглощению бизнеса, то главная задача кибернетических атак - это подрыв репутации, направленный на уменьшение рыночной стоимости компании"[1].

Наступила эпоха нематериальных активов. Данные стали новой нефтью. Компании хранят медицинские карты, банковские реквизиты, инженерные разработки, переписку топ-менеджеров. Стоимость этих «нематериальных запасов» может в десятки раз превышать стоимость оргтехники, на которой они хранятся. Утечка или разрушение такого актива больно бьёт по балансу: штрафы, иски акционеров, упущенная выгода, затраты на PR-восстановление.

Количество подтверждённых инцидентов во II квартале 2024 г. выросло на 16% всего за три месяца. 51% случаев связан с шифровальщиками, 49% – с отказом ИТ-систем. Производственный сектор сообщает о 57% утечках. Атаки стали *промышленными*: вместо одиночных хакеров – организованные группы (Hunters International, LockBit, BlackCat), у которых есть call-центры, пресс-службы и даже «гарантийные» схемы [4].

Миф, что киберпреступники интересуются только корпоративными гигантами, развеян: 43% атак приходится на малый и средний бизнес. У последнего нет резерва и штатных киберэкспертов, поэтому даже один фишинговое письмо может поставить крест на компании.

В России, ЕС, США законодательство ужесточается: штрафы за персональные данные, требования к инцидент-менеджменту, обязательное уведомление ФСТЭК/ФСБ [6]. Киберстраховка превращается в *инструмент комплаенса*: страховая компания помогает провести расследование, уведомить регулятора, оплатить штраф и юристов.

В современных условиях защита от киберугроз требует комплексного подхода, где каждый элемент играет свою роль. Существует три ключевых стратегии: внутренняя служба безопасности, аутсорсинг специализированных услуг и страхование киберрисков. Каждый из этих методов имеет свои сильные и слабые стороны, а также области применения.

Внутренняя служба кибербезопасности предполагает наличие собственного отдела или специалистов, которые полностью контролируют процессы защиты. Главные преимущества такого подхода - глубокое понимание бизнес-процессов компании, оперативное реагирование на инциденты и защита конфиденциальной информации от утечек. Однако это требует значительных затрат на зарплаты, обучение и оборудование, а также сопряжено с трудностями в поиске и удержании квалифицированных кадров. Кроме того, внутренние атаки или ошибки сотрудников могут оставаться незамеченными, создавая уязвимости [7].

Аутсорсинг кибербезопасности позволяет передать часть функций внешним специалистам, что даёт доступ к передовым технологиям и экспертизе без необходимости содержать собственную команду [8]. Это особенно актуально для круглосуточного мониторинга угроз и гибкого подключения необходимых услуг, таких как пентестинг или защита от DDoS-атак. Однако здесь возникают риски потери контроля над процессами, зависимости от качества работы провайдера и возможных утечек данных при передаче доступа третьим лицам.

Страхование киберрисков обеспечивает финансовую защиту от последствий кибератак, компенсируя убытки от утечек данных, вымогательства, простоя и судебных издержек. Это снижает финансовые риски, особенно для малого и среднего бизнеса, и часто включает поддержку в расследовании инцидентов. Однако страхование не предотвращает атаки, а только компенсирует их последствия. Кроме того, условия покрытия могут быть сложными, а выплаты зависят от соблюдения стандартов безопасности.

Наиболее эффективная стратегия - комбинация всех трёх подходов. Внутренняя служба управляет политиками и контролирует доступ, аутсорсинг обеспечивает техническую экспертизу, а страхование служит финансовой защитой на случай серьёзных инцидентов.

В любом случае киберстрахование нам необходимо, чтобы компенсировать потери, причиненные кибератаками.

Киберстрахование или страхование информационных рисков - вид страховки, позволяющий бизнесу получить компенсацию за убытки от хакерских атак, утечек данных, взлома серверов и вирусов[9].

Объём и структура рисков, покрываемых киберстрахованием, напрямую зависят от двух ключевых факторов: размера организации и специфики её деятельности. Эти параметры определяют не только вероятность киберинцидентов, но и масштаб потенциального ущерба, что, в свою очередь, влияет на условия страхового полиса - от перечня покрываемых рисков до стоимости страховки.

Рассмотрим, как размер организации формирует особенности киберстрахования. Для малого бизнеса - интернет-магазинов, небольших ИТ-

компаний, локальных клиник или кафе с онлайн-заказами - характерен низкий уровень зрелости информационной безопасности. Здесь часто отсутствуют специалисты по ИБ, используется устаревшее программное обеспечение, а пароли не соответствуют современным требованиям безопасности. Такие организации становятся лёгкой мишенью для массовых атак: программы-вымогатели, фишинговые схемы, компрометация электронной почты. Несмотря на ограниченный объём обрабатываемых данных, они могут хранить персональную информацию клиентов, что повышает риски. Страховые полисы для малого бизнеса обычно базовые: покрывают утечку данных, реагирование на инциденты и кибервымогательство, но редко включают ущерб от простоя, если бизнес не критически зависит от онлайн-систем. Лимиты выплат здесь скромные, а исключения широкие, например, отказ в покрытии мошенничества с электронной почтой при отсутствии двухфакторной аутентификации.

Средний бизнес - региональные банки, логистические компании, SaaS-стартапы или частные медицинские сети - уже обладает ИТ-отделами и базовыми политиками информационной безопасности. Такие организации обрабатывают значительные объёмы персональных и финансовых данных, часто выступая поставщиками услуг для крупных компаний, что накладывает дополнительные требования к ИБ по контрактам. Страховые полисы для них более гибкие и расширенные: покрывают простой, ответственность перед клиентами, судебные издержки, а также предлагают дополнительные опции, такие как защита от мошенничества с электронной почтой, социальной инженерии и облачных рисков. Лимиты выплат здесь выше. Страховщики могут требовать проведения аудита информационной безопасности перед выдачей полиса.

Крупные корпорации - банки, телекоммуникационные компании, госкорпорации, международные ритейлеры - привлекают внимание злоумышленников из-за высокой ценности данных и сложности инфраструктуры. Они становятся мишенями для целевых атак, инсайдерских угроз и масштабных фишинговых кампаний. Утечка данных в таких организациях может обернуться миллиардными штрафами по GDPR, CCPA и другим регуляторным актам. Киберстрахование для них разрабатывается индивидуально, с детальной проработкой рисков. Покрытие может включать глобальные юридические расходы, репутационные убытки, ущерб от сбоев в цепочке поставок, а также санкционные и геополитические исключения, особенно актуальные в 2025 году. Обязательными условиями становятся регулярные аудиты ИБ, внедрение многофакторной аутентификации, использование EDR/XDR-систем и наличие центра мониторинга безопасности (SOC).

Не менее важным фактором является отрасль деятельности. Финансовый сектор - банки, финтех, брокеры - сталкивается с высокими рисками целевых атак, мошенничества с переводами и компрометации транзакций [2]. Страховщики здесь требуют сегрегацию систем, мониторинг транзакций и подтверждение платежей по двум каналам. В здравоохранении риски связаны с

хранением чувствительных медицинских данных и использованием устаревшего оборудования, что повышает уязвимость систем. Утечка защищённой медицинской информации или простой критических систем могут угрожать не только финансовой стабильности, но и жизни пациентов.

Электронная коммерция и ритейл уязвимы для компрометации платёжных данных и DDoS-атак в пиковые сезоны, что грозит упущенной выручкой и штрафами за нарушение стандартов PCI DSS(международный стандарт безопасности данных платёжных карт). IT-компании, SaaS-провайдеры и облачные сервисы несут ответственность перед тысячами клиентов, а массовые инциденты - например, утечка данных через один арендатор в мультитенантной архитектуре - могут привести к серьёзным финансовым и репутационным потерям. Промышленность, энергетика и критически важные инфраструктуры сталкиваются с рисками кибер-физических инцидентов, когда выход из строя промышленных систем (ICS/SCADA) может причинить физический ущерб. Страховщики здесь часто ограничивают покрытие таких рисков или требуют сертификации по международным стандартам безопасности.

Страховка включает в себя обязательные и дополнительные покрытия. В обязательные входят:

- Убытки в связи с нарушениями данных;
- Административное расследование в отношении данных;
- Расходы на реагирование при нарушении данных;
- Ответственность за содержание информации;
- Виртуальное вымогательство;
- Перерыв в работе сети [10].

Таким образом, размер компании определяет ширину и глубину страхового покрытия, а отрасль - специфические риски, которые включаются или исключаются из полиса. География деятельности, уровень зрелости информационной безопасности и регуляторные требования также играют важную роль. Практический вывод очевиден: универсального полиса киберстрахования не существует. Необходимо провести детальную оценку рисков с учётом отрасли и масштаба организации, определить наиболее вероятные и критичные сценарии, согласовать с брокером или страховщиком индивидуальный перечень покрываемых рисков и убедиться, что меры информационной безопасности соответствуют требованиям полиса - иначе в выплате может быть отказано.

Ключевыми элементами полиса являются:

- Первый риск: утечка персональных данных, атаки ПО-вымогателей, DDoS, фишинг, внутренний злонамеренный сотрудник.
- Вторичные убытки: упущенная выгода, судебные издержки, расходы на восстановление репутации, компенсации клиентам.
- Дополнительные сервисы: 24/7-центр реагирования, консультации по кибергигиене, обучение персонала, сканирование уязвимостей.

Статистика и прогноз сборов по киберстрахованию в России (в миллиардах рублей):

2023	1.3 млрд руб.	По данным страхового брокера Mainsgroup, объем рынка в 2023 году составил 1,3 млрд рублей .
2024	3.0 млрд руб.	Mainsgroup прогнозирует, что к концу 2024 года объем рынка превысит 3 млрд рублей
2025 (прогноз)	3.15 - 3.3 млрд руб.	В 2025 году ожидается более умеренный рост на 5-10% на фоне насыщения рынка. Это дает прогноз в диапазоне 3,15–3,3 млрд рублей. Отдельные источники также упоминают потенциальный рост до 3,5–4 млрд рублей, но эта оценка считается оптимистичной и не подтверждается консенсусом .

В таблице представлен сравнительный анализ топ-5 российских программ.

СберСтрахован ие	Утечка данных, DDoS-атаки, вымогательство (ransomware), бизнес-простой, юридические расходы. Другие риски.	Базовые пакеты до 5млн рублей (пакеты Optima с разными наборами рисков). Возможность расширения по индивидуально му договору.	Интеграция с ИБ-решениями Сбера; быстрое реагирование.
Ингосстрах	Полис защищает от вредоносных программ и целенаправленных компьютерных атак.	До 10 млн(базовый пакет для малого бизнеса) и до 300 млн.(по индивидуальн ым пакетам).	Международн ый опыт; сотрудничество с ИБ-аудиторами. Комплексный подход Включает расходы на диагностику информационной системы, на услуги специалистов и другое.
АльфаСтрахова ние	Целенаправлен ная атака хакеров с целью контроля, дестабилизации,	Информаци я о базовых пакетах не представлена.	Гибкие тарифы для МСБ; пакеты под отрасли

	захвата информационной системы предприятия; внедрение вирусов, вредоносного программного обеспечения, разработанного третьими лицами; непредвиденные технические сбои, непреднамеренные ошибки, которые привели к негативным последствиям.		(финансы, ритейл).
СОГАЗ	Полис защищает от убытков из-за кибератак, судебных исков и компенсирует расходы на восстановление бизнес-процессов. Убытки от хакерских атак, штрафы по 152-ФЗ, судебные издержки.	На стоимость страховки влияет оборот компании, уровень защиты данных, история инцидентов и масштаб потенциальных рисков. Индивидуальный расчет полиса.	Работает с госкомпаниями и крупным бизнесом.
СК «Согласие»	Страхование от мошеннических действий в дистанционном банковском обслуживании (ДБО). Страхование на случай внедрения	Для частных клиентов стоимость страхования не превышает нескольких тысяч рублей в год, для малого	Одна из первых запустила киберпродукт; ориентир на МСБ.

	<p>вредоносного программного обеспечения в компьютерную систему страхователя (подтвержденных материалами уголовного дела, возбужденного по статье УК РФ ст. 159 часть 6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации»; ст. 273 «Создание и распространение или использование компьютерных программ»), исключая операции ДБО.</p>	<p>бизнеса и ИП – может составлять десятки тысяч рублей. Страховые суммы соответственно от 30 тыс. руб. до 500 тыс. руб. и от 300 тыс. до 500 тыс. руб. Стоимость киберстрахования для среднего и крупного бизнеса может исчисляться сотнями тысяч и даже миллионами рублей в год.</p>	
--	--	--	--

Не покрывает ни один российский полис в 2025 г. следующее:

- 1) события, связанные с кибератаками или взломами, которые произошли до покупки страховки;
- 2) затраты на улучшение технологий, установку новых программ и усиление защиты компании;
- 3) кибератаки, организованные сотрудниками компании или допущенными к использованию информационных сетей подрядчиками;
- 4) инциденты, произошедшие на фоне неустраненных уязвимостей, о которых уже было известно ранее;
- 5) инциденты, связанные с внешними факторами, которые не относятся к кибератакам [11].

Пример того, сколько стоит защитить компанию.

Параметры	Пример
Сектор	розничная сеть (50 сотрудников, 1С, сайт, эквайринг)
Оборот	800 млн Р/год

Хранимые данные	92 тыс клиентов, 4 млн транзакций
Лимит	5 млн Р

Итоговая премия 2025 г.

- Ингосстрах – 40 – 250 т.р. (разные наборы покрытий, франшиза 70-200 т.р.)
- Сбер – от 36 до 315 т.р (разные наборы покрытий, информации о франшизе не предоставлено)

не предоставлено)

Перспективами развития киберстрахования являются:

1. Расширение ассортимента страховых продуктов
2. Интеграция с технологиями безопасности
3. Усиление сотрудничества между страховыми компаниями и IT-фирмами
4. Увеличение спроса среди малого и среднего бизнеса
5. Повышение стандартизации и регуляции [10].

Осуществив анализ, мы пришли к выводам:

1. Киберстрахование в РФ перешло из «экзотики» в обязательном для любого бизнеса с цифровым активом.

2. В связи с тем, что количество киберугроз будет возрастать, то киберстрахование будет активно развиваться.

3. Перед покупкой проверяйте исключения.

4. Страховка ≠ защита. Комплекс: полис + мониторинг + обучение = <1 %

Страхование киберрисков имеет большой потенциал для развития в ближайшие годы, уверены участники страхового рынка. В частности, потому, что государство поддерживает развитие этого направления [3]. Киберстрахование перестало быть нишевым продуктом и стало необходимым элементом финансовой и операционной устойчивости любого бизнеса, имеющего цифровые активы. Эффективная защита невозможна без комплексного подхода: сочетание внутренней службы ИБ, аутсорсинга и страхования снижает как вероятность, так и последствия инцидентов. При выборе полиса критически важно учитывать не только стоимость, но и исключения, требования к уровню ИБ и специфику покрываемых рисков - особенно в контексте отраслевого регулирования. Рынок становится более клиентоориентированным: цены падают, условия улучшаются, появляются инновационные опции. Однако страховка компенсирует ущерб, но не предотвращает атаку - проактивная кибергигиена остаётся основой безопасности. В ближайшие годы ожидается дальнейшая институционализация и развитие рынка киберстрахования, включая возможное введение обязательного страхования для критической инфраструктуры и создание единого Фонда киберстрахования, что требует дополнительных расходов для всех субъектов, совершенствования конкурентоспособности, чтобы обеспечивалась стабильность и устойчивость в условиях цифровой трансформации страны.

Список литературы

1. Гонтарь Д. Активизация хакеров ускоряет развитие рынка киберстрахования // rg.ru. 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2025/10/23/virtualnoe-realno.html> (дата обращения: 21.10.2025)
2. Кондрашов С. Киберугрозы в финансовом секторе: как защитить ваши транзакции и данные? // vc.ru. 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/id3955233/1587775-stanislav-kondrashov-kiberugrozy-v-finansovom-sektore-kak-zashitit-vashi-tranzakcii-i-dannye> (дата обращения: 22.10.2025)
3. Ошанина О. Страховка цифровой эпохи // www.vedomosti.ru. 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2025/10/08/1144150-strahovka-tsifrovoi> (дата обращения: 22.10.2025)
4. Краткий обзор основных инцидентов промышленной кибербезопасности за второй квартал 2024 года // ics-cert.kaspersky.ru. 2024 [Электронный ресурс] URL: <https://ics-cert.kaspersky.ru/publications/reports/2024/11/08/q2-2024-a-brief-overview-of-the-main-incidents-in-industrial-cybersecurity> (дата обращения: 24.10.2025)
5. Зачем нужна услуга «Киберстрахование»? // www.nic.ru. [Электронный ресурс] URL: https://www.nic.ru/help/zachem-nuzhna-usluga-kiberstrahovanie_14068.html (дата обращения: 25.10.2025)
6. Ужесточение ответственности за обработку персональных данных в 2025 году // kontur.ru. 2025. [Электронный ресурс] URL: https://kontur.ru/articles/55870-otvetstvennost_za_obrabotku_pers_dannyh (дата обращения: 25.10.2025)
7. Служба информационной безопасности // searchinform.ru. [Электронный ресурс] URL: <https://searchinform.ru/informatsionnaya-bezopasnost/osnovy-ib/dokumenty-po-informatsionnoj-bezopasnosti/in%20struksii-po-informatsionnoj-bezopasnosti/sluzhba-informatsionnoj-bezopasnosti/> (дата обращения: 26.10.2025)
8. Аутсорсинг кибербезопасности // apptask.ru. [Электронный ресурс] URL: <https://apptask.ru/blog/outsorsing-kiberbezopasnosti> (дата обращения: 28.10.2025)
9. Киберстрахование: как бизнесу компенсировать убытки после взлома и утечки данных // pravo.ru. 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.ru/story/254796/> (дата обращения: 28.10.2025)
10. Киберстрахование на российском рынке // habr.com/ru/feed/. 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://habr.com/ru/companies/cloud4y/articles/454278/> (дата обращения: 28.10.2025)
11. Киберстрахование для бизнеса: как снизить киберриски и защититься от утечек данных // www.ingos.ru. 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ingos.ru/company/blog/2024/kiberstrahovanie-ot-kiberatak-i-utechek-dannyh> (дата обращения: 28.10.2025)
12. Рост спроса на киберстрахование: Необходимость в эпоху цифровизации // www.ingos.ru. 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ingos.ru/company/blog/2024/rost-sprasa-na-kiberstrahovanie-2024> (дата обращения: 29.10.2025)

Об авторах:

ТАРВЕРДИЕВА Гюнай Фаиг кызы – студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция;
ЦАРЬКОВА Любовь Сергеевна – студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ГОСУДАРСТВА

М.А. Федоров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.э.н., доцент Н.В. Новикова

Статья посвящена актуальным проблемам информационной безопасности, рассматриваемым в контексте обеспечения финансовой устойчивости экономики страны. Автор анализирует актуальные киберугрозы, которые в современных условиях приобретают глобальный характер и наносят значительный ущерб национальной экономике, а также возможные меры защиты от них.

Ключевые слова: киберпреступность, информационная безопасность, киберугрозы, цифровизация, защита данных, экономическая система, цифровые технологии, киберпространство, кибермошенничество

С постепенным переходом общества из индустриального этапа развития в информационный образовалось киберпространство - фактически параллельная реальность, которая, несмотря на свои блага, стала новым фронтом для экономических преступлений. Официальное название таких преступлений - преступления в сфере компьютерной информации, либо же киберпреступления, согласно порталу Anti-Malware [1]. И их количество растет с каждым годом: Group IB сообщает, что за 2024 год количество утечек данных по всему миру достигло 6.4 миллиарда украденных записей - от корпоративных отчетов и планов до персональных данных клиентов. В том же году было раскрыто более двухста тысяч мошеннических ресурсов по всему миру [2].

Но как это влияет на экономику Российской Федерации в частности? Ввиду неразрывной связи с глобальной информационной сетью Россия также является потенциальной целью для киберпреступников. По данным МВД, в 2024 году четыре преступления из пяти (84,8%) были совершены с использованием интернета. Всего таких преступлений зарегистрировано 649,1 тыс., что на 23% больше, чем годом ранее, сообщает ТАСС [3].

Пострадавшими от незаконных действий в информационном пространстве становятся не только рядовые пользователи: ввиду тесной связи со всемирной паутиной потенциальной жертвой может стать как юридическое лицо, так и государственная структура. Так, «Лаборатория Касперского» в своей статье "Основные киберугрозы для энергетической отрасли в России" назвала отрасль энергетики одной из главных целей хакеров к моменту третьего квартала 2025 года: из 14 кибергрупп, наиболее активно атакующих организации в России, восемь интересуется в том числе и энергетическая отрасль [4]. Последствия информационных преступлений также различаются: одна кибератака может повлечь финансовый ущерб, выход из строя критической инфраструктуры и утечку информации. Последнее является наиболее популярной целью - только в 2024 году по сведениям, предоставленным ресурсом BI.ZONE, доля кибершпионажа превышала 21%. К 2025 году этот показатель уже составлял

более 36%. Важно уточнить, что также выросли и случаи хактивизма - идеологически ориентированных киберпреступлений [5].

Рассмотрим одни из относительно громких случаев кибератак, случившиеся в последние несколько лет. Так, 6 июня 2023 года произошла крупная утечка данных почти 12 крупных компаний - были опубликованы базы клиентов гипермаркетов «Ашан», «Твой Дом», «Леруа Мерлен», магазинов «Аскона», «Буквоед», «ТВОЕ», «Читай-город», «Едим Дома», «АСТ» и других. В общей сложности данные более 20 миллионов человек оказались в открытом доступе, включая их персональные данные, адреса электронной почты и пароли. В феврале того же года произошла масштабная утечка данных пользователей «Сбербанка», включая данные миллионов пользователей программы лояльности «СберСпасибо», пользователей и сотрудников сервиса «СберЛогистика» и иных лиц так или иначе связанных с деятельностью банка [6].

В октябре 2024 года, согласно издательству «Компьютерра», была совершена несанкционированная атака на Государственную Автоматизированную Систему (ГАС) «Правосудие», ответственность за которую взяла проукраинская хакерская группа «ВО Team» [7]. В результате атаки было уничтожено значительное количество данных, включая резервные копии, что привело к сбоям в работе судебных органов. Изначально ущерб считался настолько значительным, что восстановление доступа планировали только к концу 2024 года. Согласно официальной информации, работоспособность ГАС «Правосудие» была восстановлена только через месяц.

В июле 2025 года произошло полное компрометирование внутренней IT-инфраструктуры компании «Аэрофлот». Финансовые потери составили 275 миллионов рублей в виде недополученной выручки, а также нераскрытые затраты на восстановление систем [8].

Как видно из представленных примеров, преступления в виртуальном мире являются не меньшей угрозой чем те, что происходят в реальном, а их жертвами могут быть совершенно разные, не связанные друг с другом люди, компании и даже государственные структуры. Разберемся более детально, как каждый из субъектов может обезопасить себя или по крайней мере минимизировать ущерб от подобных преступлений, а также потенциальную стоимость мер безопасности.

Рядовой пользователь, как одна из самых популярных целей для кибератак, может пройти один из нескольких курсов по информационной безопасности от «Яндекс Практикум», «Сбербанк» и «Академия Касперского», что повысит его осведомленность в сети. Ресурс «Sky.pro» также предлагает использовать опцию двухфакторной аутентификации - опции входа в аккаунт, которая требует дополнительное подтверждение пользователем, будь то отдельное приложение, коды из личных сообщений(SMS, электронное письмо) или распознавание лица и отпечатков пальцев [9]. Большинство кибератак эксплуатируют уязвимости, для которых уже выпущены исправления: регулярное обновление приложений и операционной системы закрывает подобные бреши в безопасности. Установка антивирусных программ - одно из наиболее очевидных решений - регулярные

проверки оборудования и частое обновление вирусных баз позволят долгое время оставаться защищенным без приложения дополнительных усилий и временных затрат. Главным фактором, минимизирующим ущерб, является наличие резервных копий. Программы-вымогатели, технические сбои, кража устройств — все это может привести к необратимой утрате информации. При наличии резервных копий важных файлов можно избежать катастрофических последствий и быстро восстановить работоспособность. Для домашнего хозяйства, как правило, ежегодная стоимость будет колебаться в рамках нескольких тысяч рублей, если не меньше. Большинство действий, которые может совершить рядовой пользователь компьютера, совершенно бесплатны, а часто уже активно используются большинством.

В свою очередь, обеспечение информационной безопасности для бизнесов и предприятий не ограничивается простой осведомленностью в сети: целенаправленные атаки на корпоративные системы совершаются все чаще, а средства защиты от них становятся все дороже. Такими средствами являются как антивирусы, так и более сложное ПО, которое взаимодействует с сетевым трафиком, несколькими рабочими компьютерами и равномерно распределяет нагрузку на инфраструктуру. Очевидно, такие решения доступны далеко не каждому предприятию. В случае обострения «цифровой гонки вооружений» и повышения частоты кибератак малые бизнесы могут оказаться в проигрыше, так как им необходимо выделять и без того ограниченные ресурсы на новые средства защиты. Цифровая безопасность рискует стать неподъемной статьей расходов: ради ее обеспечения малый бизнес вынужден будет пожертвовать качеством или количеством продукции, либо возможностями расширения своего производства. В таком сценарии большинство малых бизнесов рискуют быть поглощены более крупными игроками на рынке, которые могут себе позволить вышеупомянутые средства.

В случае государства, для которого угроза взлома и утечек информации как никогда высока, вопрос безопасности стал одним из наиболее приоритетных в последние годы. Еще в 2017 году председатель комитета Государственной Думы по информационной политике Вячеслав Володин заявил: "Законодательство должно идти в ногу с развитием технологий, чтобы эффективно защищать граждан и бизнес" [10]. Так, принятие новых законов позволит государству активнее регулировать сферу информационных технологий и в какой-то степени развяжет руки касавшимся используемых методов защиты. Важно использовать и опыт других государств: исходя из итогов шестой встречи руководителей прокурорских служб государств БРИКС, особое внимание было уделено применению информационных технологий в деятельности прокуратур и борьбе с видами преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий. Участники договорились обобщить и распространить успешные практики внедрения ИТ в деятельность прокуратур [11].

Владимир Викторович Селин, являющийся главой Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, утверждает, что первым шагом к созданию защищенной среды является обучение специалистов

кибербезопасности. К его словам можно отнести рост внимания к направлению в образовании, касающемуся кибербезопасности: в 2023 году постановлением Правительства РФ от 8 августа 2023 г. № 1292 "Об утверждении Правил перераспределения вакантных мест, имеющихся в образовательной организации и финансируемых за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов" число бюджетных мест по ИТ-специальностям было увеличено в два раза. Около 30% из них приходится именно на сферу информационной безопасности [12].

Помимо уже существующих платформ для тренинга от «Kaspersky» и «МегаФон» государство может уделить больше внимания системе «Цифровой ликбез» для сотрудников государственных учреждений. На более глобальном уровне можно внести изменения в Трудовой кодекс, обязывающие всех работодателей проводить ежегодное обязательное обучение и тестирование по основам кибергигиены для всех сотрудников, работающих с информационными технологиями.

Директор Центра мониторинга и управления киберугрозами Дрюков В.В. отметил, что “единая система мониторинга позволит нам быстрее реагировать на инциденты и минимизировать ущерб” - в качестве примера такой системы может служить разработка Positive Technologies, система мониторинга безопасности промышленных инфраструктур PT Industrial Security Incident Manager (PT ISIM). Она обеспечивает комплексный мониторинг безопасности промышленных ИТ-инфраструктур, помогает обнаруживать современные киберугрозы и таргетированные кибератаки, а также позволяет выполнить важную часть требований ФСТЭК России по защите объектов КИИ. Также она полностью покрывает меры приказа ФСТЭК России № 239: предотвращение вторжений компьютерных атак (СОВ) и реагирование на компьютерные инциденты (ИНЦ). Очевидно, для поддержания подобных инициатив государство также обязано выделять ресурсы, которые часто уже задействованы в других отраслях.

Для минимизации ущерба этим отраслям предлагается несколько вариантов: введение минимального целевого сбора с оборота крупнейших операторов связи и продавцов ИТ-оборудования, который впоследствии будет направлен в фонд информационной безопасности. Как пример активного введения аналогичной практики можно привести технологический сбор [13], который начнет действовать с 1 сентября 2026 года. Альтернативным вариантом может стать массовый переход государственных органов и госкомпаний на ПО и оборудование от единого оператора - например, «Ростех». Экономия только на программном обеспечении для текущего оборудования может составить десятки миллиардов рублей ежегодно, которые можно направить на разработку и внедрение российских решений.. На уровне уже существующих госпрограмм можно провести аудит всех действующих программ в сфере цифровизации, таких как «Цифровая экономика» и выделить в них обязательную, защищенную статью расходов на обеспечение кибербезопасности. Такой подход позволит включить расходы на информационную безопасность в ведение инициатив со

стадии их реализации и, как следствие, повысит устойчивость цифровой инфраструктуры соответствующих инициатив.

В настоящее время информационные технологии настолько прочно укоренились в жизни общества и государства в частности, что правонарушения в их сфере можно считать способными причинить равный или даже больший ущерб, чем преступления в реальном мире. Этому свидетельствуют бесчисленные заголовки, говорящие как о хакерских атаках, приносящих ущерб национальной экосистеме, так и о мерах противодействия, которые разрабатывает государство. Важно помнить, что ответственность за информационную безопасность лежит как на самом государстве, так и на рядовом пользователе: от выполнения элементарных правил кибергигиены до постоянного расширения знаний об информационных технологиях.

Список литературы

1. Anti-Malware.ru. Российское правосудие и киберпреступники // Anti-Malware.ru. [Электронный ресурс] URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/Russian-courts-attitude-towards-cybercriminals (дата обращения: 28.12.2025)
2. BI.ZONE. Шпионаж — главная цель каждой второй кибергруппировки, атакующей Россию // BI.ZONE. [Электронный ресурс] URL: <https://bi.zone/news/shpionazh-glavnaya-tsel-kazhdoy-vtoroy-kibergruppировki-atakuyushchey-rossiyu/> (дата обращения: 28.12.2025)
3. Computerra.ru. Самые крупные хакерские атаки в России с 2021 по 2025 год // Computerra.ru. [Электронный ресурс] URL: <https://www.computerra.ru/309334/samye-krupnye-hakerskie-ataki-v-rossii-s-2021-po-2025-god/> (дата обращения: 28.12.2025)
4. Group-IB. High-tech crime trends 2025 // Group-IB. [Электронный ресурс] URL: <https://www.group-ib.com/landing/high-tech-crime-trends-2025/> (дата обращения: 28.12.2025)
5. ITcom Academy. Топ-10 громких кибератак в 2023 году в России // ITcom Academy. [Электронный ресурс] URL: <https://itcom-academy.ru/stati/top-10-gromkih-kiberatak-v-2023-godu-v-rossii/> (дата обращения: 28.12.2025)
6. Kaspersky.ru. Лаборатория Касперского назвала основные киберугрозы для энергетической отрасли в России // Kaspersky.ru. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/laboratoriya-kasperskogo-nazvala-osnovnye-kiberugrozy-dlya-energeticheskoy-otrasli-v-rossii> (дата обращения: 28.12.2025)
7. Kommersant. IT-системы «Аэрофлота» после атаки придется восстанавливать около года [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7923907>.
8. Sky Pro. Кибербезопасность: 7 проверенных правил защиты данных в сети // Sky Pro. [Электронный ресурс] URL: <https://sky.pro/wiki/profession/kiberbezopasnost-7-proverennykh-pravil-zaschity-dannykh-v-seti/> (дата обращения: 28.12.2025)
9. TASS. Новости // ТАСС. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22978955> (дата обращения: 28.12.2025)
10. Генпрокуратура РФ. Официальный сайт // Генпрокуратура РФ. [Электронный ресурс] URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e469425/> (дата обращения: 28.12.2025)
11. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Новости законодательства [Электронный ресурс] // Государственная Дума РФ. URL: <https://duma.gov.ru/news/25842/> (дата обращения: 28.12.2025)
12. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 N 187-ФЗ (с изменениями и

дополнениями) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL:
https://base.garant.ru/413165215/#block_6 (дата обращения: 28.12.2025)

13. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер по противодействию терроризму» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL:
<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407414543/> (дата обращения: 28.12.2025)

Об авторе:

ФЕДОРОВ Максим Алексеевич – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

История правовых и политических учений

ОБЩЕСТВО – СВОД КАМНЕЙ, КОТОРЫЙ ОБРУШИЛСЯ БЫ, ЕСЛИ БЫ ОДИН НЕ ПОДДЕРЖИВАЛ ДРУГОГО

Э.Е. Помозова

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель: к.филос.н, доцент Бужор Евгения Сергеевна

Центральной темой статьи стало изучение идей Сенеки о роли нравственного воспитания членов общества в их готовности оказать помощь ближнему.

Важной идеей трудов Сенеки является нравственное воспитание личности, ее готовности к оказанию помощи ближнему. Сенека видит устойчивость общества как «свода камней» в связующем растворе - взаимопомощи и благодеяние всех членов общества.

Центральной проблемой статьи стало изучение предположения Сенеки о том, что готовность оказать помощь другим членам общества может быть только у нравственно воспитанных членах общества.

Большую роль в продвижении нравственного воспитания членов общества в готовности каждого члена общества совершать благодеяния для обеспечения устойчивости «свода камней» Сенека признавал за наставником.

Идеи Сенеки о взаимопомощи и благоволении как необходимой связи в жизни общества, обеспечивающей его устойчивость как «свод камней», являются современными и по-прежнему актуальными, что делает философские взгляды Сенеки востребованными и сегодня.

Автор статьи сосредоточился на решении вопроса о соответствии идеи Сенеки о роли взаимопомощи устройству современного общества. В статье делаются предположения о том, что эффективными способами восстановления связей между членами современного общества, воспитания в них готовности к взаимопомощи могут быть организация волонтерской деятельности, использование виртуальных сообществ и онлайн-сетей как новых форм взаимодействия людей.

Солидарность и взаимопомощь являются столпами духовно-нравственного воспитания граждан РФ.

Ключевые слова: Сенека, свод камней, нравственное воспитание, взаимопомощь, общество

Луций Анней Сенека - был не только выдающимся философом, стоиком, наставником, римским государственным деятелем, но и мастером слова. Его философские размышления о мудрости, справедливости, смерти, нравственности оставили неизгладимый след в истории мысли.

В качестве методологической основы исследования использовался метод текстологического анализа произведений философа.

«Общество – свод камней, который обрушился бы, если бы один не поддерживал другого». Эта лаконичная метафора, принадлежащая перу римского стоика Луция Аннея Сенеки, на первый взгляд кажется простым архитектурным сравнением. Но за ней стоит целая философская программа, объясняющая саму возможность человеческого существования. Арочный свод – одно из величайших изобретений античной инженерной мысли. В отличие от колонны, где каждый камень покоится на нижележащем, в своде каждый элемент

одновременно опирается и испытывает давление от соседних. Извлеките один камень - и вся конструкция, державшаяся веками, рухнет в одно мгновение.

Сенека, написавший эти строки в I веке н.э., в своем труде «Нравственные письма к Луцилию» (письмо ХСV) дает нам возможность найти ответы на многие вопросы современного устройства жизни общества. В обращенных к своему другу и ученику письмах Сенека откровенно описывает человека со всеми человеческими слабостями.

Однако, Сенека не был бы понят без своих великих предшественников – Платона и Аристотеля, которые несколькими веками ранее заложили основы европейской политической мысли. Вместе эти три мыслителя создают объемную картину: Аристотель объясняет, почему люди не могут жить друг без друга, Платон описывает идеальную архитектуру общего здания, а сам Сенека показывает, каким нравственным усилием каждый день скрепляется этот свод. Обратившись к их трудам – «Политике» Аристотеля [3]. «Государству» Платона [7] и «Нравственным письмам к Луцилию» Сенеки [5], - мы увидим, как античная мысль предвосхитила вечную проблему человеческого общежития: баланс между индивидуальным и общим, свободой и обязанностью, автономией и взаимозависимостью.

1. В первой книге «Политики» Аристотель дает свое знаменитое определение: «Человек по природе есть существо политическое» [3, с. 465 - 475]. Человек не может жить вне общества. Тот, кто способен жить в одиночестве и не нуждается в других, по Аристотелю, либо бог, либо зверь – то есть, либо стоит выше человеческого, либо опустился ниже него. Человек же, в отличие от животных, наделен речью (логосом), которая позволяет ему различать добро и зло, справедливое и несправедливое. Речь – это не просто сигнальная система, а инструмент совместного обсуждения того, как лучше жить.

Аристотель выстраивает иерархию форм человеческого общения. Первая и самая естественная – семья (ойкос), основанная на отношениях господина и раба, мужа и жены, отца и детей. Несколько семей, объединившись, образуют селение (коме). А несколько селений – государство (полис). Полис, по Аристотелю, не просто большее по размеру объединение. Это качественно иной уровень. Именно в полисе впервые появляется самодостаточность (автаркия) – способность сообщества обеспечить все необходимое для «хорошей жизни» (эвдемонии), а не просто для выживания.

«Государство по природе предшествует индивиду» [3, с. 465 - 475]. Это звучит парадоксально – ведь исторически люди сначала жили в семьях, потом в селениях, и только потом возникли полисы. Но Аристотель имеет в виду не хронологию, а логику и сущность. Как рука, отрезанная от тела, перестает быть рукой, так и человек, изолированный от общества, перестает быть человеком в полном смысле этого слова. Его человеческие качества – способность к суждению, моральному выбору, совместному действию – атрофируются.

Метафора Сенеки получает у Аристотеля глубокое обоснование: камни держатся вместе не потому, что кто-то приказал им держаться, и не потому, что они заключили договор. Они держатся вместе, потому что устроены так, что не

могут держаться иначе. Человек для Аристотеля – это камень, которому самой своей формой предписано быть частью свода. Одиночество для него противоестественно, а общество – не бремя, а реализация его собственной природы.

2. Если Аристотель объясняет, почему люди собираются вместе, то Платон в своем диалоге «Государство» показывает, как именно должно быть устроено это совместное существование, чтобы свод не рухнул. Причем метод Платона уникален: он предлагает «написать буквы государства крупнее, чтобы потом прочесть их в душе человека». Иными словами, справедливость в обществе и справедливость в индивидуальной душе – это одно и то же, только в разных масштабах.

Платон описывает идеальное государство, состоящее из трех сословий, каждое из которых соответствует одной из трех частей души. Первое сословие – правители-философы, соответствующие разумной части души (логос). Их добродетель – мудрость. Второе сословие – стражи-воины, соответствующие яростной, аффективной части души (тимос). Их добродетель – мужество. Третье сословие – земледельцы, ремесленники и торговцы, соответствующие возделывающей части души (эпитюмия). Их добродетель – умеренность.

Согласно учению Платона, объединение классов ремесленников и земледельцев в государство связано с необходимостью удовлетворить потребности человека, который в одиночку этого не сможет сделать. Однако рассуждения Платона о справедливости свидетельствуют о том, что он так же, как и Аристотель в «Политике» не исключал «достижение прекрасного существования» в качестве цели объединения классов в государство.

Платон утверждал, что главная добродетель всего государства – справедливость. И Платон определяет ее необычно: справедливость – это не равенство и не распределение благ, а «заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие». Сапожник должен шить сапоги, воин – защищать город, а философ – управлять. Пока каждый выполняет свою функцию и не претендует на чужую, государство здорово. Как только сапожник начинает рваться в правители или воин – копить богатства, начинается болезнь, которая ведет к разрушению.

Здесь метафора «свода камней» проявляется с особой силой. В арочном своде каждый камень выполняет свою уникальную функцию. Камни в своде не взаимозаменяемы: замковый камень (замыкает арку в самой верхней точке) испытывает совершенно иные нагрузки, чем камни в основании. Если попытаться поменять их местами, конструкция рухнет. Так и в обществе: справедливость – это точное соответствие каждого на своем месте, поддержка соседа выполнением своей задачи, а не чужой.

Платон предупреждает: как только этот порядок нарушается, государство начинает деградировать, проходя последовательные стадии падения. Тимократия сменяется олигархией, олигархия – демократией, а демократия неизбежно приводит к тирании – самой худшей форме правления, где свод разрушен окончательно и каждый камень лежит отдельно, придавленный весом тирана.

Для Платона общественный свод держится не просто на взаимной поддержке, а на иерархической поддержке: низшие сословия поддерживают высших своим трудом и послушанием, а высшие поддерживают низших мудрым управлением и защитой. Это не равенство, а гармония неравных частей, образующих устойчивое целое. И в этом платоновская модель радикально отличается от современных представлений об обществе как о договоре равных. Так, согласно мнению современных исследователей, в частности Е.В. Балацкого, Н.А. Екимовой, общественный договор представляет собой «форму существования государства и интеграции верховной власти с обществом» [4, с. 625]. Но сама идея о том, что падение одного элемента фатально для всех, остается неизменной.

3. Сенека видит устойчивость общества как «свода камней» в связующем растворе - взаимопомощи и благодеянии всех членов общества. Благодеяние – активная, осознанная добровольная помощь другому. В «Нравственных письмах к Луцилию» [5, письмо LXXV]. Сенека развивает идею, что человек рожден для совместной жизни в обществе. По своей природе человек не может жить без помощи друг друга. Но эта помощь не должна быть вынужденной или механической. Истинная поддержка – это добровольный акт, в котором один камень сознательно принимает на себя давление, чтобы разгрузить соседа.

В выражении «Общество – свод камней, который обрушился бы, если бы один не поддерживал другого» важно понять радикальность позиции Сенеки. Он не говорит, что люди поддерживают друг друга из корысти или страха наказания. Он говорит, что поддержка – это нравственная обязанность, неисполнение которой разрушает не только другого, но и самого себя. В трактате «О благодеяниях» Сенека подробно разбирает, что такое истинное благодеяние. Это не просто помощь. Это помощь, оказанная без унижения, без ожидания немедленной оплаты, из чистого расположения. Именно такие акты благоволения – невидимый «раствор», скрепляющий камни свода.

Большую роль в готовности каждого члена общества оказать поддержку другим его членам для обеспечения устойчивости «свода камней» Сенека признавал за наставником.

Утверждая высокую миссию наставника в обществе, Сенека видел свою задачу в исправлении пороков, которые были не чем иным, как болезнями души [5, Письмо LXXV].

В области воспитания ученика Сенека ставит воспитание души на первое место. По его мнению, только философия может быть инструментом воспитания души [5, Письмо LXIV; LXXI; LXXXVIII].

Философ признавал воспитание личности первоочередной задачей для человека, стремящегося к самосовершенствованию. Именно поэтому он поставил размышления о нравственности в центр своей методологии и всегда выступал за самосовершенствование посредством жизненной практики.

Путем тщательного наблюдения за собой и своим окружением Сенека раскрывает природу человека, а именно его достоинства и недостатки, а также слабости, которые мешают ему продвигаться к лучшему [5, Письмо LII].

Затем он классифицировал людей в соответствии с их способностью стремиться к совершенству. Первый тип - это те, кто может самосовершенствоваться. Второй - те, кто нуждается в помощи, включая его самого и его друга Луцилия. Третья группа состоит из людей, которых можно заставить стремиться к совершенству [5, Письмо LII]. Сенека не интересовался первой группой, поскольку они могли эволюционировать самостоятельно, без помощи внешних сил и наставников.

Сенека сосредоточил все свое внимание на второй и третьей группах людей, которые нуждались в помощи и принуждении, - наставниках. Философ считает, что последних нельзя игнорировать, напротив, они «заслуживают величайшего уважения, потому что их заслуги больше, потому что они преодолели величайшие трудности» в самосовершенствовании.

Поэтому первым шагом в процессе воспитания личности должен быть внутренний диалог с самим собой, глубокий самоанализ: «Делай все возможное, чтобы разобраться в себе» [5, Письмо VII].

Обращаясь к тем, кто нуждается в помощи, а, следовательно, и к самому себе, Сенека говорит о необходимости всегда иметь перед собой образец для подражания [5, Письмо XI].

Каждое наставление должно сопровождаться ярким и трогательным примером: «Самый быстрый и эффективный способ - учиться на собственном примере» [5, Письмо VI]. В ярких и убедительных примерах своих предков и современников, в книгах великих мыслителей Сенека находит для себя применение и советует другим искать «руку помощи» [5, Письмо II; VI; XXX; XXXIX] LII; LXXXIV].

Сенека говорит о пользе чтения, но он говорит, что необходимо предостеречь от чтения слишком большого количества книг наугад, что, по его словам, «похоже на бродяжничество» [5, Письмо II]. Нужно читать только те книги, которые помогают сформировать правильное отношение к жизни и высокие моральные стандарты. Таким образом, наставник должен ориентировать своего ученика на выдающихся авторов и мудрые мысли, содержащиеся в их книгах [5, Письмо VI].

Согласно Сенеке, наилучшая и непосредственная помощь может исходить только от гармоничных, любящих и непосредственных отношений между учеником и учителем. Таким образом, Сенека был убежден, что только благодаря непосредственному контакту ученик может подняться до уровня учителя [5, Письмо XXII].

Главным условием восприятия учеником идей учителя видится Сенекой в построенном определенном образом общении, единой мотивации на самосовершенствование. Поэтому Сенека к наставнику предъявляет особенно строгие требования. По его мнению, последний должен быть как можно более самокритичными, чаще ставить себя на место ученика.

Таким образом, можно провести различие: Платон описывает статику свода - его формальную структуру, распределение ролей. Аристотель описывает его динамику естественного развития, а Сенека описывает его интенциональность –

то внутренне усилие, которое каждый камень должен совершить, чтобы не выпасть. Без этого усилия даже самая совершенная архитектура рухнет. И рухнет не потому, что кто-то злонамеренно вытащил камень, а потому, что камни перестали «хотеть» держать друг друга.

К сожалению, в современном мире можно наблюдать разрушение «свода камней», о котором в свое время писал Сенека.

Так, американский социолог Роберт Патнэм в книге «Боулинг в одиночку...» (2000) описал, как в США за последние полвека резко упал уровень социального капитала – связей, доверия и взаимопомощи между людьми [8, с. 149-152]. Люди перестали вступать в клубы, посещать собрания, даже просто приглашать соседей в гости. По образному выражению автора книги: «Люди играют в боулинг – но в одиночку, а не в союзах».

Действительно, это и есть та самая картина рассыпающегося свода: камни формально находятся рядом, но они больше не поддерживают друг друга. Каждый лежит сам по себе, и малейшее сотрясение – экономический кризис, пандемия, природный катаклизм – способно обрушить всю конструкцию.

Меры, предпринятые в период пандемии COVID-19, такие как, ограничения на передвижение и пересечение границ; режим самоизоляции для заболевших и контактировавших с ними и др. продемонстрировали всему обществу значимость взаимосвязей между разными членами общества, взаимопомощи и поддержки. В одних обществах люди объединялись, помогали пожилым соседям, создавали волонтерские сети. В других – сметали с полок пачками гречневую крупу и отказывались прививаться, руководствуясь только личным интересом. В этот период уязвимым оказалось старшее поколение, которое стало настойчиво ощущать потребность межличностного взаимодействия. Молодое поколение на период пандемии свои коммуникативные взаимосвязи выстраивало с применением гаджетов. Таким образом, преодоление периода пандемии зависело не только от качества медицины, но и от того, сохранилась ли еще в обществе привычка к взаимной поддержке.

Развитие информационных технологий в современном обществе сыграло роль в разрыве социальных связей, потере доверия и взаимопомощи между людьми, поскольку они облегчили людям возможность оставаться на связи без физического взаимодействия друг с другом. Это привело к уменьшению количества личных взаимодействий между соседями, членами других сообществ, которые необходимы для построения прочных социальных сетей и отношений. Безусловно, развитие информационных технологий имеет положительные стороны. Однако, негативная сторона внедрения информационных технологий на общество проявилась в снижении гражданской активности и участия людей в общественной деятельности, что может и дальше приводить к снижению общественного доверия и отсутствию коллективных действий.

Кроме того, отсутствие чувства взаимопомощи между людьми может привести к снижению социальной сплоченности, поскольку люди с меньшей вероятностью будут доверять и полагаться друг на друга.

Восстановление связей, доверия и взаимопомощи между людьми Патнэм, автор книги «Боулинг в одиночку ...» видит в развитии новых форм взаимодействия [8, с. 152]. Использование виртуальных сообществ и онлайн-сетей может помочь восстановить чувство общности, утраченное в последние десятилетия. Новые формы взаимодействия людей, перенесённые в онлайн-формат, помогут создать более активное и заинтересованное гражданское общество, которое может способствовать формированию более вовлеченного и справедливого общества.

Эффективными способами взаимодействия и построения отношений между людьми, по мнению Патнэма, могут быть волонтерство и общественные работы. Эти действия могут помочь создать ощущение общих ценностей и норм, что может привести к повышению социальной сплоченности и солидарности.

Ради устойчивости «свода камней» в современном обществе надлежит предпринять некоторые усилия и восстанавливать необходимые связи между людьми, повысить уровень их доверия и готовность к взаимопомощи.

Так же, как и в свое время утверждал Сенека, Роберт Патнэм полагает, что разрыв связей между членами общества, готовность их к взаимопомощи можно преодолеть за счет развития новых форм образования, таких как обучение на протяжении всей жизни и наставничество. Наставничество — это форма обучения, в которой опытный человек оказывает помощь и поддержку менее опытному человеку [6]. Программы наставничества могут обеспечить руководство и поддержку для отдельных лиц.

2026 год объявлен Президентом РФ Годом единства народов России [1].

«Гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» на нормативном уровне причисляются к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, укрепление и защита которых отнесены к национальным интересам России [2].

Духовные традиции российского общества, обладая исключительной значимостью для выживания социума, приобретают особую актуальность в современный период. По мнению О.В. Шевченко, Е.С. Бужор, духовно-нравственные качества личности обусловлены «...воспитанием, умением различать добро и зло, образованием, широким кругозором и ориентированностью на чувство правды и справедливости – а также самостоятельность в принятии решений на их основе» [9].

Солидарность и взаимопомощь становятся столпами духовно-нравственного воспитания граждан РФ.

Итак, метафора Сенеки – «общество – это свод камней, который обрушился бы, если бы один не поддерживал другого» - оказывается многослойным философским утверждением. В ней переплетаются онтология Аристотеля, политическая теория Платона и этика самого Сенеки.

В нашу эпоху, когда либеральный индивидуализм часто празднует победу, а социальные связи становятся все более хрупкими и инструментальными, эта древняя метафора звучит как тревожное предупреждение. Мы забываем, что

камень, вынутый из свода, перестает быть камнем, - он становится обломком. Мы не замечаем, что наши «добровольные» ассоциации на самом деле являются появлением глубиной зависимости, которую невозможно преодолеть, можно лишь вытеснить из сознания.

Луций Анней Сенека, писавший эти строки две тысячи лет назад, обращался не только к своему приятелю Луцилию. Он обращался к нам. И его вопрос остается открытым: готовы ли мы быть тем самым камнем, который поддерживает свод? Или предпочтем стать камнем, который лежит отдельно, гордый и независимый, - ровно до того момента, когда конструкция, лишенная нашей поддержки, погребет нас под своими обломками?

Нарисовав свой собственный портрет в «Нравственных письмах к Луцилию», столь несовместимый с образом настоящего философа, Сенека предлагает следующим поколениям исследовать его личность, которой приходилось бороться с реальными человеческими слабостями. Давая пищу для размышления Сенека закладывает основу для умения следующих поколений построить «свод камней», который будет основан на поддержке, взаимной помощи, оказываемой друг друга каждым членом общества.

Метафора свода напоминает нам простую истину: в одиночку можно быть только обломком. Лишь вместе мы становимся тем, чем призваны быть, - людьми.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 25.12.2025 № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512250003>
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2021. 3 июля. № 0001202107030001. URL: www.pravo.gov.ru
3. Аристотель. Политика / Антология мировой философии. М., 1969. Т.1. С. 465-475. [Электронный ресурс]. URL: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/aristotel_politics.html (обращение - 27.04.2026).
4. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Феномен общественного договора: эволюция концепций и современные интерпретации. С. 625. [Электронный ресурс]. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://elar.ufru.ru/bitstream/10995/122408/1/jaer_2022_21_3_008.pdf (обращение 5.05.2026)
5. Луций Сенека Нравственные письма к Луцилию [Электронный ресурс]. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.100bestbooks.ru/files/Seneka_Nravstvennye_pisma_k_Lutsiliyu.pdf (обращение - 27.04.2026).
6. Наставничество: вводные понятия / Российское общество «Знание» <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://edu.dobro.ru/upload/uf/cce/us1s2wsy8c3o7arxgji45aeyq1autdhl.pdf>
7. Платон. Государство. Книга II [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.today/TEXTS/PLATO/LosevH/0303.htm> (обращение - 27.04.2026).
8. Роберт Д. Патнэм. Боулинг в одиночку: коллапс и выживание американского сообщества. 2000. 541 с. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://vsuhom.ru/pdf/ru/book/www.vsuhom.ru_192_abstrakt-Bouling_v_odinochku_.pdf

9. Шевченко О.В., Бужор Е.С. О механизме преемственности духовных традиций российского общества и армии // Философия. История. Образование. 2022. № 2 (4). [Электронный ресурс]. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://elibrary.ru/download/elibrary_54757347_36597573.pdf

Об авторе:

ПОМОЗОВА Эвелина Евгеньевна, студентка группы ГФКиЦК25-1 финансового факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), направление 38.03.01 «Экономика».

Принято в редакцию 11.06.2026.
Подписано в печать 17.06.2026.

Подписано к использованию 24.06.2026.
Электронный образовательный ресурс. Заказ № 108.
Издательство Тверского государственного университета.
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. (4822) 35-60-63.